

А.А. Федотов

**ЛИЧНОСТЬ И РАЗВИТИЕ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ СКВОЗЬ
ПРИЗМУ ТВОРЧЕСТВА
АНГЛИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
КОНЦА XIX- ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВВ.**

Монография

*Издание осуществлено при поддержке
Благотворительного Фонда
Святителя Николая Чудотворца
в год английской литературы в России*

Москва

Издательский Дом «Большая Москва»

2016

ББК 84-5

Ф34

Рецензенты:

В. П. Океанский - доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК), заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»;

Д.Л. Шукуров - доктор филологических наук, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет»

Федотов, А. А. Личность и развитие глобализации сквозь призму творчества английских писателей конца XIX – первой половины XX вв. – А. А. Федотов. – Москва, Издательский Дом «Большая Москва», 2016. – 400 с.

В монографии рассматриваются вопросы места личности в условиях развития глобализации сквозь призму творчества английских писателей конца XIX – первой половины XX века.

Выбор авторов, ряд аспектов творчества которых рассмотрены в монографии, носит в какой-то мере субъективный характер, однако, представляется, что при этом отражает наиболее значимые общие тенденции.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-9908353-3-7

© Федотов А. А., 2016

©Благотворительный Фонд Святителя Николая Чудотворца, 2016

© Издательский Дом «Большая Москва», 2016

©Ивановский филиал ЧОУ ВО «Институт управления», 2016

©ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новая книга Алексея Александровича Федотова, известного в России ученого-религиоведа, историка и богослова (вкуче с этими профессиональными ипостасями – культуролога, писателя и журналиста), является органичным развитием предшествовавшей научной работы – *«Духовные поиски английских писателей на рубеже XIX-XX веков в контексте формирования глобального мира»* (Иваново, 2015). Заинтересованный читатель, безусловно, знает, что многочисленные публикации этого автора каждый раз вызывают большое количество споров, обсуждений, теоретических дискуссий в интеллектуальной среде российского общества. При этом даже при наличии полярных точек зрения и противоположных суждений относительно произведений А. А. Федотова они парадоксальным образом индуцируют консолидирующий общественный резонанс. Автор затрагивает в своих публикациях самые острые проблемы развития современной науки, гуманитарного знания, политики, религии, культуры и литературы – те самые, которые обычно сегодня раскалывают общество; однако в его творческом восприятии эти болезненные темы и актуальные вопросы современности преобразуются и находят прочную опору для *эвристического разномыслия!*

Так, по слову св. апостола Павла, – «ибо надлежит быть и разномыслиям между вами,

дабы открылись между вами искусные» (1Кор.11:19) – научное и литературное творчество А. А. Федотова, обращаясь к *дезинтегрирующим* началам культурной жизни эпохи Нового времени, формирует диалектически-антиномическую реакцию на *энтропию* – стремление найти продуктивные пути преодоления кризиса, основанное на опыте христианской веры, объединяющем и приводящем общество к согласию, миру, любви и социальной гармонии.

Монография, представленная вниманию читателя, актуализирует животрепещущие темы и вопросы наших дней: *возможна ли духовность в современном секулярном мире? каковы последствия модернизации традиционного общества? какова роль и миссия христианской Церкви в жизни современных людей?* Однако отличительной особенностью рассмотрения всех этих проблемных и кризисных вопросов в настоящей книге становится неожиданный ракурс анализа, сосредоточенный в большей степени на *литературном* материале – творчестве писателей англосаксонского мира.

Этот специфический подход, выраженный исследовательским интересом к проблемам художественной литературы, сопряжен с глубокими культурологическими и даже политологическими интуициями, что придает монографии междисциплинарный характер, а значит и особый статус в контексте современной гуманитарной науки.

Как и предшествующая монография на данную тему, новый труд нельзя назвать ни исключительно *литературоведческим*, ни *историческим* или *политологическим*, а также – *богословским*, *философским* или *религиоведческим* исследованием. У любителей навешивать ярлыки и непременно распределять и классифицировать вполне может возникнуть искушение отнести исследование к разряду культурологических (особенно если культурологический подход понимается в профанированном ключе – как некий тотально-всеобъемлющий *эклетицизм*). Однако исследование А. А. Федотова, несмотря на отмеченные нами ранее культурологические масштабы затрагиваемых идей и концепций, не является и исключительно культурологическим. В центре исследовательских размышлений автора – не просто творчество ряда английских писателей и интеллектуалов в социокультурном контексте современности, а самая суть человеческой *экзистенции* – проблема жизни и смерти и *личной ответственности* за выбор между ними.

Выдающийся отечественный ученый, филолог и философ, М. М. Бахтин использовал в своих работах такое понятие как «*не-алиби в бытии*», подразумевая отсутствие у каждого из нас возможности оправдаться *друг перед другом* или *перед самими собой* или даже *перед Самим Богом* – своей непричастностью к жизни. Мы не можем сказать «*нас здесь не было*» или «*я не имею к этой жизни никакого отношения*», «я

не причастен к истории», «меня здесь не было и у меня есть доказательство – алиби». У нас нет такой возможности, нет алиби: мы причастны к жизни и человеческой истории в любом случае и несем личную ответственность за жизнь свою, своих родных и близких, знакомых и незнакомых людей, за весь мир и его судьбы...

А как нести ответственность за судьбы мира? Ведь мы же настолько слабы и немощны? Пусть уж лучше эту ответственность несут «избранные» и «гении» – личности исторического масштаба! Нет – отвечает автор настоящего исследования вслед за М. М. Бахтиным – именно мы сами ответственные и за свою судьбу, и за свой выбор, и даже за судьбы мира! Мы сами делаем выбор в пользу добра или зла, а не кто-то посторонний – вместо нас. И в тот момент, когда мы осознанно встаем на сторону добра, нам на помощь приходит Сам Господь, который знает о наших слабостях и немощах и не оставляет нас, а многомерно усиливает наши таланты, способности и возможности.

На мой взгляд, основная коллизия книги А. А. Федотова, посвящённой персоналиям и персонажам английской литературы, состоит в опыте экзистенциального анализа мотивов *ответственного* и *безответственного* поведения современных людей, жизнь которых без прикрас и излишнего пафоса, а напротив – со всей неоднозначностью и внутренней сложностью, изображена на страницах произведений таких раз-

ных и непохожих писателей и мыслителей англосаксонского мира как Т. Гоббс, Л. Кэрролл, О. Уйльд, В. Вульф, Г. Уэллс, К.С. Льюис, Г. К. Честертон, У. С. Моэм, Дж. Р. Р. Толкин, О. Хаксли, Г. Грин, Дж. Роулинг, А. Тойнби и некоторых других авторов.

Научно-исследовательский дискурс в настоящей монографии имеет свое средоточие – это мысль о Христе и о вере в Бога, которой пронизано разнородное, в первом приближении, повествование в произведениях рассматриваемых авторов.

Другой особенностью дискурса является убедительно режиссированная и спроектированная А. А. Федотовым яркая *хрестоматийность* изложения материала, в котором находится место и для сугубо политикомировоззренческих споров, философских диалогов, эстетических теорий и литературоведческих штудий. Книга может быть полезной не только для высоколобых интеллектуалов и маститых ученых, но и для студентов, расширяющих свой интеллектуальный горизонт, да и просто готовящихся к очередной сессии.

Отталкиваясь от культурфилософских идей, философских и политических интуиций Т. Гоббса, Р. Гвардини, А. Тойнби, Ф. Ратцеля, А.Ф. Лосева, В.И. Вернадского, В. И. Ленина, Д.А. Гобсона и многих других мыслителей XX века, А. А. Федотов предлагает оригинальный подход к изучению культурно-исторических закономерностей развития современного общества.

Сквозь призму концепций империализма и глобального мира рассматривается процесс секуляризации исторического христианства, неизбежным результатом которого являются многочисленные кризисы в истории культуры XX века: кризис религии, кризис философии, кризис искусства, кризис литературы, кризис мировоззрения. Эта кризисность находит наиболее яркое выражение, с точки зрения А.А. Федотова, в творчестве писателей англосаксонского мира, представляющего вершину развития идеи империалистического мироустройства в эпоху рубежа XIX – XX веков. Исследователь подчеркивает, что «авторы, аспекты творчества которых были показаны в монографии, возможно и не думали, что их художественные произведения можно рассматривать в качестве источника по историко-культурологическому отражению процессов империализма и глобализации сквозь призму сознания личности, вовлеченной в эти процессы и передающих их общий фон через свое творчество». Однако именно в литературном творчестве английских писателей со всей очевидностью и остротой проявились духовные поиски нескольких поколений западноевропейских интеллектуалов XX века.

Окончательная версия предисловия к настоящей монографии сложилась в исторический не только для Великобритании, но и для всей современной Европы день. Именно сегодня, 24 июня 2016 года, были объявлены результаты *плебисцита* по вопросу о выходе стран объеди-

ненного королевства из состава Евросоюза. Преимущество оказалось на стороне так называемых *евроскептиков*, т.е. сторонников выхода из состава объединенной Европы. Это, безусловно, сложный и неоднозначный выбор народа, способный повлиять на культурное, политическое, экономическое развитие всего мира. Однако это именно *выбор*, сделанный с очевидной полнотой *экзистенциальной ответственности*, о которой мечтали и которую желали, ошибаясь и заблуждаясь, но искренне стремясь к ней, английские писатели и мыслители. Поэтому представленный в новой книге А. А. Федотова опыт прочтения и интерпретации известных произведений писателей-англичан в контексте современных кризисных процессов формирования *новой Европы* и в целом – глобального мира, я убеждён, является остроактуальным и вызовет чрезвычайный интерес у самого широкого круга читателей.

Дмитрий Леонидович ШУКУРОВ
доктор филологических наук, профессор кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета

Введение

Так называемое «Новое время» стало временем постепенного перехода от целостного (как сейчас принято говорить «холистического») восприятия мира к фрагментарному. А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа» писал, что «...понятие Бога есть условие и цель мыслимости бытия, как всего бытия, как цельного бытия. Вот почему понятие Бога рушится одновременно с разрушением интуиции цельности бытия вообще. Новоевропейская мысль не только отринула реальность Бога. Одновременно пришлось отринуть и реальность очерченного и обозримого космоса, т.е. мира вообще; пришлось отринуть реальность души, природы, истории, искусства и т.д»¹. И в то же время происходит резкое обесценивание конкретной человеческой личности.

«В мире нет ничего, – учил В.И. Ленин, – кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени»². Основатель антропогеографии Фридрих Ратцель писал: «Всеобщие законы распространения жизни охватывают также законы распространения жизни человеческой. Поэтому антропогеография мыслима только, как отрасль биогеографии, и целый ряд биогеографических

¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2008. С. 271.

² Ленин В. И. Соч., т. 14. С. 162.

понятий может быть непосредственно перенесен на вопросы о распространении человека»³.

Позднее В.И. Вернадский развил учение о ноосфере. В частности В.И. Вернадский утверждал: «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности... Лик планеты – биосфера – химически резко меняется человеком сознательно и главным образом бессознательно... Человек стремится выйти из предела своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет... Это новое состояние эволюции, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть “ноосфера”... Ход этого процесса только начинает нами выясняться...»⁴

В работе «Конец Нового времени» Р. Гвардини отмечал: «...постепенно исчезает чувство собственного бытия человека и неприкосновенной сферы “личного”, составлявшее прежде основу социального поведения. Все чаще обра-

³ Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле. М., 2011. С. 8.

⁴ См.: Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков./ Сост. Г.П. Аксенов. М., 1993. С. 505-520.

щение с человеком как с объектом воспринимается как что-то само собой разумеющееся: начиная от бесчисленных форм статистически-административного “охвата” и кончая немислимым насилием над отдельными людьми, группами, даже целыми народами. И не только в критических ситуациях или пароксизмах войн – это становится нормальной формой управления»⁵.

Р. Гвардини писал о том, что раньше понимание места человека в мире «выражалось философски в теории о субъекте как основе всякого познания; политически – в идее гражданских свобод; жизненно – в представлении о том, что каждый человеческий индивидуум – носитель неповторимого внутреннего образа, – может и должен развить и выразить себя, прожив ему одному свойственную жизнь. Эта мысль связана с определенной социологической структурой, а именно, с гражданским обществом, – если брать понятие “гражданского” в его самом широком смысле, охватывающем как ориентированного на рациональную ясность, ищущего твердой почвы под ногами человека, так и его антипода – романтика и богему; как обычного, среднего человека, так и исключение – гения. Вместе с техникой оформляется иная структура, в которой, очевид-

⁵ Гвардини Р. Конец Нового времени www.krotov.info/libr_min/04_g/gva/rdini.htm (дата обращения 03 октября 2013 года)

но, уже не может задавать тон идея саморазвивающейся творческой личности или автономного субъекта. И раньше были многие, составлявшие бесформенную массу в отличие от высокоразвитых единиц, но они выражали лишь тот факт, что там, где единица задает ценностные нормы, в качестве ее фона и почвы должны существовать и средние люди, ограниченные повседневностью. Однако они тоже стремились стать единицами и создать свою собственную жизнь. Масса в сегодняшнем смысле слова – нечто иное. Это не множество неразвитых, но способных к развитию отдельных существ; она с самого начала подчинена другой структуре: нормирующему закону, образцом для которого служит функционирование машины. Таковы даже самые высокоразвитые индивиды массы. Более того, именно они отчетливо сознают этот свой характер, именно они формируют этос и стиль массы...»⁶

Рубеж XIX – XX веков характеризовался развитием глобализационных империалистических процессов⁷.

⁶ Там же.

⁷ Подробнее об этом см.: Федотов А.А. Формирование учения об империализме в начале XX века. Иваново, 2011; Федотов А.А. Проблемы империализма в книге Розы Люксембург «Накопление капитала» // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2012. № 1-2(5-6); Федотов А.А. Учение об империализме в работах В.И. Ленина // Актуальные вопросы образования и науки. Научный журнал. Москва - Архангельск. 2010. № 5-6. Ноябрь. С. 72-77; Федо-

Британская империя была с одной стороны на пике своего могущества; с другой – стремительно приближалась к своему закату.

Воспевание цивилизаторской миссии Британии, апология империализма, представляемого как добровольное мученичество для «спасения» «отсталых наций», наверное, лучше всего выражены в небольшом стихотворении «Бремя Белого Человека», написанном в самом конце XIX века Редьярдом Кипплингом:

«Неси это гордое Бремя –
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли –
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.

<...>

Неси это гордое Бремя –
Ты будешь вознагражден

тов А.А. Учение об империализме в одноименной книге Д. А. Гобсона // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2011. № 1-2. С. 4-10; *Федотов* А.А. Империализм начала XX века в формировании геополитики начала XXI века // Философия хозяйства. 2013. № 6(90). С. 214-223; *Федотов* А.А. Февральская буржуазная революция 1917 года в контексте формирования новой государственности в мире // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2013. № 1-2(9-10) и др.

Придирками командиров
И криками диких племен:
"Чего ты хочешь, проклятый,
Зачем смущаешь умы?
Не выводи нас к свету
Из милой Египетской Тьмы!"⁸

И в это же время многие английские писатели чувствовали приближение катастрофы, краха старого мира. Особенно острым стало ощущение, что подлинная радость и счастье находятся за пределами категорий, которые большинство англичан того времени считали единственно реальными. Появляются прекрасные произведения, в которых с одной стороны – тоска по недоступному Раю, с другой – утверждение, что Рай не где-то далеко, он всегда рядом, просто нужно суметь его увидеть.

Интересно отметить, что эта тоска по Раю сквозит и в произведениях некоторых авторов совсем далеких от христианства по своим взглядам. И в то же время – многие английские авторы пишут об аде, поднявшемся на землю, на которой забыли про Бога.

В данной монографии рассматривается то, как общие процессы развития империализма на рубеже XIX – XX веков отразились на духовном

⁸ Цит. по: <http://klock.livejournal.com/122502.html> (дата обращения 6 ноября 2013 года)

поиске некоторых английских писателей. Их выбор носит в какой-то мере субъективный характер, однако, представляется, что при этом отражает наиболее значимые общие тенденции.

Исследование носит историко-культурологический характер, поэтому при его написании за небольшим исключением не использовались материалы литературной критики. Некоторые могут возразить, что для лучшего понимания писателя необходимо знакомство с тем, что писали о нем и его произведениях. Однако мне ближе точка зрения К.С. Льюиса, считавшего, что «великие тем и велики, что понять их гораздо легче, чем их толкователей. Самый отстающий студент поймет почти все, что сказал Платон, но мало кто разберется в нынешней книге платоноведа. Я всегда стараюсь внушить ученикам, что узнавать все из первых рук не только достойнее, но и просто легче и приятнее»⁹.

Англия – главный центр империализма рубежа XIX – XX веков, но совсем скоро центры были перенесены в Германию и СССР, а затем в США, и это не могло не наложить свой отпечаток на творчество тех, кто писал, будучи подданным английской короны, живя в метрополии имеющей глобальный характер Британской империи. Им нужно было ответить на вызовы именно той

⁹ Льюис К. С. О старинных книгах // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. СПб., 2004. С. 296

эпохи, но при этом они часто использовали образы мифологии разных народов. Например, К.С. Льюис проповедовал Христа, но с помощью художественных образов, иногда не говоря о Нем прямо, но при этом так, чтобы тронуть сердца многих из тех, кого не трогали выхолощенные богословские трактаты, а Библия виделась текстом, не имеющим отношения к их жизни.

Как именно империализм влиял на творчество писателей? Тот же К.С. Льюис в «Космической трилогии», а конкретно в «Мерзейшей мощи» говорит о «двух Англиях»: «Понимаете, есть Британия, а в ней, внутри Логрис. Разве вы сами не замечали, что есть две Англии? Рядом с Артуром – Мордред, рядом с Мильтоном – Кромвель, народ поэтов – и народ торговцев, страна сэра Филипа Сидни – и Сесила Родса. Надо ли удивляться, что нас считают лицемерами? Это не лицемерие, это борьба Британии и Логриса».

Можно видеть в этих словах совсем не то, что вижу я: не намек на реальную Британскую империю и идеальную Англию, которую искал в ней писатель, и эта точка зрения также может иметь место – на то и существуют художественные произведения. Дело в том, что в ранних своих произведениях и записях К.С. Льюис не касался проблем глобального мира; не знаю, употреблял ли он вообще термин «империализм»; но роль, место и значение личности в глобальном

мире в той или иной степени рассматриваются в разных его произведениях, в первую очередь, в «Космической трилогии». Уже то, что становление Льюиса как поэта происходило во время Первой мировой, свидетельствует о влиянии на него новой глобализации: как может не влиять империализм на участника империалистической войны, хотя бы опосредованно?

В монографии рассматриваются взгляды очень разных писателей – Герберта Уэллса, Оскара Уайльда и Уильяма Сомерсета Моэма, с одной стороны, и Клайва Льюиса, Гилберта Честертона и Джона Толкина – с другой, Джорджа Оруэлла и Олдоса Хаксли – с третьей, Вирджинии Вулф и Джеймса Джойса с четвертой. Отдельно от них стоят Джон Гобсон и Арнольд Тойнби. А вместо пролога и эпилога даны очерки о писателях и во все другого времени – Томасе Гоббсе и Джоан Роулинг. Казалось бы, что может быть общего у них? Ответ дает один из этих писателей – К.С. Льюис в своем очерке «О старинных книгах»: «У всякой эпохи свой кругозор. Она особенно четко видит одно и особенно слепа на другое. <...> Авторы одной и той же эпохи грешат каким-нибудь общим недостатком – даже такие, которые как я, стараются идти против духа времени. Когда я читаю старые споры, меня всегда поражает, что противники принимают как данность что-нибудь совершенно для нас неприемлемое. Сами они ду-

мают, что ни в чем не согласны, а на самом деле множество мнений объединяет их друг с другом и противопоставляет прочим векам. Не сомневайтесь, что слепое пятно XX века (то самое, о котором потомки скажут: “И как они могли так думать?”) – там, где мы и не подозреваем, и роднит оно Гитлера с Рузвельтом, Уэллса с Карлом Бартом. Никому из нас не дано полностью избежать этой слепоты, но мы ее увеличим, если будем читать только своих современников»¹⁰.

При рассмотрении положения Британской империи в мире империализма нового типа рубежа XIX – XX вв. использовались работы В.И. Ленина, К. Каутского, Р. Люксембург.

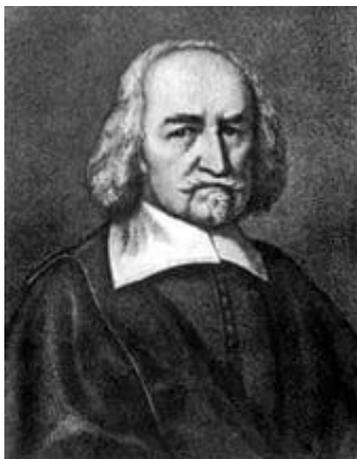
Структура книги несколько необычна. Вместо пролога дается анализ книги Томаса Гоббса «Левиафан», написанной в XVII веке, в которой формулируются идейные основания антихристианского глобального государства. Глава о книге Джона Аткинсона Гобсона «Империализм» является переходной к основной части повествования – это английский писатель, ставший автором классического произведения о современном ему империализме. А вместо эпилога говорится о книге «Случайная вакансия» нашей современницы Джоан Роулинг, отражающей процессы, про-

¹⁰ Льюис К. С. О старинных книгах // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. СПб., 2004. С. 297

исходящие в современной нам постхристианской Англии.

Английские писатели, о которых пойдет речь в монографии, жили и творили в контексте общего развития процессов глобализации, которые изменили роль Британской империи («страны в которой не заходит Солнце») и поставили её на место государства, не имеющего значительного геополитического потенциала (в отличие от таких стран как Россия /Советский Союз/, США, Германия) и вынужденного отказаться от прежней колониальной политики. Это не могло не наложить отпечаток на их творчество.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

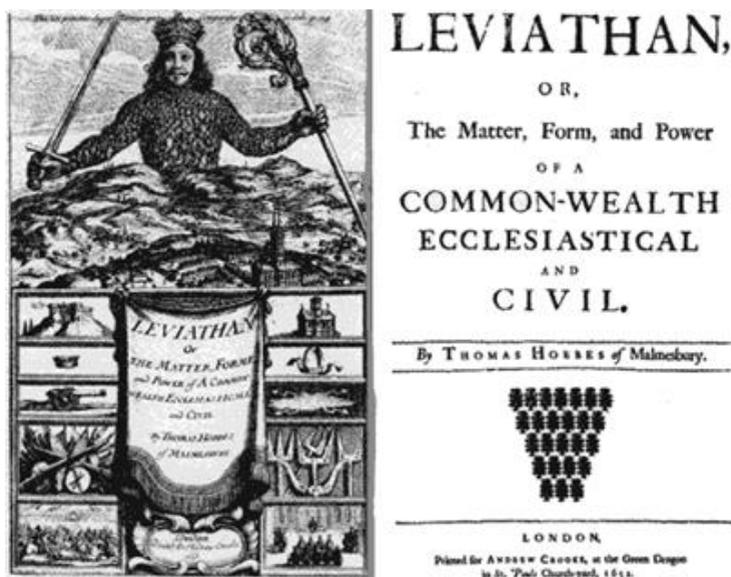


Томас Гоббс

Моделирование антицеркви в книге Томаса Гоббса «Левиафан»

«Левиафан» Томаса Гоббса (1588-1679) – произведение, оказавшее влияние на философов и богословов, юристов и политологов. Выросший в семье англиканского священника мыслитель сформировался как человек, которого нельзя назвать христианином. Более того: в своем наиболее знаменитом труде «Левиафан» Гоббс создает модель антицеркви, давая ей пространное богословское обоснование, в определенной мере внося свою лепту в «теологическое доказательство» необходимости пришествия того, кто «в

храме Божиим сядет <...> как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Фес. 2, 4).



Уже во введении философ пишет, что искусством человека создан «тот великий Левиафан, который называется Республикой или государством <...>, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек для охраны и защиты которого он был создан»¹¹. И далее он описывает функции членов этого тела: верховная власть – это искусственная душа, должностные лица – искусственные суста-

¹¹ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001. С. 8

вы, награда и наказание – это нервы и т. д.¹² А если провести аналогию с приведенной выше цитатой из послания святого апостола Павла к Фессалоникийцам, то можно привести следующие слова Гоббса из введения к его работе: «договоры и соглашения, при помощи которых были первоначально созданы, сложены и объединены части политического тела, похожи на <...> “сотворим человека”, которое было произнесено Богом при акте творения»¹³.

Апостол Павел в послании к Коринфянам писал о Церкви, что «как тело одно, но имеет многие члены, так и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело: так и Христос. Ибо все мы одним духом крестились в одно тело» (1 Кор. 12, 12-13). А перед этим он описывает функции членов этого тела: «каждому дается проявление Духа на пользу: одному дается слово мудрости; другому слово знания тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно» (1 Кор. 12. 7-11). И в послании к Ефессянам, он формулирует отношение Церкви к Христу – она «есть Тело

¹² Там же

¹³ Там же

Его, полнота наполняющего все во всем» (Еф. 1, 23).

Поэтому вполне можно сделать вывод о том, что Гоббс, сознательно писал о создании искусственного всечеловеческого тела, как своего рода антицеркви. Характерно, что церковным таинствам философ уделяет внимание в той части «Левиафана», которая называется «О царстве тьмы». О Евхаристии же, которой строится Церковь, как Тело Христово, он писал: «в своем указанном выше ежедневном акте священники делают то же самое, превращая святые слова в известный вид колдовства, которое не создает ничего нового для внешних чувств, и тем не менее они нагло настаивают на том, будто произнесенные ими слова обратили хлеб в человека и, мало того, – в Бога, и требуют, чтобы люди поклонялись этому хлебу, как если бы он был самим Христом, объединяющим в своем лице Бога и человека, что является вульгарным идолопоклонством»¹⁴.

В свое время в Советском Союзе были большие кампании по «разоблачению» таинства причащения. Имеющие ученые степени атеисты проводили анализ того, что представляет из себя то вещество, которое верующие принимают в этом таинстве. И на основании этих опытов заявляли, что это не Тело и Кровь Христовы, а вино с водой

¹⁴ Гоббс Т. Указ. соч. С. 412

и хлеб, то есть церковники верующих обманывали. Здесь налицо полное непонимание Таинства Евхаристии (Причащения), установленного Господом Иисусом Христом, попытки видеть в нем какой-то магический акт. А в этом таинстве осуществляется соединение христиан в Церковь, называемую Телом Христовым, единение причащающихся со Христом. И частицы Хлеба и Вина Таинства становятся человеческими телом и кровью – в тех христианах, которые причастились, а те, в свою очередь, становятся членами Тела Христова. Бог во Христе соединился с материей, поэтому для установленного Им таинства Христос использовал ту материю, которая необходима человеку, чтобы жить – не пить и не есть человек не может. Он соединяется таинственным образом с Хлебом и Вином Литургии, соединяя затем причастников в Единую Церковь.

Как справедливо отмечал один из известных церковных публицистов, «христиане древности остро переживали человеческую смертность. Они открыли целостность человека: «Человеком в самом истинном смысле называется не душа без тела и не тело без души, но то, что составилось в один прекрасный образ из соединения души и тела», – писал на исходе III века св. Мефодий Олимпский, отрицая спиритуалистическую идею, согласно которой лишь душа человека достойна бессмертия. А, значит, и душу и тело надо было

пропитать Вечностью – «доколе есть время» (Гал. 6,10). Тело вместе с душой получит награду или наказание, и радость о спасении должна быть дарована не только незримой душе, но и телу. Христианство проще и естественнее, чем иногда кажется. Что обновляет тело? – Пища. Что объединяет многие тела в их обновлении? – Совместная трапеза. Христос мог бы избрать любой способ для Своего главного таинства. Он избрал посвящение через трапезу»¹⁵. «Таинством единства» называет Евхаристию протопресвитер Александр Шмеман и, раскрывая это определение, сетует: «и это значит – таинством Церкви, которую св. Игнатий Антиохийский определяет, как единство веры и любви». «Нас же всех от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу во единого Духа причастие», – именно это понимание и восприятие Евхаристии предельно ослаблены в современном церковном сознании».¹⁶

Свое ощущение богослужения как средоточия всей жизни отец Александр хорошо передал в речи перед защитой диссертации на соискание ученой степени доктора богословия: «для русского эмигрантского мальчика, много лет назад с одинаковым усердием бегавшего во французский лицей и в православную церковь и на всю жизнь

¹⁵ Кураев А., диак. Протестантам о Православии. М.,1997. С. 167-168

¹⁶ Шмеман А., прот. Литургическое богословие. СПб., 2006. С. 320-321

плененного этим таинственно-прекрасным миром богослужения, разлад и разноречивой этих двух жизней – литургической и реальной – был не предметом отвлеченных спекуляций, а самой что ни на есть живой действительностью, ежедневным, привычным опытом. С годами стало ясно, что опыт этот не единичный, а – ...многовековой. Богословие, наконец, указало путь к разрешению вопроса – не “вперед” в смысле модернизации, и не “назад” – в смысле реставрации, а в вечный и надвременный замысел богослужения, в искание в нем самом заложенного ответа. Истинный замысел богослужения состоит не в символическом, а в реальном исполнении Церкви: новой жизни, дарованной во Христе, и что это вечное предложение самой Церкви в Тело Христово, ее восхождение – во Христе и со Христом – в эсхатологическую полноту Царства и есть источник всякого христианского делания в мире сем, возможности “поступать как Он”... Не система прекрасных символов, а возможность – в мир низводить тот пожигающий и преображающий огонь, о котором Господь томился – пока он разгорится...»¹⁷. И в других своих работах протопресвитер Александр Шмеман подчеркивает необходимость возрождения, пишет, что «пора нам вернуться к источни-

¹⁷ Шмеман А., прот. Введение в литургическое богословие // Шмеман А., прот. Литургическое богословие. СПб., 2006. С. 12-13

кам истинной христианской духовности, дать истинную оценку духовной путанице наших дней и многочисленным псевдодуховным рецептам, предлагаемым, как способ ее преодоления. Ибо так же, как учение и богослужение, духовность не есть отдельная и замкнутая сфера, овладения техникой которой достаточно для того, чтобы преуспеть в ней. В конечном счете, именно эта новая жизнь, исходящая от Церкви и поэтому имеющая свой источник и критерий там же, где их находит сама Церковь – в смерти ветхого человека во Христе, в обретении во Христе новой жизни, в даре Святого Духа, – делает нас “царями, священниками и пророками”, участниками сокрытой, однако реальной жизни “восьмого дня”, невечернего дня Царства»¹⁸. И именно во время Божественной Литургии верующему сердцу православного христианина не умозрительно, а опытно открывается все значение догмата о единстве Церкви Христовой. Митрополит Антоний (Блум) писал: «Оно раскрывает перед нами тайну Церкви за пределы человечества, это показывает нам, что Церковь, в конечном итоге, – космическое явление, которое охватывает собой и Бога, и человека и все вещество, и что все мы содержимся силой благодати Божией, взаимно действуя друг на друга»¹⁹.

¹⁸ Шмеман А., *прот.* Водой и Духом. М., 1993. С. 200-201

¹⁹ Антоний, *митрополит.* Беседы о вере и Церкви. М., 1991. С. 128-129

Теперь, сделав этот небольшой экскурс в православное понимание Церкви, вернемся к рассмотрению труда Гоббса. При внимательном изучении мы увидим в нем наличие внутренних противоречий.

С одной стороны мыслитель отрицает существование мира духов, объявляя их производными религиозного чувства, присущего каждому человеку, помноженному на отсутствие знаний об устройстве мира: «Если же люди мало или совсем не занимаются исследованием естественных причин вещей, то обусловленный этим незнанием страх перед тем, что имеет силу причинить им много добра или много зла, делает их склонными предполагать и воображать существование разного рода невидимых сил, благоговеть перед образами собственного воображения, призывая их на помощь в моменты несчастий и вознося им благодарность в надежде на успех, делая, таким образом, своими богами творения собственной фантазии. Так случилось, что из бесконечного разнообразия образов своей фантазии люди сотворили бесконечное количество богов. И этот страх перед невидимыми вещами есть естественное семя того, что каждый называет религией или суеверием, если иные иначе, чем он сам, почитают эту силу или боятся ее»²⁰. С другой – он пишет о государстве, как о чем-то удивительно

²⁰ Гоббс Т. Указ. соч. С. 73-74

схожем с этими языческими божествами: «Это больше, чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: *я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия*. Если это совершилось, то множество людей, объединенных таким образом в одном лице, называются государством, по латыни – *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой»²¹.

Отрицая ценность множества различных учений, Гоббс заявляет: «я отвечаю на основании Священного писания, что имеются два признака, которые в совокупности, но не каждый в отдельности обнаруживают истинного пророка. Первый – это творение чудес, второй – не учить другой религии, кроме раз уже установленной. Взятый же в отдельности, ни один из них не является достаточным»²². И через несколько страниц пишет:

²¹ Гоббс Т. Указ. соч. С. 119

²² Гоббс Т. Указ. соч. С. 256

«Ввиду того, что чудеса теперь более не совершаются и, следовательно, мы не имеем никакого признака, на основании которого могли бы проверить мнимое откровение или внушение свыше у частного лица, мы не обязаны прислушиваться к какому-либо учению, выходящему за рамки Священного писания, которое со времен нашего Спасителя заменяет пророчество и является достаточным восполнением отсутствия всяких других пророчеств и из которого при мудром и научном толковании и при внимательном умозаключении могут быть выведены без всякого вдохновения и сверхъестественного внушения все правила и предписания, указывающие наши обязанности по отношению как к Богу, так и к человеку»²³. Но самое интересное, что перед этим Гоббс написал: «если кто-нибудь утверждает, что Бог говорил ему в Священном писании, то это значит, что Бог говорил с ним не непосредственно, а лишь через пророков, апостолов или церковь – точно так, как он говорит всем другим христианам»²⁴. И более того: «если мы встречаем в Писании что-либо, что не поддается нашему исследованию, мы обязаны понять это так, как оно сказано, а не стараться извлечь из этого путем логических операций философскую истину о ка-

²³ Гоббс Т. Указ. соч. С. 258

²⁴ Гоббс Т. Указ. соч. С. 255

ких-то непостижимых и не соответствующих правилам естественного знания таинствах»²⁵.

Таким образом, Гоббс априори отвергает возможность чудес в его время, не отрицая при этом, что они могли быть раньше; объявляет себя способным к мудрому и научному толкованию Библии, о которой сам пишет, что в ней «нет ничего, что противоречило бы разуму. А если имеется видимость такого противоречия, то виной этому или наше неумение толковать Слово Божие, или наше ошибочное рассуждение»²⁶.

Не допуская возможности наличия подобного неумения или ошибочности у себя самого, он смело делает выводы о сущности религии и сводит ее важнейшее значение к тому, что она своего рода инструмент для управления людьми. При этом в таком качестве используют семена веры в душе человека по мнению Гоббса как язычники, так и представители монотеизма: «Одни – это те, кто выращивал и приводил в порядок эти семена согласно своему собственному измышлению. Другие же – те, кто делал это согласно приказанию и наставлению Бога. Но оба рода людей делали это с намерением превратить доверяющих им в наиболее приспособленных к повиновению, к подчинению законам, к миру, к милосердию и гражданскому общежитию. Рели-

²⁵ Гоббс Т. Указ. соч. С. 254

²⁶ Гоббс Т. Указ. соч. С. 255

гия первого вида есть, таким образом, часть человеческой политики, указывающей подданным те обязанности, исполнять которые требуют от них земные цари. Религия же второго рода есть божественная политика и содержит правила для тех, кто объявил себя подданным Царства Божиего. К первому роду относятся все языческие основатели государств и законодатели. Ко второму – Авраам, Моисей и наш Божественный Спаситель, внушившие нам законы Царства Божиего»²⁷.

И здесь мыслитель переходит к характерной для мессианского протестантизма (в современном мире, в первую очередь, американского) идее договора между Богом и людьми, подобно тому, как государство – следствие договора людей между собой: «там, где сам Бог основал религию посредством сверхъестественного Откровения, Он также установил особое Царство для Себя и дал законы, определяющие поведение людей не только по отношению к Нему Самому, но также и по отношению друг к другу; и так в этом Царстве Божьем политика и гражданские законы являются частью религии, то здесь нет различия между светской и духовной властью. Бог, правда, является царем всей земли, однако при этом Он может быть и царем особого избранного народа. В этом не больше противоречия, чем в том, что человек, имеющий общее командование над всей

²⁷ Гоббс Т. Указ. соч. С. 77-78

армией, одновременно может иметь собственный полк или роту. Царем всей земли Бог является в силу Своего могущества, но царем избранного народа Он является в силу договора»²⁸.

Гоббс выводит и еще одно положение из своих рассуждений: «кроме естественных законов и законов церкви, являющихся частью гражданского закона (так как церковь, имеющая право издавать законы, есть государство), нет других Божественных законов»²⁹. Мыслитель ставит государство над религией. И он в своем «Левиафане» дает определение Церкви, которое вполне можно рассматривать, как определение антицеркви: «В соответствии с этим смыслом я определяю церковь как общество людей, исповедующих христианскую религию и объединенных в лице одного суверена, по приказанию которого они обязаны собираться и без разрешения которого они собираться не должны»³⁰. Впрочем, такая антицерковь по Гоббсу не носит глобального характера: «нет на земле такой универсальной церкви, которой все христиане должны были бы повиноваться, так как нет такой власти на земле, по отношению к которой все другие государства были подданными»³¹. Развивая эту мысль единства верующих и Церкви не во Христе, мы можем сделать

²⁸ Гоббс Т. Указ. соч. С. 81-82

²⁹ Гоббс Т. Указ. соч. С. 406

³⁰ Гоббс Т. Указ. соч. С. 316

³¹ Там же.

логический вывод о том, что эта антицерковь имеет возможность стать глобальной после создания всемирного государства и воцарения Антихриста. Такая церковь, по логике Гоббса, – более церковь, чем Церковь Христова, о которой, (имея в виду, впрочем, католичество, как уже отмечалось) он пишет в разделе «Левиафана» названном «О царстве тьмы».

Церковные таинства для него не более, чем колдовство; по его словам «от этого колдовства не свободны также и другие церемонии, как, например, венчание, соборование, посещение больных, освящение церквей и кладбищ и т. п., поскольку и при этих церемониях имеется употребление заколдованной воды и елєя, злоупотребление крестом и святыми словами»³².

Наиболее забавным для труда, претендующего на научность, является полемическое сравнение римской иерархии с царством фей: «с тех пор как римский епископ был признан в качестве преемника апостола Петра всемирным епископом, вся духовная иерархия, или царство тьмы, не без основания может быть сравнима с царством фей, т. е. со сказками бабушек в Англии относительно *привидений* и *духов* и тех фокусов, которые они выкидывают ночью. <...> *Церковники* – *духовные люди* и *духовные отцы*. *Феи* – *духи* и *привидения* пребывают в темных, уединенных ме-

³² Гоббс Т. Указ. соч. С. 413-414

стах и среди гробов. *Церковники* ходят во тьме учения и пребывают в монастырях, церквах и на кладбищах. *Церковники* имеют свои кафедральные соборы, и, в каком бы городе эти соборы ни были воздвигнуты, они с помощью святой воды и определенного колдовства, называемого заклинанием духов, обладают способностью превращать эти города в столицы, т. е. в седалища империи. *Феи* также имеют свои заколдованные замки и определенных гигантских духов, которые господствуют над всей округой. *Феи* неуловимы и не могут быть привлечены к ответственности за причиненный ими вред. Точно также и *церковники* ускользают из рук гражданской юстиции. <...> *Феи* не выходят замуж, но иногда среди них имеются *incubi*, вступающие в половую связь с людьми. Священники также не женятся. *Церковники* снимают пенку со страны в виде даров невежественных людей, благоговеющих перед ними, и в виде десятины. Точно так же рассказывается в сказках о *феях*, которые входят в молочные и угощаются пенкой, снимаемой ими с молока. <...> К этим и подобным чертам сходства между папством и царством *фей* можно еще прибавить, что, подобно тому как *феи* имеют бытие лишь в фантазиях невежественных людей, позаимствованных из преданий старых бабок или древних поэтов, духовная власть папы (вне пределов его собственных владений) существует лишь в боязни

одураченных людей быть отлученными от церкви, ибо они наслушались рассказов о ложных чудесах, ложных традициях и лжетолкованиях Писания»³³. Политическое значение практического характера труда Гоббса видно в следующем предложении: «Нетрудно поэтому было Генриху VIII, а также королеве Елизавете совершить в свою очередь заклинание бесов и изгнать церковников»³⁴.

Подводя итоги вышеизложенному, можно констатировать то, что в книге Томаса Гоббса «Левиафан» мы можем видеть моделирование государства как антицеркви, рукотворного «смертного бога», создаваемого «искусством» человека, объединяемого в нем с другими людьми в единое целое, но не во Христе, а в земном суверене, прообразе Антихриста.

³³ Гоббс Т. Указ. соч. С. 461-462

³⁴ Гоббс Т. Указ. соч. С. 462

Страна, в которой не заходит солнце

Такое название Британская империя начала XX века вполне оправдывала. В ее состав входили владения в Европе, Азии, Америке, Африке, вся Австралия. На первый взгляд может показаться, что на фоне жестких диктатур, существовавших в фашистской Германии и СССР, Британская империя, охватывавшая четвертую часть суши, была местом народного благоденствия. С разными оговорками, может быть, сам того не желая, такой автор, как Карл Каутский тем не менее достаточно четко проводит мысль, что Британская империя является благом для многих из объединенных под ее короной стран.

Карл Каутский объяснял империализм, как стремление промышленно развитых стран подчинить себе аграрные. Именно Англию он объявил родиной империализма: «Империализм впервые зародился в Англии и означает особый вид политических задач, которые наметились вместе с новейшей фазой капитализма, но отнюдь не совпадают с ним. Его сущность заключается в том, что страна с высокоразвитым капитализмом стремится присоединить к себе большие сельскохозяйственные области, невзирая на то, кем эти области населены»³⁵. «Одним из спосо-

³⁵ Каутский К. Империализм // К. Каутский. Демократия и социализм. Фрагменты работ разных лет. М., 1991. С. 9

бов расширения аграрной области является империализм. Ему предшествовал другой способ – свободная торговля. Теория свободной торговли получила преобладание в эпоху господства капиталистической промышленности Англии. Англия должна была стать большим заводом для всего мира, а весь мир – аграрной областью Англии»³⁶. «Западная Европа и Восточная Америка вопреки желанию Англии превратились из аграрных в промышленные страны. Вместо такого разделения труда, когда Англия являлась промышленной страной, а весь остальной мир – сельскохозяйственным, новые промышленные государства выдвинули принцип раздела оставшихся аграрных стран всего мира (поскольку эти аграрные страны были беззащитны) между собою. Англия реагировала на это и встала на тот же путь. Так возник империализм»³⁷.

К. Каутский писал о том, как в империализме политика переплетается с экономикой, почему промышленно развитым странам выгодно не только экономическое, но и политическое подчинение более отсталых государств: «Для того, чтобы проведение железных дорог в диких областях было выгодно или даже возможно, чтобы получить нужные рабочие руки для постройки и вообще для успешности дела, надо опираться на

³⁶ Там же. С. 15.

³⁷ Там же. С. 16.

сильную государственную власть, преданную интересам чужого капитала и слепо защищавшую их. По мере роста вывоза капиталов из промышленных стран в аграрные области росло и желание подчинить эти области государственной власти собственной страны»³⁸. «Для страны с высоко развитой промышленностью возникает необходимость помешать превращению аграрной области в промышленную. Поэтому первая стремится окончательно присоединить вторую в виде колонии и подчинить ее своему влиянию, чтобы быть в силах воспрепятствовать развитию в ней промышленности и заставить ограничиться производством исключительно сельскохозяйственных продуктов. Таковы исторические корни империализма, пришедшего на смену свободной торговле»³⁹.

Широко известен тезис К. Каутского о том, что «империализм является только вопросом силы, а не экономической необходимости. Он не только не необходим для капиталистического способа производства, но даже его значение для него часто неимоверно переоценивается»⁴⁰.

К. Каутский, говоря о процессах передела мира, отмечал, что «колониальное государство

³⁸ Там же. С. 17.

³⁹ Там же. С. 18.

⁴⁰ *Каутский К.* Национальное государство, империалистское государство и союз государств. М., 1917. С. 24.

не обладает устойчивостью и сплоченностью национального государства. Колониальные владения могут легко перейти в руки другой колониальной державы путем захвата, продажи или обмена. Энергичного сопротивления туземного населения против этих перемен не приходится опасаться. Решающим фактором в данном случае является степень военной силы владельцев колонии. Но, с другой стороны, границы расширения колониальной державы определяются также степенью ее военной мощи по сравнению с другими колониальными государствами»⁴¹.

Ярким примером этому является Индия: «Индия уже испокон веков служила приманкой для воинственных, но бедных соседей. Постоянный приток народов привел к невероятному изобилию племен, языков, каст и религий. Если пришельцы достаточно сильны, они являются в качестве завоевателей и грабителей. Но страна слишком привлекательна, чтобы покинуть ее. Они остаются, а вместе с ними и награбленные сокровища. Положение трудящихся классов остается почти без перемен, происходит только смена хозяев. Они не раздвигают рамок примитивной демократии. Сельские общины являются клетками, на которые опирается государственность. Полной демократии в общине соответствует полный деспотизм в государстве, опирающийся ис-

⁴¹ Там же. С. 17.

ключительно на силу. Так же легко, как она была завоевана одними, она может быть завоевана и другими при полном равнодушии к этому народных масс»⁴².

В своей работе «Национальное государство, империалистское государство и союз государств» К. Каутский дает очень высокую положительную оценку английскому империализму. С разными оговорками, может быть, сам того не желая, он тем не менее достаточно четко проводит мысль, что Британская империя является благом для многих из объединенных под ее короной стран.

«Среди колониальных держав 17 и 18-го столетия Англия была единственной, индустриальное развитие которой сильно продвинулось вперед, благодаря колониальной политике. Правда, при возникновении ее также играли роль стремившаяся к абсолютизму королевская власть и дворянство, стремившееся к феодальному землевладению, но морская торговля и колониальные владения Англии приобрели, однако, крупное значение уже в такое время, когда капиталистические классы настолько окрепли в политическом и экономическом отношении, что могли обеспечить себе долю в плодах этой власти и этих владений в интересе торговли и промышленности. Начало морскому владычеству Англии было положено буржуазной революцией. Эта револю-

⁴² Там же. С. 50.

ция привела в середине 17 столетия к победе и окончательно завершилась “достославной” революцией 1688 года, ознаменовавшейся переходом государственной власти в руки новой династии и дворянства, преданных, даже подчиненных капиталистическим интересам и разделявших свою власть с представителями высших капиталистических слоев, заседавшими в парламенте. Не менее своеобразно, чем в 18 столетии сложилась английская колониальная политика в 19 столетии. Она держится на двух столпах, равными которым не обладает никакая другая колониальная страна. Одним из этих двух столпов британской колониальной империи являются ее три крупных аграрных колонии с европейской культурой: Канада, Южная Африка и Австралия. Другим – Индия»⁴³.

Размышляя о доминионах, К. Каутский пишет, что они имеют большие политические и экономические свободы, чем европейские демократии: «Население Канады, Южной Африки и Австралии правда немногочисленно по сравнению с народонаселением всех британских владений, достигающего 400 миллионов. Канада насчитывала в 1911 году свыше 7 млн. жителей, Южно-африканский союз – 6 млн., австралийский союз государств, включая Новую Зеландию – 5,5 млн. Но они представляют собой крупную экономическую и политическую силу. Их населе-

⁴³ Там же. С. 42.

ние не только вышло уже из стадии примитивной демократии, но в полном размере проникнуто стремлениями современной демократии, даже еще в большей степени, чем любая европейская нация, потому что оно, как и население Соединенных Штатов, не обременено пережитками времен феодализма и абсолютизма, ни в государственном управлении, ни в мышлении. И в экономическом отношении эти колонии приобретают как в качестве покупателей, так и продавцов, такое колоссальное значение для мирового рынка, на которое только способно плодотворное, не обремененное никакими сильными тягостями современное сельское хозяйство»⁴⁴.

«Строго говоря, это даже не колонии. Это – самостоятельные государства с современной демократией, т.е. национальные государства, пользующиеся большими свободами, чем какое-либо европейское государство, за исключением Швейцарии. Они в действительности не представляют подчиненных Англии владений, а находятся с ней в союзных отношениях, образуют вместе с ней союз государств с быстро растущим населением и, следовательно, также растущей силой. Этот союз государств представляет собой государство, которому суждено сыграть крупную роль в будущем. Если в нем видят признаки и цель империа-

⁴⁴ Там же. С. 43.

лизма, то мы едва ли можем что-нибудь иметь против такого империализма»⁴⁵.

В то же время К. Каутский подчеркивает уникальность доминионов, отсутствие предпосылок для подобных государственных образований в рамках какого-либо империализма, кроме британского: «Такой союз государств является, безусловно, носителем богатого будущего, он может также многому научить в нашу эру империализма. Но создать по этому образцу такой же союз из колониальных областей – невозможно по той причине, что помимо тропических стран нет свободной земли, которая могла бы перейти во владение европейской державы, и климат которой позволял бы европейцу исполнение физического труда без ущерба для здоровья. Англия может когда-нибудь лишиться этого столпа, но никогда он не будет служить опорой другой колониальной державе»⁴⁶.

Но даже и для Индии К. Каутский видит пользу от английского империализма. И это несмотря на то, что «когда европейцы в 15-м веке пришли в Индию, индусы во многом превосходили их. Снабженная в изобилии всеми сырыми материалами, в которых нуждалось ее производство, имея к своим услугам искусных и трудолюбивых рабочих, эта колоссальная по размерам

⁴⁵ Там же. С. 44-45.

⁴⁶ Там же. С. 48-49.

страна сама все производила для удовлетворения своих потребностей, и еще оставался большой излишек продуктов, которые охотно покупались культурными народами, индусы сами не нуждались в их изделиях. Результатом было то, что их вывоз долгое время оплачивался почти только благородными металлами. Уже с незапамятных времен не прерывался приток благородных металлов в Индию, скопившихся там в горы сокровищ»⁴⁷. И далее: «Англичане вышли победителями над своими европейскими соперниками и туземными государствами. Европейцы не являлись в Индию, как прежние завоеватели с целью обосноваться там. Этому мешало уже одно то, что климат там для них убийственный. Каждый являлся туда ради добычи, с которой потом возвращался в Европу. Новые завоеватели значительно более угнетали рабочие массы, чем прежние деспоты. Страна приходила все в больший упадок, и только за последние десятилетия английское правительство стало заботиться о противодействии этому упадку»⁴⁸.

К. Каутский видит пользу для Индии от нахождения в составе Британской империи в том, что именно это политическое состояние позволило индусам почувствовать себя единой нацией, положило конец внутренним военным конфлик-

⁴⁷ Там же. С. 49-50.

⁴⁸ Там же. С. 50.

там, дало единый язык – английский: «Индусские националисты, несомненно, стремятся к тому, чтобы освободиться от английского гнета, но не путем замены его другим. В настоящее время английское господство обеспечивает Индии постоянный мир. В пределах самой Индии не существует на каждом шагу, как в Европе, таможенных границ. Английский язык и преподавание на английском языке стали связующим национальным звеном. Интеллигенция различных религий, племен и языков изучает поголовно английский язык, и он является на ее конгрессах общим для нее языком. Стремления индусских националистов направлены сейчас не к разрыву с Англией, а к завоеванию себе, в пределах британского союза государств, более широких свобод, парламентского представительства, как для провинций, так и для государства в целом, чтобы парламент Индии имел право издавать законы и определять размеры и применение налогов. Их конечная цель – конституция наподобие австралийской, и они полагают, что их дальнейшее пребывание в британском союзе, после того, как они достигнут этой цели, даст им одни только выгоды»⁴⁹.

И после периода британского владычества Индия предстает уже качественно иным государством, способным на единство и независимость: «Желание овладеть или создать такую мировую

⁴⁹ Там же. С. 55-56.

империю близко сердцу империалистов всех стран. У нас нет полной уверенности, суждено ли Англии навсегда сохранить за собой эту мировую империю, но нет сомнений, что никакая другая нация не может создать себе подобной империи. Есть только одна Индия. Англия может лишиться ее. Но Индия никогда, как целое государство, не может перейти во владение другой иноземной державы»⁵⁰.

Такая проповедь цивилизаторской миссии Англии в Индии весьма сомнительна, в силу того, что озвучена марксистом, что также вызывало резкую критику К. Каутского В.И. Лениным. Индия вполне могла бы развиваться без Англии. И об этом не только писали впоследствии М. Ганди и Д. Неру, но и сам К. Каутский начинает рассказ об Индии с того, что «когда европейцы в 15 веке пришли в Индию, индусы во многом превосходили их». И завершение рассказа о том, что англичане «значительно более угнетали рабочие массы, чем прежние деспоты» описанием того, что в конечном итоге это явилось благом для Индии, выглядит непоследовательно.

К. Каутский касается и раздела Африки Францией, Германией и Англией. «С начала 1880-х годов Франция стала вести энергичную колониальную политику. В 1881 году она заняла Тунис, в следующем году она снарядила экспедицию в

⁵⁰ Там же. С. 57.

Мадагаскар и одновременно предприняла войну за обладание Тонкином. С тех пор она овладела громадными территориями, особенно в Африке. В 1871 году французские владения в Африке достигали 900 тысяч кв. километров. В настоящее время они занимают территорию в 6,25 млн. кв. км. (вместе с Мадагаскаром, не считая 4 млн. кв. км. ее «сферы влияния» в Сахаре). Все население французских владений в Африке равнялось в 1871 г. 3 милл., сейчас оно составляет 33 миллиона»⁵¹. «Вслед за Францией, Германия стала в середине 80-х годов обнаруживать стремление к приобретению колоний. В настоящее время немецкие колонии возросли почти до 3 млн. кв. км., из них 2700000 в Африке, с населением 13 млн. человек»⁵². «Англия также принимает участие в разделе Африки. Занятие Египта, предпринятое ею, главным образом, для обеспечения себе пути в Индию через Суэцкий канал, а также в ее южно-африканские владения, давало ее денежному капиталу весьма важные опорные пункты, и развитие Англии быстро продвинулось вперед. Без Египта, который формально не был английским, английские владения в Африке занимали в 1890 г. Территорию в 2 млн. кв. км., а в настоящее время 5775000 кв. км. Число подчиненного населения поднялось с 4,5 до 33 миллионов. За пределами

⁵¹ Там же. С. 60.

⁵² Там же. С. 60.

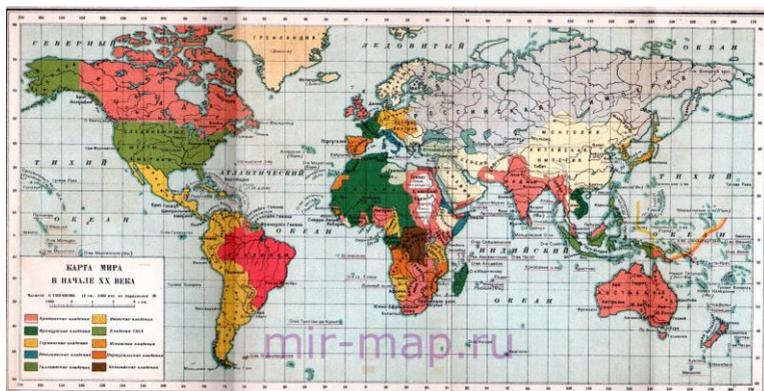
Африки Англия приобрела очень мало новых колоний»⁵³.

Структура Британской империи была достаточно сложной. Подробнее мы рассмотрим ее в разделе, посвященном Д.А. Гобсону.

Интересен взгляд на процессы развития британского империализма, который Роза Люксембург излагает в своей книге «Накопление капитала»: «Реализованная прибавочная стоимость, которая в Англии и в Германии не может быть капитализирована и лежит там без употребления, вкладывается в Аргентине, в Австралии, в Капланде или в Месопотамии в железные дороги, в водные сооружения, в рудники и т. д. Машины, материалы и т. п. доставляются из той же страны, откуда получается капитал, за счет которого они и покупаются. Но ведь то же самое делается и внутри страны при условиях капиталистического производства: прежде чем получить производительное назначение, капитал сам должен купить элементы своего производства и воплотиться в них. Правда, продукт потребляется здесь внутри страны, тогда как в первом случае потребление предоставляется чужим странам. Но целью капиталистического производства является не потребление продуктов, а прибавочная стоимость и накопление. Свободный капитал внутри страны не имел возможности накапливаться, потому что не

⁵³ Там же. С. 61.

было потребности в добавочном продукте. Но за границей, где не развилось еще никакого капиталистического производства, возник или насильственно создан новый спрос в среде некапиталистических слоев. Именно то обстоятельство, что «потребление» продукта переносится на *других*, и имеет решающее значение для капитала»⁵⁴.



Политическая карта мира начала XX века

«Все некапиталистические слои и общества должны стать для капитала покупателями товаров и продавать ему свои продукты. Кажется, что здесь по крайней мере начинаются “мир” и “равенство”, *do ut des*, взаимность в интересах, “мирное соревнование” и “влияние культуры”. Если капитал может насильственно отнимать у чуждых ему социальных союзов средства производства и

⁵⁴ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 305.

насильственно заставлять трудящихся становиться объектом капиталистической эксплуатации, то он все-таки не в состоянии путем насилия сделать их покупателями своих товаров и принудить их реализовать его прибавочную стоимость.

Эта мысль подтверждается как будто тем обстоятельством, что необходимой предпосылкой распространения товарного хозяйства в натурально-хозяйственных областях являются средства транспорта – железные дороги, пароходные сообщения и каналы. Победоносное шествие товарного хозяйства начинается большею частью с грандиозных культурных построек, сооружений средств современного транспорта; сюда относятся железные дороги, прорезающие девственные леса и горы, телеграфные провода, проходящие через пустыни, и океанские пароходы, заходящие в отдаленнейшие гавани. Но мирный характер этого переворота является лишь видимостью. Торговые сношения ост-индских компаний со странами пряностей были таким же грабежом, вымогательством и грубым обманом под флагом торговли, как и современные отношения американских капиталистов к канадским индейцам, у которых они закупают меха, или как отношения немецких купцов к африканским неграм. Классическим примером “тихой” и “мирной” торговли с отсталыми обществами служит современная история Китая. Через нее, начиная с сороковых го-

дов, на протяжении всего XIX столетия красной нитью проходит полоса войн с европейцами, которые задали себе целью насильно открыть Китай для товарного обращения»⁵⁵.

Роза Люксембург подробно описывает технологии современных ей империалистических захватов новых территорий. Один из примеров – Египет, попавший в зависимость от Британской империи, формально оставаясь частью Османской империи: «Европейский капитал делал в Египте беспримерные сказочные дела – гешефты, которые удались капиталу на его всемирно-историческом пути один только раз. Прежде всего каждый заем означал ростовщическую сделку, при которой от пятой до третьей части (и даже больше этого) якобы занятой суммы прилипало к рукам европейских банкиров. Но ростовщические проценты так или иначе должны были быть уплачены. Откуда же брались для этого средства? Их источник должен был находиться в самом Египте, и этим источником был египетский феллах, т. е. крестьянское хозяйство. Оно-то в последнем счете и доставляло все важнейшие элементы грандиозных капиталистических предприятий. Оно доставило землю, ибо так называемые личные владения хедива, выросшие в короткое время в грандиозные пространства и образовав-

⁵⁵ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 274.

шие основу для ирригационных планов и хлопчатобумажных и сахарных спекуляций, были составлены путем грабежа и вымогательства из бесчисленного множества деревень. Крестьянское хозяйство доставляло и рабочие силы, и притом доставляло их даром. Содержание рабочих во время их эксплуатации было предоставлено их собственным заботам. Крепостной труд феллаха был основой технических чудес, которые европейские инженеры и европейские машины являли в области оросительных сооружений, средств сообщения, сельского хозяйства и промышленности Египта. Над водными сооружениями у Калиуба и над Суэцким каналом, на постройках железных дорог и плотин, на хлопчатобумажных плантациях и сахарных заводах трудились бесчисленные армии барщинных крестьян; они перебрасывались по мере надобности с одной работы на другую и безмерно эксплуатировались. И если техническая неприспособленность крепостного труда к современному капиталистическому производству обнаруживалась на каждом шагу, то это, с другой стороны, покрывалось неограниченной властью над массами, которая была дана здесь в руки капитала, продолжительностью эксплуатации и условиями жизни и работы трудящихся. Но крестьянское хозяйство доставляло не только земли и рабочие силы: оно доставляло и деньги. Этой цели служила налого-

вая система, которая под влиянием капиталистического хозяйства наложила на феллаха кандалы»⁵⁶.

Чем выше становилась задолженность европейскому капиталу, тем больше европейский капитал мог приступить к ликвидационным операциям: «В 1875 г. Англия купила 172 000 суэцких акций за 80 млн. марок, за что Египет ей еще до настоящего времени должен платить процентов на 394 000 египетских фунтов стерлингов. Начали действовать английские комиссии по “упорядочению” египетских финансов. Замечательно, что европейский капитал совершенно не испугался отчаянного положения обанкротившейся страны и изъявил готовность предоставлять для ее “спасения” все новые колоссальные займы. Мятеж египетских войск, которые благодаря европейскому финансовому контролю голодали, в то время как европейские чиновники получали блестящие оклады, и спровоцированное восстание обескровленных масс в Александрии дали желанный повод для решительного натиска. В 1882 г. английские войска вступили в Египет, чтобы уже не покидать его и сделать покорение страны результатом грандиозных капиталистических операций, имевших место в Египте в продолжение двадцати лет, и завершением ликвидации египет-

⁵⁶ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 311-312.

ского крестьянского хозяйства европейским капиталом»⁵⁷.

Не менее показателен пример Китая: «Период открытия Китая для европейской культуры, т. е. для товарного обмена с европейским капиталом, начался войной из-за опия, которая заставила Китай покупать яд индийских плантаций, чтобы превратить его в деньги для английских капиталистов. В XVII столетии культура опия была введена в Бенгалии английской ост-индской компанией. Ее филиальное отделение в Кантоне распространило потребление этого яда в Китае. В начале XIX века опий так сильно упал в цене, что он быстро стал “средством потребления широких народных масс”. В 1833 году был издан закон, который устанавливал для каждого курильщика опия сто ударов и выставление у позорного столба на два месяца. Губернаторам провинций было вменено в обязанность отмечать в их годовых отчетах результаты борьбы с опиумом. Эта борьба привела к двум последствиям: во-первых, внутри Китая, в особенности в провинциях Гонан, Сетшуан и Квейтшан, началось культивирование мака в большом масштабе; во-вторых, Англия объявила Китаю войну, чтобы заставить его разрешить свободный ввоз опия. Тогда-то и началось знаменитое “отпирание” Китая для европейской

⁵⁷ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 313-314.

культуры в образе трубки для курения опия»⁵⁸. «Открытие Китая для торговли, начавшееся войной из-за опия, закончилось целой серией “аренд” и китайской экспедицией 1900 г., в которой торговые интересы европейского капитала превратились в явный международный грабеж китайских земель»⁵⁹.

«Каждая война сопровождалась мародерством и кражами в крупном масштабе памятников старинной культуры, которые производились европейскими культуртрегерами в китайских императорских дворцах и правительственных зданиях. Это имело место как в 1860 г., когда императорский дворец с его сказочными сокровищами был ограблен французами, так в 1900 г., когда “все нации” похищали в перегонку казенное и частное добро. Дымящиеся развалины самых крупных и старых городов, гибель земледельческого хозяйства на огромных пространствах земли, невыносимый налоговый гнет для изыскания военных контрибуций были спутниками всех европейских вторжений и шли в ногу с успехами торговли»⁶⁰.

Такое давление не может не вызывать противодействия. Роза Люксембург писала о том, что

⁵⁸ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 275-276.

⁵⁹ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 279.

⁶⁰ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 281.

войны и революции являются неизбежным следствием развития капиталистических отношений: «Как расширение товарного хозяйства за счет натурального и капиталистического производства за счет простого товарного производства осуществлялось при помощи войн, социальных кризисов и уничтожения целых социальных формаций, так превращение экономических гинтерландов и колоний в капиталистические самостоятельные единицы протекает в связи с революциями и войнами. Революция необходима в процессе капиталистической эмансипации гинтерландов для того, чтобы взорвать сохранившиеся со времен натурального и простого товарного хозяйства, а потому устаревшие государственные формы и создать современный государственный аппарат, приспособленный для целей капиталистического производства. Сюда относятся русская, турецкая и китайская революции. Тот факт, что эти революции – в особенности русская и китайская – одновременно с прямыми политическими требованиями господства капитала сопровождаются отчасти разными устаревшими докапиталистическими претензиями, отчасти совершенно новыми, направленными против господства капитала противоречиями, обуславливает их глубину и их могущественную силу, но затрудняет и тормозит их победоносное шествие. Война является обыкновенно методом молодого капи-

талистического государства, чтобы сбросить опеку старых капиталистических стран; это – боевое крещение и проба капиталистической самостоятельности современного государства»⁶¹.

Империализм, с ее точки зрения, непосредственным образом связан с существованием капитализма на всех ступенях его исторического развития. Он представляет из себя не что иное, как процесс первоначального накопления, предшествующий каждому шагу капитала, идущего по пути расширенного воспроизводства.

Возникновение на рубеже XIX – XX вв. империализма нового типа было связано, в первую очередь, с появлением разного рода монополий. Как писал В.И. Ленин, к началу XX века «концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) во всем мире. Такой учет не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учет размеров рынка, который “делят” между собою, по договорному соглашению, эти союзы»⁶².

Особое значение в империалистически устроенном мире приобретают банки. «Монопо-

⁶¹ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 299.

⁶² Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 320-321.

лия выросла из банков. Они превратились из скромных посреднических предприятий в монополистов финансового капитала. Каких-нибудь три-пять крупнейших банков любой из самых передовых капиталистических наций осуществили “личную унию” промышленного и банковского капитала, сосредоточили в своих руках распоряжение миллиардами и миллиардами, составляющими большую часть капиталов и денежных доходов целой страны. Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества – вот рельефнейшее проявление этой монополии»⁶³.

На примере Британской империи и США мы можем видеть убедительное подтверждение этим словам В.И. Ленина. И приход в Германии к власти Гитлера был невозможен без первоначальной поддержки его магнатами капитала, от зависимости которым он потом освободился. Однако характерно, что в Советской России, где самый непримиримый критик монополий, создал монополию правящей партии на все ресурсы государства, в том числе и людские, все банки были государственными и играли лишь исполнительские функции.

⁶³ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 421.

Империализм обуславливает то, что некоторые монополии превращаются в надгосударственные образования, которые могут диктовать их правительствам те или иные условия: «Монополистические союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты делят между собою прежде всего внутренний рынок, захватывая производство данной страны в свое, более или менее полное, обладание. Но внутренний рынок, при капитализме, неизбежно связан с внешним. Капитализм создал всемирный рынок. И по мере того, как рос вывоз капитала и расширились всякие заграничные и колониальные связи и “сферы влияния” крупнейших монополистических союзов, дело “естественно” подходило к всемирному соглашению между ними, к образованию международных картелей. Это – новая ступень всемирной концентрации капитала и производства, несравненно более высокая, чем предыдущие»⁶⁴. Монополия на власть не входила в число предметов, рассматриваемых теоретиками учения об империализме начала XX века, но она является необходимым условием создания всемирной империи. И если закрытые общества и клубы Британской империи, а в более позднее время – США, являются нам прикрытый пример монополизации власти надправительственными структурами, то правя-

⁶⁴ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 364-365.

щие партии СССР и фашистской Германии уже четко ее отражают.

Глобализация экономики в начале XX века служила процессу создания единого мирового рынка.

По мнению Ленина, быстрое развитие империализма обусловило мировую войну: «*Капиталистам* теперь не только есть из-за чего воевать, но и *нельзя не* воевать, ибо без насильственного передела колоний *новые* империалистские страны не могут получить тех привилегий, которыми пользуются более старые (*и менее сильные*) империалистские державы»⁶⁵.

«Характерной чертой рассматриваемого периода является окончательный раздел земли, окончательный не в том смысле, чтобы не возможен был *передел*, – напротив, переделы возможны и неизбежны, – а в том смысле, что колониальная политика капиталистических стран *закончила* захват незанятых земель на нашей планете. Мир впервые оказался уже поделенным, так что далее предстоят лишь переделы, т.е. переход от одного владельца к другому, а не от бесхозности к хозяину. Мы переживаем, следовательно, своеобразную эпоху всемирной колониальной политики, которая теснейшим образом связана с “новейшей ступенью в развитии капитализма”, с

⁶⁵ Ленин В.И. Империализм и раскол социализма. С. 172-173.

финансовым капиталом»⁶⁶, – писал В.И. Ленин в преддверии Первой мировой войны.

В.И. Ленин подчеркивал, что в условиях империализма военные или мирные пути решения неизбежно возникающих конфликтов – лишь формы, никак не влияющие на саму суть империализма, как явления: «Капиталисты делят мир не по своей особой злобности, а потому, что достигнутая степень концентрации заставляет становиться на этот путь для получения прибыли; при этом делят они его “по капиталу”, “по силе” – иного способа дележа не может быть в системе товарного производства и капитализма. Сила же меняется в зависимости от экономического и политического развития; для понимания происходящего надо знать, какие вопросы решаются изменениями силы, а есть ли это – изменения “чисто” экономические или внеэкономические, (например, военные), это вопрос второстепенный, не могущий ничего изменить в основных взглядах на новейшую эпоху капитализма»⁶⁷.

Ленин приводит таблицу, отражающую состояние мировых империй перед началом Первой мировой войны:

⁶⁶ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 374.

⁶⁷ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 372-373.

*Колониальные владения великих держав
(млн. кв. км. и млн. жителей)* ⁶⁸

	Колонии				Метрополии		Всего	
	1876		1914		1914		1914	
	кв. км	жи т.	кв. км	жи т.	кв.к м.	жит.	кв. км.	жит.
Англия	22, 5	251 ,9	33, 5	39 3,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия	17, 0	15, 9	17, 4	33, 2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция	0,9	6,0	10, 6	55, 5	0,5	39,6	11,1	95,1
Герма- ния	-	-	2,9	12, 3	0,5	64,9	3,4	77,2
С. Шта- ты	-	-	0,3	9,7	9,4	97,0	9,7	106,7
Япония	-	-	0,3	19, 2	0,4	53,0	0,7	72,2
Итого 6 великих держав	40, 4	27 3,8	65, 0	52 3,4	16,5	437,2	81,5	960,6
Колонии остальных держав (Бельгия, Голландия и пр.)							9,9	45,3
Полуколонии (Персия, Китай, Турция)							14,5	361,2
Остальные страны							28,0	289,9
Весь мир							133,9	1657,0

⁶⁸ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 377.

Анализируя эту таблицу, В.И. Ленин отмечает, что «из 75 млн. кв. километров всех колоний мира 65 млн., т.е. 86% сосредоточено в руках шести держав; 61 млн., т.е. 81% сосредоточено в руках 3-х держав».⁶⁹

Большое внимание В.И. Ленин уделял тому, что правительства этих новых империй порой повышали уровень жизни простого населения в метрополиях за счет усиления угнетения колоний: «Эксплуатация угнетенных наций, неразрывно связанная с аннексиями, и особенно эксплуатация колоний горсткой “великих” держав все больше превращает “цивилизованный” мир в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов. Привилегированная прослойка пролетариата империалистических держав живет отчасти за счет сотен миллионов нецивилизованных народов»⁷⁰.

Особенно нападал он на тех, кто выступал апологетом империализма, под лозунгами улучшения положения рабочих в метрополиях. «*Оппортунисты* (социал-шовинисты) работают вместе с империалистской буржуазией как раз в направлении создания империалистской Европы на плечах Азии и Африки, *оппортунисты* объективно представляют из себя часть мелкой буржу-

⁶⁹ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 406.

⁷⁰ Ленин В.И. Империализм и раскол социализма. С. 165.

азии и некоторых слоев рабочего класса, *подкупленную* на средства империалистской сверхприбыли, превращенную в *сторожевых псов* капитализма, в *развратителей* рабочего движения»⁷¹.

При внимательном изучении истории развития империализма мы увидим, что его теоретики предполагали неизбежным в будущем создание единого государства; разница была лишь в том, какой они видели форму управления им. Британская империя с ее влиянием на всех континентах, разными формами управления внутри имперского образования, в какой-то степени была прообразом современной империалистической политики США, которые могли использовать в своей геополитической стратегии ее опыт.

Так как же отразилось развитие империализма рубежа XIX – XX веков на творчестве английских писателей? Насколько удалось им показать личность в ее противостоянии глобальному миру или соработничеству с ним, насколько судьбы этого мира, по их мнению, зависели от конкретного человека? Попытка ответить на эти вопросы будет сделана в следующих главах.

⁷¹ Ленин В.И. Империализм и раскол социализма. С. 168.



Джон Аткинсон Гобсон

Учение об империализме Д.А. Гобсона

Гобсон (Hobson) Джон Аткинсон (6.7.1858, Дерби, – 1.4.1940, Лондон), английский экономист и реформист. Окончил колледж Линкольна в Оксфорде (1878). В 1887–97 читал курс политической экономии в Оксфордском и Лондонском университетах. Сторонник теорий предельной полезности, предельной производительности и недопотребления. Главный труд Гобсона – «Империализм» (1902), в котором он, по словам В. И. Ленина, «... дал очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма» (Полн. собр. соч., 5 изд., т. 27, с. 309). Отвергая в целом его концепцию, В. И. Ленин использовал в книге «Империализм как высшая стадия капитализма»

фактический материал и отдельные выводы его работы. Критикуя империализм, Гобсон утопически призывал возвратиться к условиям домонополистического капитализма, отдельные пороки которого он мыслил устранить путем парламентских реформ. В 3-м издании своего труда «Империализм» (1938) Гобсон солидаризировался с демократическими силами, борющимися с фашизмом⁷².

Гобсон рассматривал империализм как определенным образом обусловленную политику территориальной экспансии, являющейся чем-то ненормальным, о чем он прямо писал во вводной части своей работы: «Настоящее исследование определено относится к области социальной патологии, и потому в нем не делается никаких попыток скрыть злокачественность недуга»⁷³. Ученый считал колониализм и империализм различными понятиями: «Поскольку колониализм выражается в переселении части народа на свободные или малонаселенные чужие земли, где эмигранты сохраняют полные права гражданства родной страны или устанавливают местное самоуправление, согласованное с ее учреждениями и находящееся в конечном счете под ее контролем, он может рассматриваться как естественное про-

⁷² dic.academic.ru > dic.nsf/bse/159941/Гобсон (дата обращения 28.04.2011 года).

⁷³ Гобсон Д. Империализм. Ленинград, 1927. С. 17.

движение национальности, как территориальное расширение ее земельных фондов, языка и учреждений. Однако в истории очень редко случается, чтобы колонии долго оставались в таких условиях, будучи удалены от своей родной страны. Они либо порывают связь с метрополией и устраиваются как отдельные национальные единицы, либо остаются в полнейшем подчинении от нее во всех делах, касающихся высшего порядка управления»⁷⁴. «Современная территориальная экспансия метрополий резко отличается от колонизации скудно заселенных земель умеренной зоны, куда белые колонисты приносят с собой систему управления, промышленность и другие достижения цивилизации родной страны. “Занятие” этих новых территорий выражается в том, что ничтожное меньшинство белых людей – чиновников, торговцев и промышленников – осуществляют свою политическую и экономическую власть над громадными ордами людей, рассматриваемых как низшая раса, неспособная пользоваться какими-либо реальными правами самоуправления в области политики или индустрии»⁷⁵.

Изучая империализм, каким он являлся в начале XX века, Гобсон писал, что «особенность современного империализма, рассматриваемого с

⁷⁴ Гобсон Д. Указ. соч. С. 21.

⁷⁵ Там же. С. 36.

политической точки зрения, заключается, главным образом, в том, что его одновременно осуществляют несколько народов. Наличие целого ряда соперничающих в этом отношении государств – совершенно новое явление. Основная идея империи в древнем и средневековом смысле слова заключалась в федерации государств под гегемонией одного из них, обнимающей весь известный и признанный мир, как его понимал Рим в своем термине “*раx гомана*”. Когда римские граждане, обладавшие всей полнотой гражданских прав, встречались на протяжении всего известного им мира и в Африке и в Азии, равно как в Галлии и Британии, империализм заключал в себе подлинный элемент интернационализма. Империя отождествлялась с интернационализмом, хотя она и не всегда основывалась на идее равенства народов»⁷⁶. «Современный империализм отличается от империализма былых времен, во-первых, тем, что честолюбивые стремления создать единую могучую империю уступили место теории и практике соперничающих между собой империй, из которых каждая охвачена одними и теми же вожделениями политической экспансии и коммерческой наживы; во-вторых, преобладанием интересов финансовых, интересов

⁷⁶ Гобсон Д. Указ. Соч. С. 22-23.

денежного капитала над чисто-торговыми интересами»⁷⁷.

Большое внимание Гобсон уделяет неравному положению различных частей Британской империи. «Британские “колониальные владения” распадаются официально на три группы: 1) “коронные колонии”, в которых корона пользуется правом полного контроля над законодательством, при чем управление ведется чиновниками под контролем центрального правительства; 2) колонии, обладающие представительными учреждениями, но без ответственного правительства, и в которых корона пользуется только правом законодательного veto, а центральное правительство сохраняет контроль над государственными делами; и 3) колонии, обладающие представительными учреждениями и ответственным правительством, при чем корона пользуется только правом законодательного veto, а центральное правительство не имеет права контроля ни над одним чиновником, за исключением губернатора»⁷⁸. И «если наши вольные самоуправляющиеся колонии окрыляли надеждами, поощряли и отчасти направляли демократические стремления Великобритании, и не только периодическими успехами в искусстве народного управления, но и господствовавшим в них духом свободы и равен-

⁷⁷ Там же. С. 242.

⁷⁸ Там же. С. 34-35.

ства, то наши деспотически управляемые владения всегда способствовали порче характера нашего народа, воспитывая в нем угодливость перед снобом, преклонение перед богатством и чинами, прививая скверные пережитки феодального неравенства»⁷⁹.

В противоположность Ленину, Гобсон отрицал то, что империализм является структурной потребностью экономики метрополии. В ней была возможна и необходима политика перераспределительного налогообложения, которая бы создавала обратный эффект в виде подрезания соответствующего экономического корня (конечные избыточные сбережения) и стимулирования отечественного спроса (уменьшение конечного недопотребления)⁸⁰.

«Если бы порядок распределения доходов или потребительская способность соответствовали наличности действительных потребностей, тогда, очевидно, потребление возрастало бы с каждым подъемом производительности, так как людские потребности безграничны, и не было бы избыточных сбережений. Но дело обстоит совсем иначе в таком экономическом строе общества, в

⁷⁹ Там же. С. 128.

⁸⁰ "The new Palgrave a Dictionary of Economics". Ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. Перевод А. С. Скоробогатова. library.by › portalus/modules/economics/referat (Дата обращения 28.04.2011 года).

котором распределение не согласовано с потребностями, а определяется иными условиями; в котором часть людей обладает потребительской способностью далеко превосходящей их действительные нужды или возможные потребности, тогда как другая настолько лишена этой способности, что не может удовлетворить даже основных требований своего физического существа»⁸¹.

«Теперь очевидно, что заблуждение – считать империалистическую экспансию неизбежной, как необходимый выход для развивающейся промышленности. Не прогресс промышленности требует открытия новых рынков и новых сфер помещения капитала, а плохое распределение потребительских способностей, мешающее поглощению продуктов и капитала внутри страны. Избыточные сбережения, являющиеся экономическим корнем империализма, оказываются, при более близком рассмотрении, рентой, монопольной прибылью и вообще нетрудовым и исключительным доходом, который, не являясь продуктом ручного или умственного труда, не имеет законного *raison d'être*. Не имея никакого отношения к процессу производства, эти доходы не побуждают тех, кто их получает, к соответствующему расширению их потребления: они образуют излишек благ, который не имея надлежащего места в нормальной экономике производства и по-

⁸¹ Там же. С. 81.

требления, принуждает к чрезмерному накоплению. Пусть какое-нибудь изменение политико-экономических сил отвлечет от этих собственников излишек их доходов и передаст его или рабочим – в форме повышенной заработной платы их – или же государству – в форме налогов; тогда этот излишек будет расходоваться, а не сберегаться и способствовать тем или иным путем повышению потребления, – а в таком случае не нужно будет сражаться из-за иностранных рынков или иностранных территорий ради выгодного размещения капиталов»⁸².

«Хотя с 1870 г. произошло значительное увеличение британских владений, вызвавшее соответствующее сокращение числа и размера “чужих земель” эта империалистическая экспансия, тем не менее, не сопровождалась увеличением торговли между метрополией и ее владениями, насколько можно судить по великобританскому импорту и экспорту»⁸³. «Политика территориальной экспансии, как мера для обеспечения избытка населения в настоящем или будущем, не является реальной необходимостью. Вся британская эмиграция представляет лишь небольшую часть населения Великобритании, в течение последних лет территориального расширения это соотношение даже уменьшилось: небольшая

⁸² Там же. С. 83-84.

⁸³ Там же. С. 42.

часть эмигрантов селится в старых британских владениях, и невероятно малая частица селится в странах, приобретенных при господстве нового империализма»⁸⁴. «Политика империализма последних тридцати лет, как политика торговая, оказалась обреченной, так как при огромных материальных затратах она дала лишь ничтожное, невыгодное и ненадежное увеличение рынка, поставив в то же время на карту все достояние нации и вызвав неудовольствие других народов»⁸⁵. «Роль подобной торговли во всей хозяйственной жизни Великобритании очень незначительна, но некоторая часть ее весьма влиятельна и способна оказывать определенное давление на политику при помощи торговых палат, парламентских представителей и полуполитических, полукоммерческих учреждений вроде “Имперской Южно-Африканской ассоциации” или “Китайской лиги”»⁸⁶.

«Государство, в котором хозяйственные интересы отдельных хорошо организованных классов могут брать перевес над слабыми, расплывчатыми интересами всего общества, принуждено вести политику, которая содействует закреплению их господства над последним»⁸⁷.

⁸⁴ Там же. С. 53.

⁸⁵ Там же. С. 55.

⁸⁶ Там же. С. 58.

⁸⁷ Там же. С. 57.

В своей книге Гобсон достаточно прямо пишет о фактически надправительственных структурах, определяющих империалистическую политику: «Богатство банкирских домов, размах их операций и их космополитическая организация делают их первыми и решительными сторонниками империалистической политики. Они, обладая самой большой ставкой в деле империализма и обширнейшими средствами, могут навязать свою волю международной политике»⁸⁸.

Однако тут же Гобсон непоследовательно пишет о том, что «двигающая сила империализма не исключительно финансовая: финансы скорее управляют империалистической машиной, направляя ее энергию и определяя ее работу, но не они являются непосредственным источником ее могущества. Финансы пользуются патриотическими чувствами, которые таят в себе политики, солдаты, филантропы и торговцы; но увлечение территориальной экспансией, которое питается из этого же источника, даже сильное и искреннее, само по себе беспорядочно и слепо; финансы же обладают той способностью оформлять и зорко рассчитывать, которая необходима для того, чтобы пустить империализм в ход»⁸⁹.

Непоследовательность данного положения Гобсона заключается в том, что он путает массо-

⁸⁸ Там же. С. 66.

⁸⁹ Там же. С. 66.

вую базу и социальную сущность, недооценивая в целом роль финансового капитала в развитии империализма, основа которого в том виде, в каком он сложился к началу XX века, является исключительно финансово-монополистической. Финансы не просто управляют машиной империализма, они являются причиной ее работы.

И в других местах своей книги Гобсон об этом пишет: «Если частные интересы владельцев капитала могут столкнуться с общественными и привести к губительной политике, то еще большую опасность представляют специфические интересы финансиста, главного дельца по размещению капиталов. Станет ли кто-нибудь утверждать серьезно, что европейские державы могут предпринимать большие войны или размещать крупные государственные займы без согласия банкирского дома Ротшильда или его союзников?»⁹⁰.

Это относится не только к Европе, но и к США: «Смелый энтузиазм президента Рузвельта и его партии, говорящей о “предуказанных судьбах” и “просветительных миссиях” народа не должен вводить нас в заблуждение. Империализм нужен мистеру Рокфеллеру, Пирпонту Моргану, Ганна и Швабу и их союзникам, и они взваливают его на плечи великой республики Запада. Им нужен империализм потому, что они хотят использовать народные средства для выгодного поме-

⁹⁰ Там же. С. 64.

щения своих капиталов, которые при других условиях оказались бы праздным избытком»⁹¹.

Гобсон писал о том, что действия этих людей определяются исключительно жадной прибылью, при этом интересы даже целых народов никак не учитываются. В частности, об англо-бурской войне он написал: «Для “посвященных” финансовых дельцов тяжкие страдания Англии и Южной Африки во время войны оказались источником огромных барышей. Эти люди – единственные, кто выиграл на войне, и большинство их барышей основано на потерях усыновившей их родины или на личных потерях их сограждан. Правда, не обязательно, чтобы политика этих людей всегда требовала войны: там, где война может вызвать чересчур большой и продолжительный вред для промышленности, которая является важнейшим и основным базисом спекуляции, их влияние обращается в сторону мира»⁹².

Конечно, финансовые магнаты не являются единственной движущей силой империализма. Гобсон указывает тех, на кого они на тот момент опирались в достижении своих целей: «Таков боевой состав реальных экономических сил, работающих в пользу империализма: большая группа лиц торговых и свободных профессий, ищущая выгодных дел и прибыльных занятий от расши-

⁹¹ Там же. С. 77.

⁹² Там же. С. 65-66.

рения военной и гражданской службы, от расходов на военные операции, от новых территориальных владений и торговли с ними, от концентрации новых капиталов, в которых эти операции нуждаются, – и все они находят центральную руководящую и направляющую силу во власти финансового дельца. Игра этих сил не проявляется открыто. Они обыкновенно паразитируют на патриотизме и принимают на себя его защитную окраску. С уст их представителей не сходят благородные фразы, выражающие желание расширить сферу цивилизации, учредить хорошее управление, распространить христианство, уничтожить рабство и поднять низшие расы»⁹³. «В Англии заявление лорда Розбери о том, что Британская империя есть “величайшее в мире агентство для насаждения общего блага, когда-либо известное миру”, всегда будет служить главным оправданием империализма»⁹⁴.

Размышляя об образовании и воспитании, на примере Англии того времени, Гобсон писал о том, что они все более становятся зависимыми от финансирующего их частного капитала: «Философия, естественные науки, история, экономика, социология – должны возводить новые укрепления в защиту денежных интересов плутократии

⁹³ Там же. С. 67.

⁹⁴ Там же. С. 187.

от нападков обездоленных масс»⁹⁵. «В воспитании решающие моменты определяются следующими тремя вопросами: “Кто будет учить? Чему будут учить? Как будут учить?” Там, где доходы университета зависят от щедрот богатых людей, от милосердия миллионеров, там, по необходимости, будут даны следующие ответы: “Благонамеренные учителя”, “Благонамеренной науке”, “Здоровыми (т.е. ортодоксальными) методами”. Народная поговорка, гласящая: “на чьем возу сидишь, тому и песню поешь”, вполне применима здесь, и никакие вздорные разговоры об академической гордости и интеллектуальной честности не могут заставить нас закрыть глаза на это обстоятельство»⁹⁶.

«Страдая от перепроизводства во всех профессиях, военных и гражданских, в армии и дипломатии, в церкви и суде, в педагогике и инженерном искусстве, Великобритания облегчает таким образом перегрузку отечественных рынков, дает возможность выдвинуться энергичным людям и любителям приключений и создает удобное место уединения для неудавшихся карьер и испорченных репутаций. Расширение этого поля деятельности является могущественной двигательной силой империализма»⁹⁷.

⁹⁵ Там же. С. 176.

⁹⁶ Там же. С. 177.

⁹⁷ Там же. С. 59.

В книге, написанной в 1902 году, Гобсон говорил о существовании предпосылок для начала мировой войны. Так он писал о Британской империи:

«Если мы хотим удержать за собой все, что мы захватили, начиная с 1870 года, если мы хотим состязаться с юными промышленными народами в деле раздела территорий и сфер влияния в Азии и Африке, мы должны готовиться к войне»⁹⁸. «Часто утверждают, что процесс территориального расширения фактически уже закончен. Это совершенно неверно. Правда, большинство “отсталых” рас поставлено в некоторую зависимость от той или иной “цивилизованной” державы: созданы колонии, протектораты, сферы влияния. Но в большинстве случаев все это указывает скорее на начало империализации, чем на полную законченность этого процесса»⁹⁹.

Гобсон писал о том, что «Великое испытание западного империализма – это Азия, где живут многочисленные народы, наследники таких же сложных цивилизаций, как наша собственная, но более древних и вековым навыком более прочно вкоренившихся в повседневную жизнь. На африканские расы можно было смотреть, как на дикарей, как на детей, как на “отставших” на том самом пути цивилизации, на котором англо-

⁹⁸ Там же. С. 113.

⁹⁹ Там же. С. 179.

саксонская раса является авангардом, а потому требующих поддержки со стороны более культурных народов. Не так легко найти благовидный предлог для установления контроля Запада над Индией, Китаем и другими азиатскими странами»¹⁰⁰.

Его фантазии о будущем Китая, в которые он сам, судя по всему, не верил, через сто лет во многом воплотились в жизнь: «В наших отношениях к отсталым расам, способным к восприятию западных промышленных навыков, можно различить три стадии. Прежде всего, идет обыкновенная торговля, обмен нормальными излишками производства обеих стран. Затем, когда Великобритания или другая западная держава приобретает какую-нибудь территорию или вложит капиталы в чужой стране с целью разработки ее естественных богатств, наступает период оживленного и широкого экспорта товаров в виде рельс, машин и прочих видов реализованного капитала, при чем не требуется, чтобы экспорт был непременно сбалансирован с импортом, так как он фактически поглощает финансирующий капитал. Эта стадия может продолжаться очень долго, если в новой стране не окажется капитала или предпринимательской инициативы. Но остается еще третья стадия, которая может быть достигнута, по крайней мере, в Китае, в недалеком буду-

¹⁰⁰ Там же. С. 228.

щем, – она наступает тогда, когда капитал и организаторские способности имеются внутри страны и реализуются либо основавшимися здесь европейцами, либо туземцами. Народ, вооруженный всеми производительными ресурсами, необходимыми для дальнейшего внутреннего развития своей страны, может обратиться против своего цивилизатора; выбившись из под его промышленной опеки, он станет продавать дешевле его на своих собственных рынках, он захватит в свои руки его иностранные рынки и присвоит себе остальную часть культурной работы, которую еще остается сделать в других девственных частях земного шара»¹⁰¹.

Гобсон отмечал, что к началу XX века «империализм еще только начинает осуществлять свои возможности и превращать в тонкое умение управлять людьми; широкое доверие к нему народа, просвещение которого ограничивается искусством, не разбираясь, читать по печатному, очень благоприятствует намерениям смелых дельцов, держащих в своих руках прессу, школу, а в случае надобности и церковь, и внушающих массам империализм под привлекательной личной патриотизма»¹⁰².

Сравнивая современный ему империализм с Римской империей, Гобсон предсказывает, что

¹⁰¹ Там же. С. 244-245.

¹⁰² Там же. С. 281.

его ждет такой же конец, в силу законов обожествляемой Гобсоном «природы»: «Современный империализм в наиболее существенных чертах ничем не отличается от старого примера. Элемент политической дани сейчас отсутствует или играет второстепенную роль; наиболее грубые формы рабства исчезли, а некоторые факты более естественного или бескорыстного управления смягчают или оттеняют его определенно паразитарную сущность. Но природу не обманешь: законы ее действуют всюду, они обрекают паразита на атрофию, на вымирание и полное исчезновение; этих законов не избежать ни народам, ни отдельным организмам»¹⁰³.

Альтернативой империализму Гобсон видел иные формы глобализации: «Подлинный сильный интернационализм, будь то форма или идея, подразумевает наличность могущественных, уважающих себя национальностей, ищущих союза на почве общих народных нужд и интересов. Такой ход исторического развития соответствует больше законам социального роста, чем зарождение анархического космополитизма индивидуальных единиц посреди общего упадка национальной жизни. Национализм – прямой путь к интернационализму, и если между ними замечается антагонизм, мы вправе подозревать искажение его природы и целей. Подобным искажением являет-

¹⁰³ Там же. С. 286.

ся империализм, при котором народы, нарушая границы естественной ассимиляции, превращают здоровое соревнование различных национальных типов в разбойную борьбу, соперничающих друг с другом империй»¹⁰⁴.

«Международные договоры, международный кредит и обмен, общая почтовая, а в более узких границах – и общая железнодорожная система, не говоря уже о конвенциях и конференциях, которыми обеспечивается согласованность международных действий, наконец, все неписанные законы о войне, о международной учтивости, о посольствах, консульствах и тому подобных учреждениях – все это покоится на основе признания некоторых взаимных обязанностей, нарушение которых наказывается потерей прав наиболее благоприятствуемого государства, бойкотом и, быть может, даже соединенным вмешательством других государств. В этих институтах мы видим начало действительной международной федерации и зачатки легальных санкций для установления и закрепления ее прав»¹⁰⁵.

«Если цивилизованные белые нации постепенно сбросят с себя бремя классовой борьбы, интересы которой на стороне войн и территориальной экспансии, если они сократят прирост своего населения посредством предупредитель-

¹⁰⁴ Там же. С. 24.

¹⁰⁵ Там же. С. 140-141.

ных мер против дурного потомства и употребят свою энергию на использование естественных богатств (все это вполне возможно) – тогда исчезнут всякие поводы для международных конфликтов: торговые связи и дружественные сношения будут поддерживать вечный мир на основе международной солидарности»¹⁰⁶.

Здесь обращают внимание на себя положения о искусственном регулировании населения, «дурном потомстве», характерные для автора, религией которого являлась теория эволюции.

Гобсон является первым серьезным исследователем новых форм империализма, появившихся к началу XX века, обозначившим значение именно финансового капитала в их появлении и развитии. Какие-то из положений его книги с позиций сегодняшнего дня выглядят прозрением будущего, а какие-то, наоборот, несколько наивными. В любом случае нельзя отрицать, что именно Гобсон оказал большое влияние на формирование нового учения об империализме в начале XX века, на работы в данном направлении В.И. Ленина, взявшего на себя даже труд перевода книги английского экономиста.

¹⁰⁶ Там же. С. 153.



Оскар Уайльд

Когда красота становится уродством. Перечитывая Оскара Уайльда...

Прагматичный XIX век, отвергающий все чудесное, сменил XX, который сумел разрушить и прагматику и иллюзии. Две страшнейшие мировые войны, которых доселе не знало человечество; беззаконие, творимое под видом совершенных во благо народа революций; преступления, которых доселе не знал мир, – вот что давало миру «просвещение» без Христа. Этого нельзя было не предвидеть. Некоторые мыслители, такие как, например, Ф.М. Достоевский, говорили об этом прямо. Были и те, которые предвидели, что та правда, которую выберет человечество, окажется слишком страшной и невыносимой – настолько,

что ее не сможет вместить человеческое сознание.

Заглядывая в своем воображении в неумолимо приближающийся двадцатый век, Оскар Уайльд пророчески писал о том будущем, которое когда-то придет на смену рационализму века девятнадцатого: «Факты будут считаться чем-то постыдным. Истина пригорюнится в своих оковах, а поэзия со своими сказками вновь вернется на землю. Картина мира преобразится перед нашими изумленными взорами. Драконы закопошатся в пустынях и Феникс взвоется в воздух из своего гнезда. Мы руками прикоснемся к Василиску и узрим драгоценный камень в голове у жабы. Жуя свой золотой овес, Гиппогриф будет стоять в наших стойлах, а над головами будет носиться Синяя Птица с песнями о прекрасном, несбыточном, о том чего нет и не будет»¹⁰⁷.

Сегодня во многом мы наблюдаем воплощение этих слов – возврат к средневековью, когда астрология, нумерология и хиромантия начинают претендовать на звание точных наук, авторитет которых в нашей стране подрывается, как бедственным материальным положением ученых, так и некоторыми реформами в образовательной сфере. А «прогресс» оборачивается тем, что телевидение и компьютеры, с их все более совершен-

¹⁰⁷ Цит. по: Аникст А. Оскар Уайльд. // О. Уайльд Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 10-11.

ными технологиями создания «виртуальной реальности», все более отрывают множество людей от внимания к проблемам тех, кто рядом с ними, способствуя созданию общества, в котором господствуют уже не традиционные ценности. Но Оскар Уайльд, возможно, имел в виду не совсем это; он пытался построить выдуманный мир красоты, в который можно было бы уйти от ужасной реальности сформировавшегося империализма.

Писатель остро осознавал несовершенство мира, в котором ему приходилось жить. В сказке «Рыбак и его Душа» Душа, обращаясь к Рыбаку, так описывает бытие вокруг: «И она сказала молодому Рыбаку:

– Я говорила тебе о радостях мира сего, но не слышало меня ухо твое. Дозволь мне теперь рассказать тебе о скорбях человеческой жизни, и, может быть, ты услышишь меня. Ибо поистине Скорбь есть владычица этого мира, и нет ни одного человека, кто избег бы ее сетей. Есть такие, у которых нет одежды, и такие, у которых нет хлеба. В пурпур одеты иные вдовицы, а иные одеты в рубище. Прокаженные бродят по болотам, и они жестоки друг к другу. По большим дорогам скитаются нищие, и сумы их пусты. В городах по улицам гуляет Голод, и Чума сидит у городских ворот»¹⁰⁸.

¹⁰⁸ Уайльд О. Рыбак и его Душа // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 357-358.

Но взгляд писателя многомерен; в той же сказке та же Душа рисует и иную картину мира: «Зачем сокрушаться тебе о грехах? Разве то, что приятно вкушать, не создано для вкушающего? И в том, что сладостно пить, разве заключается отравы? Забудь же твою печаль, и пойдем со мной в другой город. Есть маленький город неподалеку отсюда, и в нем есть сад из тюльпанных деревьев. В этом прекрасном саду есть павлины белого цвета и павлины с синею грудью. Хвосты у них, когда они распускают их при сиянии солнца, подобны дискам из слоновой кости, а также позолоченным дискам. И та, что дает им корм, пляшет, чтобы доставить им радость; порою она пляшет на руках. <...> Забудь же свою печаль, и пойдем со мной в этот город»¹⁰⁹.

Эта небольшая сказка – очень сложное философское произведение, показывающее, насколько сложен внутренний мир Уайльда, как своеобразно происходило преломление в его сознании элементов христианской и языческой культурных традиций. Рыбак ради любви к Деве морской с помощью колдовства прогоняет от себя Душу. Он не дает ей сердце, и она, скитаясь по миру, совершает множество зла. Наконец, она возвращается, что становится мучением для Рыбака, начавшего совершать зло по приказу Души,

¹⁰⁹ Уайльд О. Рыбак и его Душа // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 355-357.

ушедшего от своей возлюбленной, но затем отказавшегося повиноваться ей и остаток жизни проведшего на берегу в ожидании любимой. Когда же волны вынесли на берег ее мертвое тело, он умирает рядом с ней, в момент перед смертью Душа вновь становится с ним одним целым. В конце этой сказки писатель вкладывает в уста Рыбака такой гимн любви: «Любовь, – говорил он, – лучше мудрости, ценнее богатства и прекраснее, чем ноги у дочерей человеческих. Огнями не сжечь ее, водами не погасить. Я звал тебя на рассвете, но ты не пришла на мой зов. Луна слышала имя твое, но ты не внимала мне. На горе я покинул тебя, на погибель свою ушел от тебя. Но всегда любовь к тебе пребывала во мне, и была она так несокрушимо могуча, что все было над нею бессильно, хотя я видел и злое и доброе. И ныне, когда ты мертва, я тоже умру с тобою»¹¹⁰.

Уайльд, безусловно, сознавал не христианский характер истории любви, которая была им написана, любви запретной, разрушительной, несущей нарушение естественного хода вещей и смерть. И он вкладывает эту оценку сначала в тираду Священника, который «громко возопил и сказал:

– Я не пошлю благословения морю и тому, что находится в нем. Проклятие Обитателям мо-

¹¹⁰ Уайльд О. Рыбак и его Душа // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 359.

ря и тем, которые водятся с ними! А этот, лежащий здесь со своею возлюбленной, отрекшийся ради любви от Господа и убитый праведным Господним судом – возьмите тело его и тело его возлюбленной и схороните их на Погосте Отверженных, в самом углу, и не ставьте знака над ними, дабы никто не знал о месте их упокоения. Ибо прокляты они были в жизни, прокляты будут и по смерти»¹¹¹.

Но через три года в «день праздничный Священник пришел в храм, чтобы показать народу раны Господни и сказать ему проповедь о гневном Господнем. И когда он облачился в свое облачение, и вошел в алтарь, и пал ниц, он увидел, что престол весь усыпан цветами, дотоле никем невиданными. <...> красота этих белых цветов волновала его, и сладостен был их аромат для него, и другое слово пришло на уста к нему, и заговорил он не о гневном Господнем, а Боге, чье имя – Любовь. И почему речь его была такова, он не знал»¹¹².

Второе же свидетельство о не христианском характере любви Рыбака к Деве морской намного определеннее, чем эмоциональная тирада Священника, которую можно толковать в смысле узости и нетерпимости христиан. Так вот когда,

¹¹¹ Уайльд О. Рыбак и его Душа // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 360.

¹¹² Уайльд О. Рыбак и его Душа // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 360-361.

узнав о том, что цветы, которые так все перевернули в нем, с Погоста Отверженных, Священник задрожал «и вернулся в свой дом молиться. И утром, на самой заре, вышел он с монахами и клиром, и прислужниками, несущими свечи, и с теми, которые кадят кадилъницами, и с большою толпой молящихся, и пошел он к берегу моря, и благословил он море и дикую тварь, которая водится в нем. И Фавнов благословил он, и Гномов, которые пляшут в лесах, и тех, у которых сверкают глаза, когда они глядят из-за деревьев. Всем созданьям Божьего мира дал он благословение; и народ дивился и радовался»¹¹³. И что же произошло после этого? «Но никогда уже не зацветают цветы на Погосте Отверженных, и по-прежнему весь Погост остается нагим и бесплодным. И Обитатели моря уже никогда не заплывают в залив, как бывало, ибо они удалились в другие области этого моря»¹¹⁴. Может быть, после такой великой любви, как у Рыбака и Девы морской сказке уже не осталось места в этих краях? Но можно понять данную концовку и в том смысле, что христианская любовь Священника, которую он обрел, дала силу его молитве, расколдовавшей эти места.

Любовь в сознании О. Уайльда тесно связана со смертью; как писал А. Аникст в творчестве пи-

¹¹³ Там же. С. 361.

¹¹⁴ Там же.

сателя «она оказывается страстью, которая губит и любящего и предмет его любви»¹¹⁵. В «Балладе Рэдингской тюрьмы» переживший двухлетнее тюремное заключение поэт написал такие строки:

«Но каждый, кто на свете жил,
Любимых убивал,
Один – жестокостью, другой –
Отравой похвал,
Трус – поцелуем, тот, кто смел, –
Кинжалом наповал»¹¹⁶.

Несовершенство земной любви, несовершенство красоты, относительность земной истины – то, что заставляло Оскара Уайлда в его книгах погружаться все глубже в самые сокровенные тайники человеческой жизни, в поисках ответа на мучившие его вопросы. Главное произведение, в котором писатель показывает, как красота, когда ей поклоняются, превращается в уродство, – это, безусловно, «Портрет Дориана Грея». Там нет и тени морализаторства. В своем предисловии к этому роману Уайльд прямо указывает на субъективный характер любого художественного произведения: «В сущности, Искусство – зеркало, отра-

¹¹⁵ Аникст А. Оскар Уайльд. // О. Уайльд Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 25.

¹¹⁶ Уайльд О. Баллада Рэдингской тюрьмы // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 398.

жающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь»¹¹⁷.

Один из главных героев этой книги, лорд Генри, в таких выражениях описывает молодому Дориану, единственным достоинством которого является его внешность, преимущества красоты: «Вы удивительно хороши собой, мистер Грей. Не хмурьтесь, это правда. А Красота – это один из видов Гения, она еще выше Гения, ибо не требует понимания. Она – одно из великих явлений окружающего нас мира, как солнечный свет, или весна, или отражение в темных водах серебряного щита луны. Красота неоспорима. Она имеет высшее право на власть и делает царями тех, кто ею обладает. <...> Новый гедонизм – вот что нужно нашему поколению. И вы могли бы стать его зримым символом. Для такого как вы, нет ничего невозможного. На короткое время мир принадлежит вам... <...> к нам молодость не возвращается. Мы превращаемся в отвратительных марионеток с неотвязными воспоминаниями о тех страстях, которых мы слишком боялись, и соблазнах, которым мы не посмели уступить»¹¹⁸.

Дориан жадно внимает ему. Художник Бэзил Холлуорд пишет портрет юноши, который приобретает магическую силу: он стареет вместо то-

¹¹⁷ Уайльд О. Портрет Дориана Грея // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 30.

¹¹⁸ Уайльд О. Портрет Дориана Грея // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 50-51.

го, кто на нем изображен. Сам Грей потом так рассказывает создателю картины об этом: «Много лет назад, когда я был еще почти мальчик, – сказал Дориан Грей, смяв цветок в руке, – мы встретились с вами, и вы тогда льстили мне, вы научили меня гордиться своей красотой. Потом вы познакомили меня со своим другом, и он объяснил мне, какой чудесный дар молодость, а вы написали с меня портрет, который открыл мне великую силу красоты. И в миг безумия, – и я сейчас еще не знаю, сожалеть мне об этом или нет, – я высказал желание... или, пожалуй, это была молитва...»¹¹⁹.

Художник ужасается, он призывает Дориана к покаянию, а тот в ответ убивает его, затем уничтожает тело. Чем больше пороков овладевают Греем, чем больше грехов он совершает, тем более мерзкий вид приобретает портрет: «под влиянием какой-то неестественно напряженной скрытой жизни портрета проказа порока постепенно разъедала его. Это было страшнее, чем разложение тела в сырой могиле»¹²⁰.

Внешне прекрасный как в юности, Дориан неспокоен, он осознает, что его внешняя красота – это духовное уродство: «Эта красота его погубила, красота и вечная молодость, которую он се-

¹¹⁹ Уайльд О. Портрет Дориана Грея // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 174.

¹²⁰ Там же. С. 175.

бе вымолил! Если бы не они, его жизнь была бы чиста. Красота оказалась только маской, молодость – насмешкой»¹²¹. Он думает, что нужно уничтожить портрет, который не дает ему спокойно жить, является его совестью. Но Грей недооценил того, насколько сильна его связь с портретом. «Дориан осмотрелся и увидел нож, которым он убил Бэзила Холлуорда. Он не раз чистил этот нож, и на нем не было ни пятнышка, он так и сверкал. Этот нож убил художника – так пусть же сейчас он убьет и его творение, и все, что с ним связано. Он убьет прошлое, и, когда прошлое умрет, Дориан Грей будет свободен! Он покончит со сверхъестественной жизнью души в портрете, и когда прекратятся эти зловещие предостережения, он вновь обретет покой. Дориан схватил нож и вонзил в портрет. Раздался громкий крик и стук от падения чего-то тяжелого. Этот крик смертной муки был так ужасен, что проснувшиеся слуги в испуге выбежали из своих комнат. <...> Войдя в комнату, они увидели на стене великолепный портрет своего хозяина во всем блеске его дивной молодости и красоты. А на полу с ножом в груди лежал мертвый человек во фраке. Лицо у него было морщинистое, увядшее, отталкивающее. И только по кольцам на руках слуги узнали кто это»¹²².

¹²¹ Там же. С. 232.

¹²² Там же. С. 234-235.

Оскар Уайльд – автор и ряда произведений, в которых чувствуются христианские мотивы; ему знакома и подлинная красота, та, перед которой бессильна даже смерть; в целом ряде произведений он ее показывает. Но, чтобы увидеть ее, нужно очиститься, пройдя сквозь горнило страданий. И тогда

«Как счастлив тот, кто смыл свой грех
Дождем горячих слез,
Разбитым сердцем искупил
И муки перенес, –
Ведь только к раненым сердцам
Находит путь Христос.

<...>

Рука, поднявшая кинжал,
Теперь опять чиста,
Ведь только кровь отмоеет кровь,
И только груз креста
Заменит Каина клеймо
На снежный знак Христа»¹²³.

В сказке «Мальчик-звезда» писатель рассказывает историю злключения мальчика, через которые он должен был пройти, чтобы очистилась его душа. А когда этот катарсис произошел, то неожиданно для себя, идя на смерть, он ока-

¹²³ Уайльд О. Баллада Рэдингской тюрьмы // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 397.

зался призван, чтобы быть королем. И вот об этом периоде его жизни Уайльд говорит очень лаконично и емко, так, что словам его можно поверить: «И был он справедлив и милосерден ко всем. Он изгнал злого Волшебника, а Лесорубу и его жене послал богатые дары, а сыновей их сделал вельможами. И он не позволял никому обращаться жестоко с птицами и лесными зверями, и всех учил добру, любви и милосердию. И он кормил голодных и сырых и одевал нагих, и в стране его царили мир и благоденствие. Но правил он недолго. Слишком велики были его муки, слишком тяжкому подвергся он испытанию – и спустя три года он умер. А преемник его был тираном»¹²⁴. Здесь писатель подчеркивает то, что земной рай – это утопия, тот, кто его строит должен осознавать земную недолговечность результатов его деятельности, которая имеет при этом онтологическое вневременное значение и подлинную оценку которой может дать только Бог.

В написанной в 1888 году, возможно, самой красивой сказке «Счастливый Принц» Оскар Уайльд описывает статую Счастливого Принца и Ласточку, отдавших все, что у них было, даже саму жизнь ради того, чтобы помочь тем, кто рядом с ними. «Принц был покрыт сверху донизу листочками чистого золота. Вместо глаз у него бы-

¹²⁴ Уайльд О. Мальчик-звезда // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 378.

ли сапфиры, и крупный рубин сиял на рукояти его шпаги»¹²⁵. Но под этим великолепием статуя была из обычного материала, даже сердце ее было оловянным. И вот всю свою драгоценную внешность, даже свои глаза Счастливый Принц отдает погибающим от нужды, а Ласточка, чтобы помочь ему сделать это, не улетает на зиму в теплые края. «Ласточка, бедная, зябла и мерзла, но не хотела покинуть Принца, так как очень любила его. Она украдкой подбирала у булочной крошки и хлопала крыльями, чтобы согреться. Но, наконец, она поняла, что настало время умирать. Только и хватило у нее силы – в последний раз взобраться Принцу на плечо. И она поцеловала Счастливого Принца в уста и упала мертвая к его ногам. И в ту же минуту странный треск раздался у статуи внутри, словно что-то разорвалось. Это расколосось оловянное сердце. Воистину был жестокий мороз»¹²⁶. И Оскар Уайльд с удивительной художественной достоверностью показывает тот суд, который выносят Принцу и Ласточке люди, и какое определение о них Господа: «И они приблизились к статуе, чтобы осмотреть ее.

¹²⁵ Уайльд О. Счастливый принц // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 265.

¹²⁶ Уайльд О. Счастливый принц // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 272.

– Рубина уже нет в его шпаге, глаза его выпали, и позолота с него сошла, – продолжал Мэр.
– Он хуже любого нищего!

И расплавили статую в горне.

– Удивительно, – сказал Главный Литейщик.
– Это разбитое оловянное сердце не хочет расплавляться в печи. Мы должны выбросить его прочь.

И швырнули его в кучу сора, где лежала мертвая Ласточка.

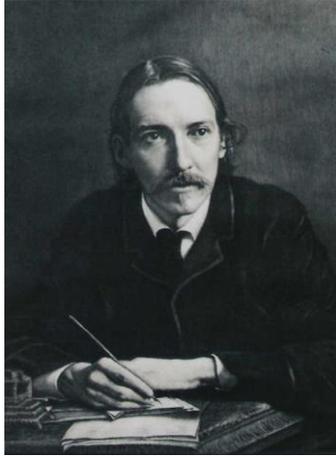
И повелел Господь Ангелу Своему:

– Принеси мне самое ценное, что ты найдешь в этом городе.

И принес ему Ангел оловянное сердце и мертвую птицу.

– Правильно ты выбрал, – сказал Господь. – Ибо в Моих райских садах эта малая пташка будет петь во веки веков, а в Моем сияющем чертоге Счастливый Принц будет воздавать Мне хвалу»¹²⁷.

¹²⁷ Уайльд О. Счастливый принц // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 273.



Темная сторона человека: доктор Джекил и мистер Хайд Роберта Стивенсона

Роберта Льюиса Стивенсона (1850-1894) называют английским, а иногда – шотландским писателем (как например, К.С. Льюиса считают английским или ирландским писателем; либо Н.В. Гоголя некоторые называют русским писателем, а иные – украинским). Несмотря на всю разноголосицу этих мнений имя Р.Л. Стивенсона (как и К.С. Льюиса) навсегда вписано в историю английской литературы, как имя Н.В. Гоголя навсегда вписано в историю русской литературы.

Творчество Р.Л. Стивенсона, автора «Острова сокровищ» и «Приключений принца Флоризеля» очень неоднородно. В 1885 году он познако-

мился с романом «Преступление и наказание» своего современника, русского писателя Ф.М. Достоевского. Проблема «дна» человеческой души, поднимаемая им, по всей видимости не оставила равнодушным Роберта Стивенсона. В другом известном романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» Дмитрий Карамазов говорит своему брату Алеше: «широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. <...> Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, — знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»¹²⁸.

Здесь невольно вспоминается то, что апостол Павел написал в послании к Римлянам: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу: уже не я делаю то, но живущий во мне грех». (Рим. 7; 19-20). Но может ли греховное начало материализоваться в человеке до такой степени, что станет как бы отдельным от его личности существом? И вот попыткой ответить на этот вопрос стала повесть Р.Л. Стивенсона

¹²⁸ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Роман в четырех частях с эпилогом. Ч. 1-2. М., 1991. С. 153.

«Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», опубликованная в начале 1886 года.

Хайд появляется в результате научных опытов доктора Джекила, который писал, что «В своей личности абсолютную и изначальную двойственность человека я обнаружил в сфере нравственности. Наблюдая в себе соперничество двух противоположных натур, я понял, что назвать каждую из них своей я могу только потому, что и та и другая равно составляют меня; еще задолго до того, как мои научные изыскания открыли передо мной возможность такого чуда, я с наслаждением, точно заветной мечте, предавался мыслям о полном разделении этих двух элементов»¹²⁹.

Доктор Джекил рассказывает: «я не только распознал в моем теле всего лишь эманацию и ореол неких сил, составляющих мой дух, но и сумел приготовить препарат, с помощью которого эти силы лишались верховной власти, и возникал второй облик, который точно так же принадлежал мне, хотя он был выражением и нес на себе печать одних низших элементов моей души»¹³⁰. Джекил описывает, как впервые стал Хайдом: «Все мои ощущения как-то переменились, стали новыми, а потому неопишимо сладостными. Я

¹²⁹ *Стивенсон Р.Л.* Странная история доктора Джекила и мистера Хайда. // Повести. М., 2010. С. 482.

¹³⁰ *Стивенсон Р.Л.* Указ. соч. С. 483-484.

был моложе, все мое тело пронизывала приятная и счастливая легкость, я ощущал бесшабашную беззаботность, в моем воображении мчался вихрь беспорядочных образов, узы долга распались и более не стесняли меня, душа обрела неведомую прежде свободу, но далекую от безмятежной невинности. С первым же дыханием этой новой жизни я понял, что стал более порочным – рабом таившегося во мне зла, и в ту минуту эта мысль подкрепила и опьянила меня, как вино»¹³¹.

Доктор Джекил делает очень ценный вывод о том, что появление Хайда – результат не действия «волшебного» зелья, но его свободного выбора: «В ту ночь я подошел к роковому распутию. Если бы к моему открытию меня привели более высокие побуждения, если бы я рискнул проделать этот опыт, находясь во власти благородных или благочестивых чувств, все могло бы сложиться иначе и из агонии смерти и возрождения я восстал бы ангелом, а не дьяволом. Само средство не обладало избирательной способностью, оно не было ни божественным, ни сатанинским, оно лишь отперло темницу моих склонностей»¹³².

Постепенно Хайд все больше преобладает над Джекилом, который с помощью средства имеет возможность изменять свой облик: «Хайд, несмотря на всю свою жизненную энергию, пред-

¹³¹ Стивенсон Р.Л. Указ. соч. С. 484-485.

¹³² Стивенсон Р.Л. Указ. соч. С. 487.

ставлялся ему не просто порождением ада, но чем-то не причастным органическому миру. Именно это и было самым ужасным: тина преисподней обладала голосом и кричала, аморфный прах двигался и грешил, то, что было мертвым и лишенным формы, присваивало функции жизни»¹³³. В итоге Джекил не может найти одного из компонентов препарата, меняющего его облик, и обречен навсегда превратиться в Хайда, которого уже разыскивают для казни за совершенные им преступления.

В этой повести Стивенсон очень художественно описал развитие греха в человеке, вплоть до того, что сама сущность человека становится настолько повреждена им, что непонятно где грех, а где сам человек. Но и еще один аспект необходимо выделить в данном произведении.

Хайд описывается как монстр: «в нем нет ничего человеческого! Он более походит на троглодита. А может быть, это случай необъяснимой антипатии? Или все дело в том, что чернота души проглядывает сквозь тленную оболочку и страшно ее преображает?»¹³⁴ По ощущениям одного из героев «в этот вечер по его жилам струился холод, повсюду ему чудилось лицо Хайда, он испытывал (большая для него редкость) гнетущее отвращение к жизни; его смятенному духу чудилась

¹³³ Стивенсон Р.Л. Указ. соч. С. 505-506.

¹³⁴ Стивенсон Р.Л. Указ. соч. С. 416.

зловещая угроза в отблесках огня, игравших на полированных шкафах, в тревожном трепете теней на потолке»¹³⁵.

Первое появление Хайда в повести, происходит, конечно, не так, чтобы внушить к нему симпатию. Увидевший его рассказывает: «вдруг я увидел целых две человеческие фигуры: в восточном направлении быстрой походкой шел какой-то невысокий мужчина, а по поперечной улице опроретью бежала девочка лет девяти. На углу они, как и можно было ожидать, столкнулись, и вот тут произошло нечто непередаваемо мерзкое: мужчина хладнокровно наступил на упавшую девочку и даже не обернулся на ее громкие стоны. Рассказ об этом может и не произвести большого впечатления, но видеть это было непереносимо. Передо мной был не человек, а какой-то адский Джаггернаут¹³⁶»¹³⁷.

Но как реагируют свидетели этого события? «Я сразу же проникся к этому молодчику ненавистью и омерзением. И родные девочки тоже, что, конечно, было естественно. Однако меня поразил врач. Это был самый обыкновенный лекарь, бесцветный, не молодой и не старый, говорил он с

¹³⁵ *Стивенсон Р.Л.* Указ. соч. С. 417.

¹³⁶ Термин, который используется для описания проявления слепой непреклонной силы, для указания на кого-то, кто неудержимо идёт напролом, не обращая внимания на любые препятствия.

¹³⁷ *Стивенсон Р.Л.* Указ. соч. С. 399.

сильнейшим эдинбургским акцентом, и чувствительности в нем было не больше, чем в волынке. Так вот, сэр. С ним случилось то же, что и со всеми нами, – стоило ему взглянуть на моего пленника, как он бледнел от желания убить его тут же на месте. <...> И все это время мы с трудом удерживали женщин, которые были готовы растерзать его точно фурии»¹³⁸. В итоге они не сдают его полиции, а вымогают с него достаточно крупную сумму денег; их не останавливает, что предъявленный им банковский чек подписан человеком одному из них известным; объясняется это так: «чем подозрительнее дело, тем меньше я задаю вопросов»¹³⁹.

И здесь стоит остановиться и задуматься: а каков «нормальный» европеец Нового Времени? Д. Свифт в «Путешествиях Гулливера» пишет, как в стране гуингмов Гулливер размышляет о том, что его «одежда и башмаки сильно изнасились, и недалеко было время, когда они совсем развалятся и ему придется заменить их каким-нибудь изделием из кожи йэху¹⁴⁰ или других животных»¹⁴¹. Недаром гуингм¹⁴², которому Гулливер рассказы-

¹³⁸ Стивенсон Р.Л. Указ. соч. С. 400.

¹³⁹ Стивенсон Р.Л. Указ. соч. С.402-403

¹⁴⁰ У Свифта — одичавшие люди.

¹⁴¹ Свифт Д. Путешествия Гулливера. Москва-Ленинград, 1932. С. 488.

¹⁴² У Свифта — лошадь, наделенная разумом, похожий на человеческий.

вает о состоянии Европы Нового Времени подмечает следующее: «узнав, что существа, притязающие на обладание разумом, способны совершать подобные ужасы, он опасается, что развращенный разум, пожалуй, хуже какой угодно звериной тупости. Поэтому он склонен думать, что мы одарены не разумом, а какой-то особенной способностью, содействующей росту пороков, подобно тому, как волнующийся поток, отражая уродливое тело, не только увеличивает его, но еще более обезображивает»¹⁴³.

Э.Т.А. Гофман пишет о реакции матери на смерть Цахеса Циннобера – уродца, прихотью феи вознесенного на вершину власти в княжестве: «Так нельзя ли мне, – сказала старуха, и у нее на глаза навернулись слезы, – нельзя ли мне по крайности взять моего бедного малыша в передник и отнести домой? У нашего пастора много хороших чучел – птичек и белочек; он набьет и моего крошку Цахеса, и я поставлю его на шкаф таким, как он есть, в красном камзоле, с широкой лентой и звездой на груди, на вечное поминовение!»¹⁴⁴.

В. Гауф пишет о том, что увидев обезьяну, которую принимали за человека, «проживающий по соседству ученый, у которого был настоящий

¹⁴³ Свифт Д. Указ. соч. С. 516.

¹⁴⁴ Гофман Э.Т.А. Крошка Цахес по прозвищу Циннобер // Романтические фантазии. Том I. М., 1993. С. 80.

музей предметов натуральной истории и целая коллекция чучел животных, подошел поближе, внимательно посмотрел на него и с удивлением воскликнул:

- Господи, Боже мой, милостивые государи и милостивые государыни, как вы допустили это животное в порядочное общество? Да ведь это же обезьяна Homo Trogloditus Linnaei. Уступите его мне, я тут же дам вам шесть талеров, сдери с него шкуру и набью его чучело для своей коллекции»¹⁴⁵. И в немецких концентрационных лагерях гитлеровской Германии таким же было и отношение администрации лагерей к заключенным, которых они не считали людьми.

«Приличные люди» Нового Времени, не видящие в себе Хайда, с верой в свое высокое предназначение шли к страшным катастрофам XX века, разрушая традицию, и под видом веры в высокое предназначение человека, строя башню дегуманизации...

¹⁴⁵ Гауф В. Молодой англичанин // Романтические фантазии. Том I. М., 1993. С. 291.



Льюис Кэрролл

Абсурдный кошмар бытия – всего лишь сон: анализируя творчество Льюиса Кэрролла

Чарлз Лютвидж Доджсон (1832-1898) – английский ученый и писатель, известный как Льюис Кэрролл. Этот псевдоним он сделал из двух своих имен, «подвергнув их двойной трансформации. Сначала он перевел эти имена – «Чарлз Лютвидж» – на латинский язык, что дало «Каролюс Людовикус». Затем он поменял их местами и перевел «Людовикус Каролюс» снова на английский язык. Получилось «Льюис Кэрролл». Так возник псевдоним, прославивший Доджсона»¹⁴⁶.

¹⁴⁶ Демурова Н. Льюис Кэрролл и его сказки про Алису // Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. Петрозаводск, 1979. С. 239

Отношение к творчеству этого известного английского писателя очень неоднозначно; причем через неоднозначность этих оценок проступает личность тех, кто их дает.

«Шан Лесли в статье “Льюис Кэрролл и Оксфордское движение” (“Lewis Carroll and the Oxford movement”) находит в “Алисе” зашифрованную историю религиозных споров, шедших в Оксфорде в 1840–70-е годы. При такой интерпретации Алиса, с ростом которой происходят чудесные изменения, символизирует верующего англичанина, колеблющегося между Высокой и Низкой церковью. Белый Кролик – скромный англиканский священник, а Герцогиня, наводящая на всех страх, в таком случае, – епископ.

XX век с его стремлением подвергнуть всё психоанализу внёс свою лепту в интерпретацию “Алисы в Стране чудес”. Нетрудно догадаться, что имели в виду последователи Фрейда, акцентируя внимание на таких моментах сказки, как падение Алисы в кроличью нору или ситуацию, когда она хватается за карандаш, который держит Белый Кролик, и начинает писать за него. <...>

Психоаналитик Филлис Гринакр, проанализировав в своей работе (“Swift and Carroll a Psychoanalytic Study of Two Lives”, 1955), произведение Кэрролла, высказала мнение, что писатель страдал от эдипова комплекса и отождествлял маленьких девочек с матерью. И сама Алиса, воз-

можно, является образом матери. Гринакр отмечает, что между Кэрроллом и Алисой разница в возрасте была примерно такой же, как между Кэрроллом и его матерью, и уверяет, что “такое обращение эдипова комплекса широко распространено”.

Тот факт, что Кэрролл обожал маленьких девочек (“Я люблю детей, только не мальчиков!”) и часто писал им нежные письма, фотографировал и рисовал своих очаровательных подруг, породил множество домыслов и обвинений. Но в многочисленных воспоминаниях, которые оставили о любимом Чарлзе-Додо подростки, нет и намёка на нарушение приличий. И нет никаких веских оснований усомниться в том, что дружба эта носила невинный характер»¹⁴⁷.

По мнению Жиля Делеза, «У Льюиса Кэрролла все начинается с ужасающей схватки. Схватки глубин: вещи разлетаются вдребезги или взрывают нас изнутри, коробки слишком малы для того, что в них содержится, зараженные или ядовитые продукты питания, удлиняющиеся норы, следящие за нами чудища. <..> Тела перемешиваются, все перемешивается в каком-то каннибализме, соединяющем в себе и пищу, и испражнения. Даже слова пожирают друг друга. Область

¹⁴⁷ Игры разума рождают Льюиса Кэрролла
<http://refdb.ru/look/2012026.html> (дата обращения
28.05.2016)

действия и телесной страсти: вещи и слова разлетаются во все стороны или, напротив, сплавляются в монолитные глыбы. На глубине все ужасно, полная бессмыслица»¹⁴⁸.

Так что же хотел сказать Чарлз Доджсон, профессор математики колледжа Христовой Церкви в Оксфорде, диакон англиканской церкви, своими получившими всемирную известность произведениями?

Очень хорошо об этом написал Г.К. Честертон: «Его нонсенс – часть особого дара англичан; но также и неумолимого парадокса англичан. Никто, кроме них, не смог бы создать такой бессмыслицы; однако никто, кроме них, создав такую бессмыслицу, не попытался бы отнестись к ней серьезно. <...> А я с замиранием сердца подумал: “Бедная, бедная Алиса! Мало того, что ее поймали и заставили учить уроки; ее еще заставляют поучать других. Алиса теперь не только школьница, но и классная наставница. Каникулы кончились, и Доджсон снова вернулся к преподаванию. Экзаменационных билетов видимо-невидимо, а в них вопросы такого рода: 1) Что такое “хрюкотать”, “пыряться”, “зелюки”, “кисельный колодец”, “блаженный суп”? 2) Назовите все ходы шахматной партии в “Зазеркалье” и отметь-

¹⁴⁸ Делёз Ж. Критика и клиника / Пер с франц. О.Е. Волчек и С.Л. Фокина. Послесл. и примеч. С.Л. Фокина. - СПб.: Machina, 2002. С. 36

те их на диаграмме; 3) охарактеризуйте практические меры по борьбе с меловыми щеками, предложенные Белым Рыцарем; 4) проанализируйте различия между Труляля и Траляля»¹⁴⁹.

И уместно процитировать и самого Чарльза Доджсона: «Когда ты прочтешь “Снарк”, – писал он одной девочке, – то, надеюсь, напишешь мне, как он тебе понравился и все ли было понятно. Некоторые дети в нем так и не разобрались. Ты, конечно, знаешь, кто такой Снарк? Если знаешь, то скажи мне, потому что я не имею о нем никакого представления. И напиши, какие картинки тебе больше всего понравились»¹⁵⁰.

Для характеристики личности писателя интересен следующий факт: «в 1867 году диакон Доджсон вместе с богословом преподобным Генри Лиддоном посетил Россию. Это был период богословских контактов англиканской и православной церквей, которыми особо интересовались Лиддон и влиятельный епископ Оксфордский Сэмюэл Уилберфорс, чьими рекомендательными письмами заручились оба клирика. Вместе с Лиддоном Кэрролл был принят в Москве и Сергиевом Посаде митрополитом Филаретом (визит был приурочен к 50-летию его пребывания на

¹⁴⁹ Честертон Г.К. Льюис Кэрролл
[http://krotov.info/library/11 k/er/rol_oo.html](http://krotov.info/library/11_k/er/rol_oo.html) (дата обращения 28.05.2016)

¹⁵⁰ Цит. По: Падни Д. Льюис Кэрролл и его мир. М., 1982.

московской кафедре) и архиепископом Леонидом (Краснопевковым). Это была единственная заграничная поездка Кэрролла. Её описал он сам в “Дневнике путешествия в Россию 1867 г.” (не предназначался для печати, издан посмертно), где приводятся туристические впечатления от посещённых городов, заметки о встречах с русскими и англичанами в России, записи отдельных русских фраз»¹⁵¹.

Автор абсурдных произведений – христианин, и это для него не вынужденный шаг из-за профессиональных соображений, как пытались доказать некоторые из биографов; со всей очевидностью это показывает роман Льюиса Кэрролла «Сильвия и Бруно», где абсурд событий, смешение образов обнажают лишь то, что зло, кошмар, потери, изменение смыслов – в какой-то мере неизбежны в падшем мире, но не они составляют его суть и основу, а Божья Любовь. В своем предисловии к этому роману Льюис Кэрролл пишет, что ему хотелось бы «рассказать о книгах, которые я хотел бы написать <...> в надежде, что если мне не удастся (ибо года мелькают слишком быстро...) закончить начатое, другие смогут продолжить мой труд.

¹⁵¹ Льюис Кэрролл – Биография
romni.pro.ru/методуpage3865/biography (дата обращения
28.05.2016)

Итак, прежде всего – Детская Библия. Это должны быть только подлинные события и тщательно подобранные выдержки для детского чтения и соответствующие иллюстрации. Главный принцип отбора, который я признаю, заключается в том, что религия должна предстать перед ребенком как откровение любви. Не стоит томить и мучить детский ум историями преступлений и наказаний. <...> Во-вторых, книга выбранных мест из Библии: не просто изречения, а целые отрывки по 10-20 стихов каждый, для заучивания наизусть. Такие выдержки показали себя весьма полезными; их можно повторять и про себя, и цитировать вслух, когда прочесть их по книге затруднительно или даже невозможно. <...> В-третьих, собрание цитат и отрывков, как в прозе, так и в стихах из других книг, помимо Библии. <...> Эти две книги – фрагменты священных и светских текстов для запоминания – помимо того, что позволяют с пользой провести свободное время, послужат и другой задаче: они помогают держаться подальше от всевозможных тревожных, беспокойных, жестоких или неблагочестивых мыслей»¹⁵².

Веру нельзя вбивать насильно, искусственное благочестие вызывает отвращение у тех, кому его прививают, утверждает Льюис. Это наглядно отражено в выдержках письма от подруги, кото-

¹⁵² Кэрролл Л. Сильвия и Бруно. М., 2011. С.10-12

рое в романе «Сильвия и Бруно» читает леди Мюриэл: «Первым чувством, которое охватывало меня в детстве, когда я только-только открывала глазки в воскресенье утром, было чувство досады и неприязни. Оно возникало в душе, начиная с пятницы. Я понимала, что во мне помимо моего желания звучат слова: “Господи Боже, скорей бы вечер!”. О, это был вовсе не день отдыха, а день зубрежки, день чтения катехизиса (Уоттсова), день рассуждений об уверовавших клятвопреступниках, благочестивых служанках и мирной кончине раскаявшихся грешников. <...> Но настоящей пыткой для меня были паузы между этими занятиями, поскольку в них полагалось для очищения от скверны греха читать поучения и проповеди, сухие, как Мертвое море. Единственным светлым пятном на всем протяжении этого “праздничного” дня было приказание идти спать, но дожидаться его было так трудно!»¹⁵³.

Это перекликается с тем, как Шарлота Бронте, которую можно назвать современницей Льюиса Кэролла, в «Джен Эйр» описывала знакомство Джен с мистером Брокльхерстом:

«– Ты молишься утром и вечером? – продолжал допрашивать меня мой учитель.

– Да, сэр.

– Читаешь ты Библию?

¹⁵³ Там же. С. 240-241

– Иногда.
– С радостью? Ты любишь Библию?
– Я люблю Откровение, и книгу пророка Даниила, книгу Бытия, и книгу пророка Самуила, и про Иова, и про Иону...

– А псалмы? Я надеюсь, их ты любишь?

– Нет, сэ.

– Нет? О, какой ужас! У меня есть маленький мальчик, он моложе тебя, но выучил наизусть шесть псалмов; и когда спросишь его, что он предпочитает – скушать пряник или выучить стих из псалма, он отвечает: “Ну конечно, стих из псалма! Ведь псалмы поют ангелы! А я хочу уже здесь, на земле, быть маленьким ангелом”. Тогда он получает два пряника за свое благочестие»¹⁵⁴.

Наверное поэтому, роман «Сильвия и Бруно», казалось бы, так мало похож на нравоучительную христианскую книгу, он тоже наполнен абсурдом, подобным тому, которым полна «Алиса», и который привел Жюль Делеза к процитированному выше выводу. Абсурд сопровождает действия не только отрицательных, но и положительных героев: Бруно использует мертвую мышь для того, чтобы мерить грядки: «каждая грядка у нас – три с половиной мышки длиной и две шириной»¹⁵⁵; если же «клумба оказывалась длиннее,

¹⁵⁴ Бронте Ш. Джен Эйр litmir.co/br/?b=4778&p=8 (дата обращения 28.05.2016)

¹⁵⁵ Там же. С. 132

чем ему хотелось, он принимался колотить мышку своим крошечным кулачком, крича:

– Ну вот! Все опять не так! Почему ты не держишь хвост прямо, как я тебе велел!»¹⁵⁶, а, устав, устраивает «издохлой мышкы некое подобие дивана»¹⁵⁷.

Но из абсурда есть выход, что демонстрируют Сильвия и Бруно в сказке о лисятах, которых несли в корзинке, и которые съели сначала все, что в ней лежало, а потом друг друга, вплоть до того, что последний из них съел самого себя. И здесь мы можем увидеть очень интересные мысли самого писателя о грехе и воздаянии, возможности исправить то, что непоправимо:

«– И тогда Бруно сказал: “послушай-ка, старший Лисенок! Неужели ты, противный плут, скушал самого себя, а?”. А старший Лисенок отвечал: “чавк-ур-р!” И Бруно открыл корзину и увидел в ней всего лишь один рот! И тогда он достал этот рот из корзинки и принялся отчаянно трясти его! И тряс-тряс-тряс и, наконец, вытряхнул из него Лисенка! И сказал ему: “а ну-ка, открой рот, хитрый плут!” И принялся трясти его, и тряс-тряс-тряс, и вытряхнул из него второго Лисенка! И сказал ему: “А ну-ка открывай рот, хитрец!” И начал трясти его, и тряс-тряс-тряс, и вытряхнул из него самого маленького Лисенка, и яблоки, и

¹⁵⁶ Там же. С. 134

¹⁵⁷ Там же. С. 137

хлеб! А Бруно загнал лисят в угол и сказал им: “Слушайте, обманщики! Вы поступили очень нехорошо и будете наказаны. Но сначала ступайте в детскую и умойте свои мордочки и почистите переднички. И ждите, пока колокольчик не позовет вас к ужину. И как только услышите его, прибегайте в столовую, но знайте, что вместо ужина вам будет хорошая порка! А потом отправляйтесь в постель! А когда утром колокольчик позовет вас к завтраку, знайте, что и завтрака вам тоже не будет, а будет хорошая порка! И это тоже послужит вам уроком! А потом отправляйтесь готовить уроки! И только если вы будете вести себя *на отлично*, вы получите на обе немного каши и ничего больше! (“Как он мягко обошелся с ними!” – прошептал я Бруно. “*Не особенно*”, – возразил малыш)»¹⁵⁸.

Однако после наказания, когда лисята исправляются, изменяется и отношение к ним: «...они пошли на зов тихо-тихо! И хором сказали: “Ах! Не будет нам никакого обеда! Опять нам устроят хорошую порку!” Но когда они вошли в столовую, они увидели на столе много-много всяких вкусностей! (“И сдобные булочки?” – воскликнул Бруно, хлопая в ладоши.) И сдобные булочки, и кекс, и... и... (“...и варенье?” – подсказал Бруно.) Само собой, и варенье, и суп, и... и... (“засахаренные сливы?” – вставил малыш, и Сильвия

¹⁵⁸ Там же. С. 388-389

с довольным видом кивнула.) И после этого Лисьята стали такими послушными, что просто диво! Они всегда делали все уроки и учили даже то, что Бруно не задавал им, и никогда больше не кушали друг друга – и самих себя тоже!»¹⁵⁹.

Любовь сильнее смерти – утверждает автор; она заставляет человека быть лучше, чем он есть, совершать то, что по всей логике века сего ему совершать не стоило бы, но он делает это, потому что должен. И в этой связи очень показательна история Артура и леди Мюриел, которую он долго безответно любил, прошел через ревность к ее кузену Эрику Линделу, чуть не ставшим мужем Мюриэл. И вот в день, когда его любимая, смысл его жизни, сказала ему «да», он получает известие, что как врача его зовут в район, в котором бушует эпидемия...

«– И что же, ты *должен* идти? – воскликнула она, вставая и кладя руку ему на плечо. Затем она заглянула ему в лицо своими огромными лучистыми глазами, в которых блеснули слезы. – Артур, неужели ты *должен* идти? Ведь это может означать смерть!

Он грустно поглядел ей в глаза.

– Это *наверняка означает смерть*, – почти шепотом отвечал он. – Но... видишь ли, дорогая... меня зовут. И даже если моя жизнь... – Тут голос его опять задрожал, и Артур умолк.

¹⁵⁹ Там же. С. 389-390

Леди Мюриэл буквально оцепенела. Она простояла молча несколько минут, запрокинув голову, словно вознося какую-то тайную молитву. В ней явно происходила некая мучительная борьба. Затем ее охватило какое-то болезненное вдохновение, и на лице ее заиграла слабая улыбка.

– Твоя жизнь? – повторила она. – Но она же теперь не только *твоя*!

Артур уже немного пришел в себя, и ему хватило сил ответить:

– Да, ты совершенно права. Она больше не *моя*. Она *твоя*, жена моя! Что же – ты запрещаешь мне пойти к ним? Ты не отпускаешь меня, любовь моя?

Леди Мюриэл обняла его и прижалась к его груди. Прежде она никогда не позволяла себе ничего подобного в моем присутствии. Но теперь я понимал, как она страдает и волнуется.

– Вручаю тебя, – медленно сказала она, – Богу.

– И Божьему милосердию, – повторила она.
– И когда же ты должен уйти, любимый?

– Завтра утром, – отозвался он. – И мне надо многое успеть»¹⁶⁰.

И дальше Льюис Кэрролл предоставляет слово газетной вырезке: *«Вслед за ними мы вынуждены назвать имя всеми уважаемого доктора Артура Форестера, который после смерти*

¹⁶⁰ Там же. С. 407-408

местного врача благородно вступил в борьбу с беспощадной смертью, не считая возможным бросить несчастных страдальцев на произвол судьбы. Точную дату его смерти установить не удалось, но его тело было тотчас опознано, хотя он и был одет в простой рыбацкий костюм (который он надел тотчас по приезде в деревню). Опознано оно было по экземпляру Нового Завета – подарку его жены, лежавшему у него на груди возле самого сердца. Руки покойного были сложены на груди. Было признано невозможным перевезти тело в какое-либо другое место: его было решено со всеми подобающими почестями предать земле вместе с четырьмя другими телами, найденными в других домах. Его супруга, урожденная Мюриэл Орм, обвенчалась с ним в то самое утро, когда доктор Форестер отправился к месту своей поистине жертвенной кончины»¹⁶¹.

Но затем писатель показывает, что любовь может преодолеть смерть не только за рамками этого мира, но и внутри него: Линдел спасет Форестера и привозит его к Мюриэл: «Эрик мнимо-ироничным тоном – я знал, что он не выносит сердечных излияний – принялся рассказывать нам, как он настоял на том, чтобы вернуться в пораженный чумой город и вывезти из него человека, которого доктор объявил безнадежным и умирающим, но которого еще можно было спа-

¹⁶¹ Там же. С. 412

сти, если срочно отправить его в госпиталь; как в нем ничего не напоминало прежнего Артура и как он узнал его только месяц спустя, когда опять побывал в госпитале; как доктор запретил ему рассказывать кому бы то ни было о своем открытии, заявив, что внезапное потрясение может оказаться губительным для усталого мозга больного; как он остался при госпитале и несколько месяцев изо дня в день ухаживал за страдальцем, как сиделка. И обо всем этом он говорил с напускным безразличием человека, привыкшего делать добро незнакомым людям.

«А ведь это же был его *соперник!* – подумал я. – Человек, отнявший у него сердце любимой женщины!»¹⁶²

То, что Эрик Линдел сделал, изменило его самого. Он говорит:

«– Кстати, я хотел вам сказать еще вот что. Я думаю, вы и сами поняли, что я ... я... ну, не слишком горячий приверженец христианских взглядов. По крайней мере, так было прежде. Но теперь все так странно изменилось. Знаете, она молилась! И я тоже. И... – Его голос опять дрогнул, и я смог разобрать только последние слова: *«Бог слышит всякую молитву».*

– Теперь я убедился, что это правда. – С этими словами он опять пожал мне руку и, быст-

¹⁶² Там же. С. 482-483

ро отвернувшись, ушел. Мне никогда не доводилось видеть его таким взволнованным»¹⁶³.

Абсурдный кошмар бытия – всего лишь сон, утверждает Льюис Кэрролл финалом сказок об Алисе. В первой из них «она вскрикнула полуиспуганно, полугневно, принялась от них отбиваться... и обнаружила, что лежит на берегу, головой у сестры на коленях, а та тихо смахивает у нее с лица сухие листья, упавшие с дерева»¹⁶⁴. А во второй сказке, в конце, Алиса «схватила Черную Королеву и стала трясти ее изо всех сил. Черная Королева и не думала сопротивляться, только лицо ее сморщилось и стало совсем маленьким, а глаза округлились и позеленели. Алиса все трясла и трясла ее, а Королева у нее в руках становилась все меньше... и мягче... и толще... и пушистее... и в самом деле оказалось, что это просто котенок!

– Ваше Чернейшее Величество зря так громко мурлычет, – сказала Алиса котенку почтительно, но и строго и протерла глаза. – Ты меня разбудила, Китти»¹⁶⁵.

А о цели этого пробуждения писатель недвусмысленно говорит в финале третьего своего

¹⁶³ Там же. С. 484

¹⁶⁴ Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. // Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. Петрозаводск, 1979. С. ш

¹⁶⁵ Кэрролл Л. Алиса в Зазеркалье. // Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. Петрозаводск, 1979. С. 230-231

произведения для детей – романе «Сильвия и Бруно», который он считал главной из написанных им книг:

«– Божье небо, – послушно повторил малыш. Они стояли рядом, взявшись за руки и глядя в лицо ночи. – Сильвия, скажи, пожалуйста, какая сила делает это небо таким *ласково-синим*?

Губки Сильвии шевельнулись, словно отвечая что-то, но звук ее голоса донесся откуда-то издалека... Видение почти исчезло, но мне показалось, что в самый последний миг уже не Сильвия, а ангел поглядел на него ее карими глазками, и голос ангела, а не Сильвии, прошептал: «ЛЮБОВЬ»¹⁶⁶.

¹⁶⁶ Кэрролл Л. Сильвия и Бруно. М., 2011. С. 487



Герберт Джордж Уэллс

Научно-фантастический ад. Некоторые аспекты творчества Герберта Уэллса

Герберт Уэллс (1866-1946) – самый знаменитый из английских писателей-фантастов. Его книги – отражение того, как вера во всемогущество человеческого разума и благотворность плодов научно-технического прогресса, в связь нравственности и интеллекта, присущие XIX веку, исчезает в реалиях жестокого XX века, ставшего самым кровавым в истории человечества.

Будущие судьбы рода людского видятся писателю мрачными. В «Машине времени» он описывает будущее человечества, выродившегося в элоев и пожирающих их, и в то же время обеспечивающих их жизнь, как обеспечивают домашний

скот морлоках: «Мне стало горько при мысли, как кратковременно было торжество человеческого разума, который сам совершил самоубийство. Люди упорно стремились к благосостоянию и довольству, к тому общественному строю, лозунгом которого была обеспеченность и неизменность; и они достигли цели, к которой стремились, только чтобы придти к такому концу»¹⁶⁷.

В эпилоге этого произведения, завершеного в 1895 году, автор описывает отношение того, от лица кого ведется повествование, и путешественника во времени – к тем достижениям человеческого разума, которыми так гордился XIX век: «Я лично не могу поверить, чтобы наш век только начавшихся исследований, бессвязных теорий и всеобщего разногласия по основным вопросам науки и жизни был кульминационным пунктом развития человечества! Так по крайней мере думаю я. Что касается до него, то он держался иного мнения. Мы не раз спорили с ним об этом задолго до того, как была сделана Машина Времени, и он всегда мрачно относился к Прогрессу Человечества. Развивающаяся цивилизация представлялась ему в виде беспорядочного нагромождения материала, который в конце концов должен обрушиться и задавить строителей»¹⁶⁸.

¹⁶⁷ Уэллс Г. Машина времени // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964. С. 129.

¹⁶⁸ Уэллс Г. Машина времени // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964. С. 142.

Уэллс описывает могущество знания, которое становится доступным благодаря развитию науки, но как честный художник, он не скрывает и горькие плоды действий ученых, посчитавших, что им все дозволено.

В «Острове доктора Моро» писатель показывает ученого, который посвятил десятилетия тому, чтобы путем операций делать из животных людей. И вот как сам доктор Моро оценивает итоги своего труда: «Человеческий облик я придаю животному почти без труда, я умею надеть его гибкостью и грациозностью или огромными размерами и силой, но все же и теперь у меня часто бывают затруднения с руками и когтями: они такие тонкие и чувствительные, что я не решаюсь свободно изменять их форму. Но главная трудность заключается в изменении формы мозга. Умственное развитие этих созданий бывает иногда непостижимо низким, со странными провалами. И совсем не дается мне нечто, что я не могу найти, нечто лежащее в самой основе эмоций. Все стремления, инстинкты, желания, вредные для человечества, вдруг прорываются и захлестывают мое создание злобой, ненавистью или страхом. Вам эти твари кажутся отталкивающими с первого взгляда, мне же после того, как я их окончу, они представляются бесспорно человеческими существами. И только после того, как я понаблюдаю за ними, уверенность эта исчезает. Обнару-

живается сначала одна звериная черта, потом другая... Но я еще надеюсь победить. Всякий раз, когда я погружаю это существо в купель жгучего страдания, я говорю себе: на этот раз я выжгу из него все звериное, я сделаю разумное существо <...> А все же они возвращаются к своему первоначальному состоянию. Как только я оставляю их, зверь начинает выползать, проявляться...»¹⁶⁹.

Но разве сами ученые всегда ведут себя нравственнее, чем эти несчастные звери, изуродованные опытами доктора Моро, при всем его интеллекте, проявляющим к тем, кто для него лишь объекты для эксперимента, большую жестокость, чем имеют они, которых Моро в ней обвиняет?

Талантливый физик Гриффин, став человеком-невидимкой, хочет использовать свое изобретение для того, чтобы «не бессмысленно убивать, а разумно отнимать жизнь». «Дело обстоит следующим образом: они знают, что существует Невидимка не хуже нас с вами. И этот Невидимка, Кемп, должен установить царство террора. Вы изумлены, конечно. Но я говорю, не шутя: царство террора. Невидимка должен захватить какой-нибудь городок, хотя бы этот ваш Бэрдок, терроризировать население и подчинить своей воле всех и каждого. Он издает свои приказы.

¹⁶⁹ Уэллс Г. Остров доктора Моро // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964. С. 212.

Осуществить это можно тысячью способов, скажем, подсовывать под двери листки бумаги. И кто дерзнет его ослушаться, будет убит, также как и его заступники»¹⁷⁰.

Фантазии Уэллса о внеземных цивилизациях порой оборачиваются пророческим предвидением империалистической мировой войны; страшные прозрения писателя были воплощены людьми без всяких марсиан.

В «Войне миров» (1898) Уэллс описывает ужасы марсианского нашествия, но разве они являются большими, нежели те, которые менее чем через двадцать лет после написания романа принесла Первая мировая война? «Даже треск пожара показался мне приятным. Еще дальше, около Бромптона, на улицах опять мертвая тишина. Здесь я вновь увидел черную пыль на улицах и мертвые тела. Всего на протяжении Фулхем-роуд я насчитал около двенадцати трупов. Они были полусасыпаны черной пылью, лежали, очевидно, много дней; я торопливо обходил их. Некоторые были обглоданы собаками. Там, где не было черной пыли, город имел совершенно такой же вид, как в обычное воскресенье: магазины закрыты, дома заперты, шторы спущены, тихо и пустынно»¹⁷¹. А разве ощущения пережившего марсиан-

¹⁷⁰ Уэллс Г. Человек — невидимка // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964. С. 378-379.

¹⁷¹ Уэллс Г. Война миров // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 2. М., 1964. С. 142.

ское нашествие не схожи с ощущениями человека, пережившего большую войну? «Ночью мне снится черная пыль, покрывающая безмолвные улицы, и исковерканные трупы в черном саване; они поднимаются, страшные, обглоданные собаками. Они что-то бормочут, беснуются, тускнеют, расплываются – искаженные подобия людей, и я просыпаюсь в холодном поту во мраке ночи. Если я еду в Лондон и вижу оживленную толпу на Флит-стрит и Стрэнде, мне приходит в голову, что это лишь призраки минувшего,двигающиеся по улицам, которые я видел такими безлюдными и тихими; что это лишь тени мертвого города, мнимая жизнь в гальванизированном трупе»¹⁷².

Таким был мир мрачных фантазий Уэллса. А каким он видел реальный мир, который строился в соответствии с тем, что ему казалось закономерным? В своей книге «Россия во мгле», задуманной в целом, как апология Советской России, Герберт Уэллс так характеризовал то, что увидел в ней в 1920 году: «Основное наше впечатление от положения в России – это картина колоссального непоправимого краха. Громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с ее административной, социальной, финансовой и экономической системами, рухнула и разбилась вдребезги под тяжким бременем шести лет непрерывных войн.

¹⁷² Уэллс Г. *Война миров* // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 2. М., 1964. С. 157.

История не знала еще такой грандиозной катастрофы. На наш взгляд, этот крах затмевает даже саму Революцию»¹⁷³.

Уэллс понимал, что все эти страдания и катастрофы оставляют абсолютно равнодушными большинство из тех, кого не касаются непосредственно. «Игрок в крокет» заканчивается следующим показательным диалогом:

«– Но что значит крокет, – крикнул Нобрет нетерпеливо, – когда мир рушится у вас на глазах?

Он сделал такое движение, словно собирался преградить мне путь. Ему хотелось продолжить свои апокалиптические пророчества. Но я был сыт ими по горло.

Я посмотрел ему в глаза твердым, спокойным взглядом и сказал:

– А мне наплевать! Пусть мир провалится. Пусть возвращается каменный век. Пусть это будет, как вы говорите, закатом цивилизации. Очень жаль, но сегодня утром я ничем не могу помочь. У меня другие дела. Что бы там ни было, но в половине первого я, хоть тресни, должен играть с тетушкой в крокет!»¹⁷⁴

Однако этот мир жути не мог удовлетворить душу писателя, которая искала что-то светлое.

¹⁷³ Уэллс Г. Россия во мгле // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 15. М., 1964. С. 316.

¹⁷⁴ Уэллс Г. Игрок в крокет // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 12. М., 1964. С. 526.

В рассказе «Дверь в стене» (1911) он так описывал чудесный край, открывшийся его герою в детстве, в который тот попал случайно, зайдя в волшебную дверь: «В самом воздухе было что-то пьянящее, что давало ощущение легкости, довольства и счастья. Все кругом блистало чистыми, чудесными, нежно светящимися красками. Очутившись в саду, испытываешь острую радость, которая бывает у человека только в редкие минуты, когда он молод, весел и счастлив в этом мире. Там все было прекрасно...»¹⁷⁵. Но пребывание в чудном мире не было долгим: «Я был маленьким жалким созданием! И снова вернулся в этот жестокий мир!»¹⁷⁶. На протяжении жизни герой мечтает о возвращении в сказочную страну. И на протяжении жизни чудесная дверь, ведущая в нее, вновь появляется перед ним несколько раз. Но каждый раз у него находят более важные дела, которые не дают пойти за мечтой. Первый раз это было в школьные годы: «в голове вертелась лишь одна мысль: вовремя поспеть в школу, – ведь я оберегал свою репутацию примерного ученика. У меня, вероятно, тогда явилось желание хотя бы приоткрыть эту дверь. Иначе и не могло быть... Но я так боялся опоздать в школу, что быстро одолел это искушение»¹⁷⁷. В следую-

¹⁷⁵ Уэллс Г. Дверь в стене // Собр. соч. в 15 томах. Т. 6. М., 1964. С. 358.

¹⁷⁶ Уэллс Г. Указ. соч. С. 362.

¹⁷⁷ Уэллс Г. Указ. соч. С. 364.

ший раз дверь появляется перед ним накануне поступления в университет. После некоторых колебаний герой проезжает мимо нее на экипаже: «Если бы я остановил извозчика, – размышлял я, – то не сдал бы экзамена, не был бы принят в Оксфорд и наверняка испортил бы предстоящую мне карьеру». Я стал лучше разбираться в жизни. Этот случай заставил меня глубоко призадуматься, но все же я не сомневался, что будущая моя карьера стоила такой жертвы»¹⁷⁸. Годы шли, карьера становилась все важнее для героя. Еще раз дверь является ему, когда он шел на свидание, к той, к которой его влекла не любовь, а амбиции: «В глубине души я был уверен, что она распадется для меня, но тут я подумал, что ведь это может меня задержать, я опоздаю на свидание, а ведь дело идет о моем самолюбии»¹⁷⁹.

Еще трижды герой проходит мимо двери на взлете своей политической карьеры, все более сожалея об этом: «За последние два месяца я почти не работаю, буквально через силу выполняю самые неотложные свои обязанности. Я не нахожу себе места. Меня томит глубокая, безысходная печаль. По ночам, когда меньше риска с кем-нибудь встретиться, я отправляюсь бродить по городу. Да, любопытно, что подумают люди, если вдруг узнают, что будущий министр бредет в

¹⁷⁸ Уэллс Г. Указ. соч. С. 368.

¹⁷⁹ Уэллс Г. Указ. соч. С. 369.

темноте один-одинешенек, чуть ли не вслух оплакивая какую-то дверь, какой-то сад...»¹⁸⁰.

Внешняя судьба героя, когда он решился, наконец, войти в волшебную дверь, выглядела весьма непривлекательной: «Его тело нашли рано утром в глубокой яме, близ Восточно-Кенсингтонского вокзала. Это была одна из двух траншей, вырытых в связи с расширением железнодорожной линии на юг. Для безопасности проходящих по шоссе людей траншеи были обнесены сколоченным наспех забором, где был прорезан небольшой дверной проем, куда проходили рабочие. По недосмотру одного из десятников дверь оказалась незапертой, и вот в нее-то и прошел Уоллес»¹⁸¹. Но интересен вывод, который делает сам Уэллс: «Все вокруг кажется нам таким простым и обыкновенным, мы видим только ограду и за ней траншею. В свете наших обыденных представлений нам, заурядным людям, кажется, что Уоллес безрассудно пошел в таивший опасности мрак, навстречу своей гибели. Но кто знает, что ему открылось?»¹⁸².

И в написанном четверть века спустя, в 1935 году, сценарии «Облик грядущего» Уэллс в итоговом диалоге героев остро ставит вопрос о смысле человеческого бытия в безбожном мире, о

¹⁸⁰ Уэллс Г. Указ. соч. С. 372.

¹⁸¹ Уэллс Г. Указ. соч. С. 372-373.

¹⁸² Уэллс Г. Указ. соч. С. 373.

том, что чего бы человек не достиг – этого будет мало его душе, пока человек остается человеком:

«Кэбел. Каждый человек находит покой. Его слишком много, и наступает он слишком рано, и мы называем его смертью. Но для ЧЕЛОВЕКА нет отдыха и нет конца. Он должен идти вперед – от победы к победе. Познать нашу маленькую планету, и ее пути, и ветры, и все законы духа и материи, которые стесняют его. Потом полет на планеты, окружающие его и наконец, в бесконечное мировое пространство, к звездам. И когда он наконец покорит все пучины пространства и все тайны времени, он все еще будет у начала»¹⁸³.

Мысли о религии посещают Уэллса. В романе «Бэлпингтон Блэпский» (1932) он описывает мысли измученного жизнью героя в Вестминстерском соборе: «Он размышлял о своем положении. Война, любовь, искусство – Бэлпингтон Блэпский изведal все, но что он ни пробовал, что он ни делал, душа его не обрела покоя. Жестокость мужчин, черствость женщин, зло неодухотворенной жизни разрушили его благородные надежды и высокие стремления. Но здесь, несомненно, было нечто более глубокое и долговечное»¹⁸⁴.

¹⁸³ Уэллс Г. Облик грядущего // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 13. М., 1964. С. 513-514.

¹⁸⁴ Уэллс Г. Бэлпингтон Блэпский // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 13. М., 1964. С. 31.

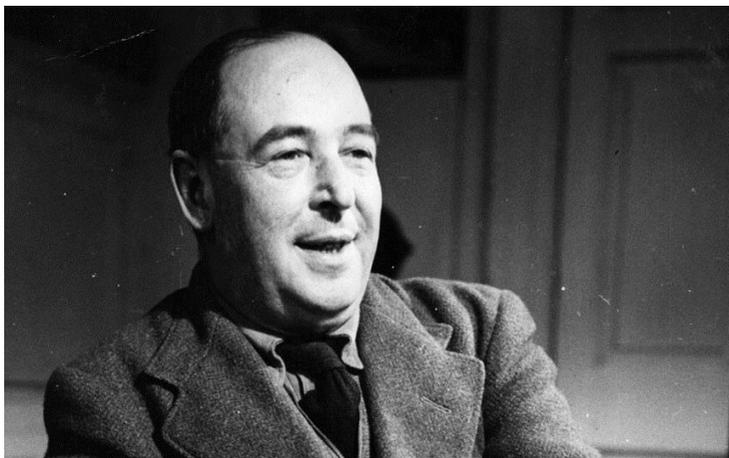
И.Б. Кригер в диссертации «Философия Герберта Уэллса», защищенной в 2005 году на соискание ученой степени кандидата философских наук, приводит некоторые мысли писателя, которые не были известны в России массовому читателю и вместе с тем необходимы для понимания его мировоззрения: «Уэллс говорил о том, что не может доказать существование свободы воли, но может верить в истинность этого утверждения: “Для того, чтобы урегулировать и определить свою жизнь, которая иначе остается бесцельной и неудовлетворительной, я утверждаю, что непостижимая до конца Вселенная вокруг меня представляет собой систему, а не хаос и что я, моя воля и принимаемые мной решения, и тому подобные вещи важны для этой системы”»¹⁸⁵. Интересен и еще один момент, на котором заострил внимание И.Б. Кригер: «Уэллс работал над учреждением “всемирного мозгового центра” для обслуживания “мировой энциклопедии”. Он говорил о том, что человечество должно “иметь доступ в мировом масштабе ко всему объему знаний и идей, которыми оно когда-либо располагало <...> Постоянно обновляемая, модернизируемая всеобщая энциклопедия становится основой системы образования в мировой общине”. Уэллс, разумеется, не мог

¹⁸⁵ Кригер И.Б. Философия Герберта Уэллса. Автореферат дисс. ... канд. философ. наук. М., 2005 <http://cheloveknauka.com/filosofiya-gerberta-uellsa#ixzz3JFm6hHEh>

знать о том, что спустя несколько десятилетий планету опутает Всемирная паутина. Интернет станет аналогом “мировой энциклопедии” Уэллса»¹⁸⁶.

Писатель всматривался в глобальный мир сформировавшегося империализма нового типа, в котором он жил, и мир этот не вселял радужных надежд. В каких-то из своих прозрений Герберт Уэллс достаточно близко подходил к христианскому взгляду на мир, но при этом его не принял. И прекрасно описанному научно-фантастическому аду смог противопоставить только смутную надежду на прекрасный мир «за дверью в стене». А вот вера в свободу воли человека и его возможность силой своих поступков менять мир вокруг нашла в его произведениях гораздо меньшее отражение.

¹⁸⁶ Там же.



Клайв Стейплз Льюис

Клайв Стейплз Льюис о Боге, о вере и о человеке

Клайв Стейплз Льюис – один из наиболее выдающихся христианских мыслителей и писателей XX века. В молодости он все сильнее терял всякую веру. После духовных поисков на 33-ем году жизни стал убежденным христианином. Характерно, что его считают едва ли не единственным христианским писателем, который не является православным, но чьи труды при этом неизменно положительно оцениваются православными богословами. Человек энциклопедических знаний и пытливого ума, уверовав, он приложил много сил для изучения истории религий, в том числе первоисточников, прежде чем его христи-

анские убеждения стали осмысленными и непоколебимыми.

Сам он писал об этом так: «Я начал понемногу разбираться в сложном многообразии религий. Мне уже не требовалось просто обнаружить единственно верную религию среди тысяч заведомо ложных – мне нужно было понять, в какой точке религия достигает зрелости, каким образом осуществились чаяния язычников»¹⁸⁷.

К.С. Льюис не считал личный религиозный опыт решающим в вопросах определения истинности той или иной религии. Вспоминая беседу с одним военным, который говорил о том, что пережил однажды в пустыне ощущение присутствия Бога, после чего все религиозные рассуждения кажутся ему безжизненной схоластикой, Льюис так писал об этом: «В каком-то смысле я согласен с этим человеком. Вполне возможно, что он и впрямь пережил встречу с Богом в той пустыне. И когда от личного опыта он обратился к христианской доктрине, то, видимо, почувствовал, что переходит от чего-то реального к отвлеченному и не очень значимому. Наверное, что-то подобное испытывал бы человек, который видел Атлантический океан с берега, а теперь рассматривает его на карте. Сравнимы ли океанские волны с куском раскрашенной бумаги? Карта ... со-

¹⁸⁷ Льюис К. С. Настигнут радостью // Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 2000. С. 433.

ставлена на основании открытий, сделанных сотнями и тысячами людей, плававших по настоящему Атлантическому океану, то есть, как бы впитала в себя богатый опыт, не менее реальный, чем тот, который пережил человек, стоявший на берегу. За одним исключением. Человек этот видел океан лишь в каком-то одном, доступном ему ракурсе. Карта же сконцентрировала в себя все опыты вместе взятые. Теология подобна карте. Доктрины – это не Бог. Они вроде карты. Но карта эта составлена на основании того, что пережили сотни людей, которые вошли в реальное соприкосновение с Богом. В сравнении с этим любые чувства, которые, возможно, посетили вас или меня, очень примитивны и расплывчаты. Иными словами, теология – это практическая наука, особенно в наши дни»¹⁸⁸.

Религиозный поиск писателя был долгим и непростым. Но сделанный выбор был уже однозначен: «Если вы христианин, вы не обязаны верить, что все остальные религии неверны от начала до конца. Если вы атеист, вам приходится верить, что в основе всех религий – одна гигантская ошибка. Если вы христианин, вы вольны думать, что все религии, в том числе самые странные, содержат хотя бы крупинку истины. Когда я был атеистом, я пытался убедить себя, что чело-

¹⁸⁸ Льюис К. С. Просто христианство // Собр. соч. в 8 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 139-141.

вечество в большинстве своем всегда заблуждалось в самом важном; став христианином, я обрел способность взглянуть на вещи с более либеральной точки зрения. Но, безусловно, христианин не сомневается, что всюду, где христианство расходится во взглядах с другими религиями, право оно, другие религии ошибаются. Как в арифметике, возможен лишь один правильный ответ на задачу, все остальные неверны; но некоторые из неверных ответов ближе к верному, чем другие»¹⁸⁹.

В эпоху все более завоевывающего сознание масс материалистического мировоззрения К.С. Льюис пишет: «В самых общих чертах существуют две точки зрения. Первую называют материалистической. Люди, которые разделяют ее, считают, что материя и пространство просто есть и были всегда, неизвестно почему; что материя, которая ведет себя определенным, раз и навсегда установленным образом, случайно ухитрилась произвести такие создания, как мы с вами, то есть способные думать. По какому-то счастливому случаю, вероятность которого ничтожно мала, что-то ударило по нашему солнцу, и от него отделились планеты, а по другой такой же случайности, вероятность которой не выше, на одной из планет возникли химические элементы, необходи-

¹⁸⁹ Льюис К. С. Просто христианство // Собр. соч. в 8 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 47-48.

мые для жизни, и необходимая температура, так что часть материи ожила, а потом, пройдя через длинную серию случайностей, живые существа развились в такие высокоорганизованные как мы с вами.

Вторая точка зрения – религиозная. Согласно ей, источник видимой Вселенной, скорее всего, в каком-то Разуме. Этот Разум обладает сознанием, у него свои цели, он отдает предпочтение одним вещам перед другими. С религиозной точки зрения, именно он создал мироздание, частично – ради каких-то целей, о которых мы не знаем, а частично – и для того, чтобы произвести существа подобные себе самому, то есть наделенные разумом. Пожалуйста, не подумайте, что одна из точек зрения бытовала давным-давно, а другая постепенно ее вытесняла. Всюду, где когда-либо жили мыслящие люди, существовали обе. И заметьте еще одно. Вы не можете установить, какая из двух теорий правильна с научной точки зрения. Если за всей обозреваемой нами действительностью “нечто” существует, то оно либо останется неизвестным, либо даст знать о себе каким-то особым путем. Решать же существует оно или нет, в компетенцию науки не входит. Настоящие ученые этим не занимаются. Чаще все это говорят журналисты и авторы попу-

лярных романов, нахватавшиеся непроверенных данных из учебника»¹⁹⁰.

К. С. Льюис много думал о сходстве и различии христианского вероучения с языческими религиями, в которых содержится учение об умирающем и воскресающем боге. Он писал о природных религиях, которые видели образ такого бога в смене времен года, в умирающем и воскресающем зерне. Его мучил вопрос: «Быть может, таков и Христос?». И вот как на него ответил Льюис: «В определенном смысле Христос именно таков (с той разницей, что Адонис и Озирис жили неизвестно где и когда, а Он был казнен историческим лицом в сравнительно установленном году). Но если христианство произошло из тех религий, почему же зерно, упавшее в землю – всего лишь одна из наших притч? Религии этого рода весьма популярны, почему же наши первые учителя скрыли, что учат именно этому? Поневоле, кажется, что они и сами не знали, как близки к таким религиям. Почему единственная выжившая и поднявшаяся на неслыханные духовные высоты религия “умирающего бога” выпала на долю единственного народа, которому чужды были эти представления? Евангелия являют нам Человека, который “исполняя роль” умирающего бога, чрезвычайно далек от связанных с нею

¹⁹⁰ Льюис К. С. Просто христианство // Собр. соч. в 8 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 36-37.

идей. По-видимому, на свете и впрямь случается то, чему учат природные религии, но случилось это там, где и не думали о них»¹⁹¹.

Льюис писал, что для выхода из этого мнимого противоречия необходимо понимать, что христиане не учат, что во Христе воплотился не некий «бог вообще», а воплотился Единный Истинный Бог. «Он – не природный бог, а Бог природы: Он изобрел ее, придумал, сделал. Он владеет ею и бдит над ней. Теперь станет понятней, почему Христос и похож на умирающего бога, и не говорит о нем. Они похожи, потому что умирающие боги природных религий – Его изображение. Сходство их не поверхностно и не случайно: те боги родились через наше воображение от явлений природы, а явления природы испещряют природу, потому что они – Божьи. А понятия природной религии отсутствуют в учении Христовом и подводящем к нему иудаизме именно потому, что в них являет себя подлинник. Там, где есть Бог, нет Его тени; там, где Его нет, она есть»¹⁹².

К. С. Льюис писал свои произведения в то время, когда популярный дарвинизм был в сознании масс незыблемой догмой. Полемике с ним мыслитель посвятил свое небольшое, но за-

¹⁹¹ Льюис К. С. Чудо // Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 2000. С. 225-226

¹⁹² Там же. С. 228.

мечательное произведение «Похороны Великого Мифа». Он пишет: «Главная идея Мифа – то, что верящие в него называют «эволюцией» или «теорией развития», «Теорией происхождения», так же как главная идея мифа об Адонисе – это Смерть и Возрождение. Я не хочу сказать, что эволюционная доктрина, с которой имеют дело биологи-практики – тоже миф. Это – гипотеза; может быть, менее удовлетворительная, чем надеялись ученые пятьдесят лет назад; но это еще не причина называть ее мифом. Это настоящая научная гипотеза. Но мы должны четко различать теорию эволюции как биологическую теорему и популярный эволюционизм, каковой и является Мифом»¹⁹³.

И далее: «Популярный эволюционизм, или Учение о Развитии, отличается *по сути* от Теории Эволюции настоящих биологов. Для биолога Эволюция – это гипотеза. Она объясняет больше фактов, чем любая другая из тех, что сейчас имеется в наличии, и, таким образом, будет приниматься, если (или пока) не появится другая гипотеза, объясняющая больше фактов с меньшей степенью допущения. Правда, профессор М.Д. Уотсон не заходит так далеко. По его словам, Эволюция “принята зоологами не потому, что кто-то наблюдал, как она происходит, или что ее

¹⁹³ Льюис К.С. Похороны Великого Мифа / Собр. соч. в 8 томах. Том 8. М., 2000. С. 425.

истинность может быть доказана логически, но потому, что ее единственная альтернатива – Творение, явно неправдоподобна” (цит. по: “Девятнадцатый век”, “Наука и Би-Би-Си”, апрель 1943). Это должно означать, что единственное основание для веры в нее имеет природу не эмпирическую, а метафизическую. Это – догма метафизика-любителя, полагающего Творение неправдоподобным»¹⁹⁴.

Ненаучный характер популярного дарвинизма Льюис доказывает тем, что предмет веры последователей этого учения расходится с тем, что могут дать реальные наблюдения за миром: «В науке Эволюция – теория *изменений*, в Мифе – факт *улучшения*. Такой крупный ученый, как профессор Дж.Б. Холдейн, горячо доказывает, что в популярной Эволюции совершенно неоправданно подчеркиваются изменения, делающие живые существа (по человеческим стандартам) “лучше” или интересней. Он добавляет: “Таким образом, мы настроены воспринимать прогресс как эволюционное правило. На самом же деле это – исключение, и на каждый его случай приходится десять случаев дегенерации (“Дарвинизм сегодня”, *Возможные миры*, с. 28). Но Миф попросту отбрасывает эти десять случаев дегенерации. В расхожем сознании при слове “Эволюция” возни-

¹⁹⁴ Льюис К.С. Похороны Великого Мифа / Собр. соч. в 8 томах. Том 8. М., 2000. С. 427-428.

кает картинка движения “вперед и вверх”, и ни в каком ином направлении»¹⁹⁵.

Льюис показывает, что, если мы принимаем положения популярного дарвинизма, то ни о какой доказательной системе речи уже в принципе идти не может: «Чтобы усвоить положения реальной науки, которые потом поглощаются Мифом, – мы должны воспринимать разум как абсолют. Но при этом Миф требует, чтобы я поверил, будто разум – это попросту непредвиденный и непреднамеренный побочный продукт бессмысленного процесса на одной из стадий бесконечного и бесцельного становления. Таким образом, самая суть Мифа выбивает у меня из-под ног единственное основание для веры в то, что этот Миф – истина. Если мой разум – продукт иррационального; если то, что кажется мне ясным логическим мышлением, всего-навсего комплекс ощущений, свойственный подобным мне существам, то как же могу я доверять своему разуму, когда он говорит мне об Эволюции? Ведь в результате говорят следующее: “Я докажу, что то, что мы называем доказательством, есть всего лишь следствие ментальных привычек, а они – плод наследственности, а она – следствие биохимии, а уж она – следствие физики”. Но это все равно, что сказать: “Я докажу, что доказательства иррациональны”; или еще короче: “Я докажу, что

¹⁹⁵ Там же. С. 428.

доказательств нет”. Некоторые ученые не замечают здесь противоречия, и научить их замечать его совершенно невозможно; а это подтверждает подозрение, что мы имеем дело с болезнью, самым радикальным образом поразившей весь стиль мышления. Однако человек, замечающий это, уже не может не отвергнуть как мифическую всю ту космологию, на которой был воспитан»¹⁹⁶.

Писатель не мог не уделить внимания и истокам популярного дарвинизма – его востребованности империалистической цивилизацией, приобретающей все более глобальный характер: «без Мифа не было бы современной политики. Миф возник в Эпоху революций и только благодаря политическим концепциям этой эпохи был усвоен сознанием. Отсюда ясно, почему Миф сосредоточивается на одном холдейновском случае биологического “прогресса” и отвергает десять случаев “дегенерации”. Если бы эти случаи дегенерации принимались во внимание, невозможно было бы не понять, что любое изменение в жизни общества ровно настолько же способно уничтожить уже имеющиеся свободы и блага, насколько и создать новые; что опасность оступиться и упасть так же велика, как возможность двигаться дальше; что разумное общество должно тратить на сохранение не меньше энергии, чем на улучшение. Осознание этих трюизмов оказалось бы

¹⁹⁶ Там же. С. 432.

гибельным как для политических левых, так и для политических правых нового времени. Миф же затуманивает это знание. Большие партии заинтересованы в Мифе и вкладывают в него капиталы»¹⁹⁷.

И Клайв Стейплз Льюис предлагает своим читателям верить совсем в иное; верить, даже, если весь мир будет говорить им обратное. Один из героев его сказки «Серебряное кресло» говорит колдунье, предоставившей ему «неоспоримые» доказательства того, что всего, во что он верил, не существует: «Все, что вы сказали, верно. Я всегда хочу знать худшее и держаться как можно лучше. Поэтому спорить не стану. Допустим, мы видели во сне или выдумали все это: деревья, траву, солнце, звезды и даже Аслана. Но тогда выдумка лучше и важнее реальности. Допустим, это мрачное место и есть единственный мир. Тогда он никуда не годится. Может, мы и дети, играющие в глупую игру. Но четверо детей создали игрушечный мир, который лучше вашей реальной ямы. Я не предаю игрушечного мира. Я останусь с Асланом, даже если Аслана нет. Я буду жить как нарниец, даже если нет Нарнии. Благодарю за ужин, но мы четверо покинем ваш двор, вступим в темноту и будем искать дорогу наверх. Не думаю, что жизнь эта будет долгой, но стоит

¹⁹⁷ Там же. С. 436.

ли о том жалеть, если мир таков, каким вы его описали»¹⁹⁸.

Льюис в одной из своих сказок очень образно показывает, что плохое и хорошее находятся внутри человека, который, как дитя глобальной цивилизации слишком много думает о том, что «настоящее», а что нет, а потому не способен радоваться тому хорошему, что имеет:

«– Здесь не темно, бедные глупые гномы, – сказала Люси, – разве вы не видите? Оглянитесь! Разве вы не видите небо, и деревья, и цветы? Разве вы не видите меня?

– Как, во имя всех обманов, могу я видеть то, чего здесь нет? Или видеть вас, или вы – меня в такой темноте?

– Слушайте, гномы, – сказала она, – если у вас что-то с глазами, может, носы в порядке – вы почувствуете запах? – она поднесла свежие, влажные цветы к шишковатому носу Диггла и тут же отпрыгнула, чтобы не получить по рукам маленьким крепким кулачком.

– Как ты смеешь! – завопил гном. – Чего ты суешь мне в нос вонючую подстилку? Да тут еще чертополох! Что за наглость! Кто вы такие?

Аслан поднял голову и тряхнул гривой. В то же мгновение роскошные кушания оказались на коленях у гномов: пироги, мясо и птица, пирож-

¹⁹⁸ Льюис К.С. Серебряное кресло / Собр. соч. в 8 томах. Том 6. М., 2000. С. 95.

ные и мороженое, и у каждого гнома в правой руке – кубок доброго вина. Увы, и это не помогло. Гномы жадно накинулись на еду, но совершенно не чувствовали ее вкуса. Они ведь думали, что нашли ее в хлеву. Поэтому один сказал, что попытается есть сено, другой – что нашел старую редьку, третий – сухой капустный лист. Они подносили к губам кубки с красным вином и говорили: “Фу, пить воду из ослиной поилки! Кто думал, что мы до этого докатимся”. Очень скоро каждый гном заподозрил, что другой нашел что-то получше, и кинулся отнимать; они перессорились и передрались, размазали прекрасную еду по лицам, по одежде, растоптали ногами. Когда все, наконец, расселись по местам, потирая синяки и разбитые носы, то сказали:

– Ничего, по крайней мере, тут все без обмана. Мы не дали себя провести. Гномы за гномов.

– Вот видите, – сказал Аслан. – Они не дадут себе помочь. Они выбрали выдумку вместо веры. Их тюрьма – в их воображении, но они – в тюрьме. Я не могу вывести их наружу, потому что они слишком много думают о том, чтоб не дать себя провести»¹⁹⁹.

Писатель обличает распространившееся в западном мире восприятие религии, как чего-то

¹⁹⁹ Льюис К. С. Последняя битва // Собр. соч. в 8 т. Т. 6. СПб., 2000. С. 362-364.

прикладного, призванного удовлетворять «потребности» человека». В «Письмах к Малькольму» он писал: «Рабский страх, конечно, низшая из форм религии. Но бог, который ни при каких обстоятельствах не станет причиной даже для рабского страха, безопасный бог, ручной бог – фантазия, и здравый ум ее быстро разоблачит. Я не встречал людей, которые, совершенно отрицая существование ада, имели бы живую и животворящую веру в рай»²⁰⁰.

В «Хрониках Нарнии» Льюис писал об Аслане, что это не ручной Лев. Вера, в которую человек не верит, вера, которая существует для него лишь для того, чтобы прикрыться ей, в итоге не преминет обличить и наказать кощунника. В завершающей серию книг писателя «Хроники Нарнии» «Последней битве», рассказывается об Обезьяне, который учил, что добро и зло – одно и то же, и мучительно погиб от вызванного им духа, в которого не верил.

Но там же мы видим и другой пример. Юноша – воин, всю жизнь искренне служил злу, полагая его добром, всю жизнь творил благородные поступки во имя этого зла. Но когда перед лицом смерти он оказывается рядом с воплощенным Добром (у Льюиса – Аслан) и Злом (у Льюиса – Таш), то зло не может его коснуться, а Добро

²⁰⁰ Льюис К. С. Письма к Малькольму // Собр. соч. в 8 т. Т. 8. СПб., 2000. С. 391.

говорит, почему принимает его: «Не потому я принял твое служение, что мы (добро и зло) – одно, а потому, что мы противоположны, я и она столь различны, что если служение мерзко, оно не может быть мне, а если служение не мерзко – не может быть ей. Итак, если кто клянется именем Таш и держит клятву правды ради, мной он клянется не ведая, и я вознагражу его. Если же кто-то совершит зло во имя мое, пусть говорит он “Аслан” – Таш он служит и Таш принимает его служение»²⁰¹.

Говоря о смерти, Льюис, оценивая весь ее ужас и неестественность для человеческой природы, тем не менее, пишет: «Это – спасение, ибо для падшего человека телесное бессмертие было бы ужасным. Если бы ничто не мешало нам прибавлять звено за звеном к цепям гордыни и похоти и класть камень к камню нашей чудовищной цивилизации, мы превратились бы из падших людей в истинных дьяволов, которых, быть может, и Богу не спасти. Люди должны свободно принять смерть, свободно склониться перед ней, испить ее до дна и обратить в мистическое умирание, сокровенную основу жизни»²⁰². «Но лишь Тому, Кто разделил добровольно нашу невеселую жизнь; Тому, Кто мог бы не стать человеком и

²⁰¹ Льюис К. С. Последняя битва // Собр. соч. в 8 т. Т. 6. СПб., 2000. С. 315.

²⁰² Льюис К. С. Чудо // Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 2000. С. 235-236

стал Единым Безгрешным, дано умереть *совершенно* и тем победить смерть. Он умер за нас в самом прямом смысле слова, и поистине умер, ибо Он один поистине жил. Он, знавший изначально непрестанную и блаженную смерть послушания Отцу, принял во всей воле Своей, во всей полноте, столь ужасную для нас смерть тела. Предстательство – закон созданного Им мира, и потому смерть Его – наша смерть. Чудо Воплощения и Смерти Господней, не отрицая ничего, что мы знаем о природе, пишут комментарий к ней, и неразборчивый текст становится ясным»²⁰³.

О Воскресении Христа Льюис писал не только в философских трактатах, но и аллегорически, в форме его всемирно знаменитых сказок «Хроники Нарнии». Как он написал в первой, самой известной книге этой серии «Лев, колдунья и платяной шкаф» «когда вместо предателя на жертвенный Стол по доброй воле войдет тот, кто ни в чем не виноват, кто не совершал никакого предательства, Стол сломается и сама смерть отступит перед ним»²⁰⁴.

О важности принятия для каждого человека добровольной жертвы Христа Спасителя Льюис пишет такими словами: «Самый первый шаг на этом пути – постараться забыть о себе. Ваше под-

²⁰³ Там же. С. 238.

²⁰⁴ Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф // Собр. соч. в 8 т. Т. 5. СПб., 1999. С. 103.

личное новое “я” (личное “Я” Христа, но и ваше, и ваше только потому, что оно – Его) не придет к вам до тех пор, пока вы стараетесь найти его. Оно придет, когда вы станете искать Христа. Принцип этот пронизывает всю жизнь. Отдайте себя – и вы обретете себя. Будете искать “себя” – и вашим уделом станут лишь ненависть, одиночество, отчаяние, гнев и гибель. Но если вы будете искать Христа, то найдете Его, и “все остальное приложится вам”»²⁰⁵ ...

Литературное наследие Льюиса помогло многим людям стать христианами, так как он сам прошел мучительный и долгий путь от неверия к глубокой искренней вере. И сегодня, в мире, как его иногда называют, «постхристианских ценностей» оно приобретает особую значимость, помогая людям уверовать во Христа.

Космическая трилогия К.С. Льюиса

На тему «Есть ли жизнь на Марсе» в Советском Союзе проходило множество лекций для широких слоев населения. В двадцатом веке тема жизни на других планетах вообще была очень широко обсуждаема. Людям, которые не могли найти общий язык с себе подобными, хотелось верить в то, что они «не одни во вселенной», и

²⁰⁵ Льюис К. С. Просто христианство // Собр. соч. в 8 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 200-201.

общение с представителями иных миров восполнит то, что с другими людьми они общаться разучились. При этом большинство научно-фантастических книг помимо прочего ставило своей задачей «развенчание религиозных мифов», якобы обреченных на отмирание по мере развития научно-технического прогресса. Какие могут быть ангелы или демоны? Это пришельцы иных миров, которых мифологизировало примитивное сознание человека, не вступившего еще в эпоху империализма, когда, как отмечал В.И. Ленин, все на земле уже посчитано и прибрано к рукам, а теперь возможен только передел того, что есть. И разве есть место тайне в индустриальном обществе? И разве есть предел возможностям гордого человеческого разума?

Космическая трилогия замечательного английского писателя Клайва Стейплза Льюиса – ответ на эти и многие другие вопросы. В нее входят три романа – «За пределы безмолвной планеты»(1938), «Переландра»(1943) и «Мерзейшая мощь»(1945). Льюис пришел к вере в Иисуса Христа как Спасителя мира уже в зрелом возрасте, после продолжительного периода внутренней борьбы и исканий. Поэтому христианство для него – не просто религиозная традиция, а самое важное, что только может быть в жизни, ее сердцевина. И на вопрос о возможности существования инопланетных цивилизаций он отвечает по-

христиански. Но Льюис не только христианин, а и ученый-филолог, талантливый писатель. Его романы имеют много граней, и не каждый заметит, в чем же тут христианский смысл, как не заметили этого многие из критиков его первого романа «За пределы безмолвной планеты».

Главный герой всей трилогии профессор-филолог Рэнсом. В первом из романов он в результате случайной встречи с другим ученым Уэстоном и финансирующим его опыты Дивайном, вопреки своей воле, летит с ними на Марс, называемый автором Малакандрой. Дивайна интересует золото Марса. Уэстон же, как он сам считает, озабочен грядущими судьбами человечества; во имя эфемерного блага будущих поколений он готов на любое зло, любые жестокости: «Во имя могущества самой Жизни, я готов не дрогнув водрузить флаг человека на земле Малакандры: идти вперед шаг за шагом, вытесняя, где необходимо, низшие формы жизни, заявляя свои права на планету за планетой, на систему за системой до тех пор, пока наше потомство – какую бы необычную форму и непредсказуемое мировоззрение оно ни обрело – не распространится по Вселенной везде, где только она обитаема»²⁰⁶. Пока это чисто империалистическая философия, но во втором романе она доходит до своего логического завершения, когда уже на Венере (у Льюиса

²⁰⁶ Льюис К. С. Космическая трилогия. М.- СПб., 2011. С. 139

Переландра) Уэстон заявляет Рэнсому: «Человек сам по себе – ничто. Поступательное движение жизни – возрастание в духовности – это все. Великая непостижимая сила изливается на нас из темных начал бытия. Она сама избирает себе орудие. Подумайте только, чистый дух, всепоглощающий вихрь саморазвивающегося, самодвелеющего действия. Вот она, конечная цель»²⁰⁷. И по завершении диалога, в котором Уэстон рассказывает, что эта таинственная сила является и причиной его научных открытий и необычайных знаний и возможностей и именно ей он направлен на Венеру, в него входит демон. И между ним и Рэнсомом начинается продолжительная борьба, казалось бы, совсем непосильная для филолога, из которой он, однако, выходит победителем.

Рэнсом, против своей воли, доставленный в чужой ему мир, бежит от своих похитителей. Он знакомится с жителями этого мира – тремя видами разумных существ, облеченными плотью и имеющими иную природу, эльдилами, под которыми Льюис подразумевает ангелов. Как филолог, Рэнсом овладевает их языком. Уэстон с Дивайном уже второй раз на Марсе. Они привезли сюда Рэнсома, потому что этого потребовал Уарса Малакандры через тех жителей планеты, с которыми они вступили в контакт. На их взгляд, человек нужен для какого-то ритуального жерт-

²⁰⁷ Там же. С. 239.

воприношения. Но оказывается, что жители Малакандры не знают греха. Они управляются эльдилами и верховным из них – Уарсой Малакандры (под Уарсами Льюис имеет в виду Ангелов, которые руководят всеми стихиями и всем живым на конкретной планете). Человек же ему потребовался потому, что ему интересна судьба Земли, называемой здесь «безмолвной планетой».

По художественной версии Льюиса, восстание ангелов и превращение их в демонов завершилось тем, что они оказались заперты на Земле и не могут выбраться за пределы земной атмосферы. Этот своего рода «карантин» необходим для того, чтобы зло не распространялось дальше по вселенной. Не могут попасть на Землю и те Ангелы, которые находятся за ее пределами. Люди изобретением космического корабля пробивают брешь в этом «карантине». Между мирами становится возможно общение. Первый роман заканчивается тем, что Уарса Малакандры отправляет на Землю Уэстона и Дивайна, убивших нескольких жителей Марса, а вместе с ними и Рэнсома. После их прибытия на Землю он уничтожает их корабль, чтобы они больше не выходили в космос.

Второй роман – «Переландра» – очень красивая, хотя местами и довольно жестокая сказка о том, что было бы, если бы первые люди не со-

вершили грехопадения. Рэнсома Уарса Малакандры отправляет на Венеру (Переландру) с ответственной миссией, сути которой герой не знает. Он присутствует при творении жизни на этой планете, видит ее изменяющиеся формы, причем перемены происходят почти мгновенно, прямо у него на глазах. И он встречает там женщину (Льюис называет ее «Королева»), во многом похожую на земных женщин, – своего рода Еву до грехопадения. Ей поразительно много открыто, но она еще так многого не знает, не знакомы ей и добро и зло. В неустойчивом мире Королева где-то потеряла своего Короля, и знакомится с жизнью. Им дана только одна заповедь: не ночевать на твердой земле, ночь они должны проводить на плавучих островах. Это заповедь послушания; и одновременно, это их доверие к Богу, которого они зовут «Малельдил», потому что они тем самым естественным образом лишены какой-либо стабильности, и живут каждый день так, как Он им даст, не думая о завтрашнем.

Рэнсом не понимает для чего послан в этот мир до того момента, как на Переландру прилетает Уэстон. Ученый оказывается лишь орудием для демона, без которого он не смог бы проникнуть на Венеру. И на Переландре дух зла входит в Уэстона (как когда-то на Земле в змея), который начинает рассказывать Королеве о преимуществах той жизни, которая ей неведома. И начина-

ется история искушения. Но от земной она отличается тем, что здесь присутствует Рэнсом, хорошо знающий, чем это закончилось на Земле. Он страшится того, что должен принять участие в событии космического масштаба; того, что ему предстоит бороться с тем, чьи силы в несчетное количество раз превосходят его собственные. Но ему предстоит бороться, сначала словом. Филолог так объясняет Королеве смысл данной им заповеди: «Я думаю, Малельдил дал тебе такой закон, чтобы ты исполнила его ради послушания. Слушаясь Малельдила, ты делаешь то, что нравится и тебе. Ты исполняешь его волю, но не только ради того, чтобы ее исполнить. Удовлетворится ли этим любовь? Как бы ты вкусила радость послушания, если бы не было заповеди, чей единственный смысл – исполнение Его воли?»²⁰⁸

Филологу становилось все тяжелее. В разговорах с Королевой Уэстон, ставший Нелюдью, «выказывал и ум, и тонкость, но Рэнсом понял, что все это – лишь оружие, и в свободные часы для него пользоваться умом также странно, как для солдата отрабатывать на досуге штыковой удар. Мысль была лишь орудием, средством, сама по себе она его не интересовала. Он брал разум взаймы, как взял тело Уэстона, будто нечто внешнее и никак с собою не связанное. Едва повернувшись спиной к Королеве, он позволял себе

²⁰⁸ Там же. С. 262.

расслабиться. Нелюдь не был похож даже на нечестного политика – скорее уж казалось, что возишься со слабоумным, или со злой мартышкой, или с очень испорченным ребенком»²⁰⁹. И на каком-то этапе Рэнсом понял, что ему предстоит и физическая битва с Нелюдью. Она далась ему очень тяжело, но Рэнсом вышел победителем, разбив голову того, кто раньше был Уэстоном камнем, а тот прокусил ему пятку, и рана эта болела потом всю жизнь...

А грехопадения на Переландре не произошло. Королева и нашедший ее Король стали полностью властвовать над планетой, не знающей теперь зла, Уарса Переландры стал им в этом помогать, передав свои полномочия. Интересно, что на вопрос о том есть ли жизнь на Венере и, если есть, то распространяются ли на ее жителей последствия первородного греха, в свое время в данном ключе ответил и великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов: «Некоторые спрашивают, ежели-де на планетах есть живущие нам подобные люди, то какой они веры? Проповедано ли им Евангелие? Крещены ли они в веру Христову? Сим дается ответ вопросный. В южных великих землях, коих берега в нынешние времена почти только примечены мореплавателями, тамошние жители, также и в других неведомых землях обитатели, люди видом, языком и всеми

²⁰⁹ Там же. С. 271.

поведениями от нас отменные, какой веры? Ежели кто прознать или их обратить и крестить хочет, тот пусть по евангельскому слову (“не стяжите ни злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапог, ни жезла”) туда пойдет. Только бы труд его не был напрасен. Может быть тамошние люди в Адаме не согрешили, и для того всех из того следствий не надобно»²¹⁰.

Но еще более с «Преландрой» перекликаются мысли Святителя Феофана Затворника, писавшего своему духовному чаду: «Вы уверены, что все небесные тела населены разумными существами, что эти разумные существа подобно нам, по склонности ко злу (уж почему бы не сказать, как падшие), имеют нужду в средствах ко спасению, что средство это и для них одно: изумительное строительство смерти и Воскресения Христа Бога. Из этих мыслей вытекает у Вас неразрешимое недоумение: как мог Господь Иисус Христос быть для них Спасителем? Неужели мог Он в каждом из этих миров воплощаться, страдать и умирать? Неумение решить этот вопрос беспокоит и колеблет веру Вашу в Божественность домостроительства нашего спасения.

²¹⁰ См.: Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце: Прибавление (полностью) // Полное собрание сочинений. Том 4. Труды по физике, астрономии и приборостроению 1744-1765гг. М.-Л.: Академия наук СССР, 1955, с.370-376.

Что такие мысли колеблют и беспокоят Вас – это по собственной Вашей вине, а не по свойству мыслей. Эти мысли – цепь мечтаний, не представляющих ничего несомненно верного, домостроительство спасения есть дело несомненно верное, доказавшее и постоянно доказывающее свою Божественность. Можно ли позволять, чтоб эту твердыню колебали мечтательные предположения?

Хоть Вы издавна содержите мысль о бытии разумных существ на других мирах, и хотя она имеет много за себя, – но все же она не выходит из области вероятных предположений. **Очень вероятно, что там есть жители – но все только вероятно.** Сказать “есть” не имеете права, пока не удостоверитесь делом, что есть. Правильнее выражаясь об этом, я говорю так: вероятно, есть; а может быть, и нет. А Вы взяли одно предположение, заимствовав его от нас, да и стали на нем. У нас было падение – ну и там, мы склонны ко греху – ну и те; у нас нужно домостроительство спасения – нужно и там; у нас Единородный Сын Божий благоволил воплотиться – и там уместен только этот способ спасения.

А Вам следовало бы идти в своих предположениях так: положим, что есть разумные жители на других мирах; что ж они, соблюли ли заповеди, пребыли ли покорными воле Божией или преступили заповеди и оказались непокорными?

Вы не можете сказать ни того, ни другого; а я думаю, что или согрешили, или не согрешили, ибо и наших прародителей грех не был необходимостью, а зависел от их свободы. Они пали, но могли и не пасть. Так и жители других планет: могли сохранить заповедь, могли и не сохранить. Если они сохранили, то все дальнейшие мечты о способах их спасения прекращаются сами собою: они пребывают в первобытном общении с Богом и святыми Ангелами и блаженствуют, находясь в том состоянии, какого чаем и мы по воскресении.

Но пусть и пали. Нет основания думать, чтобы им неизбежно нужно было воплощение, чтобы оно совершилось на каждой планете. Сила воплощения и искупительная жертва спасают нас чрез усвоение их верою. Почему не предположить, что искупительная жертва, совершенная на Земле, подействовала благотворно и на другие миры? Почему не предположить, что и тамошние разумные твари приняли ее верою и таким образом спасаются? В способах сообщения и произведения веры у Господа не может быть недостатка: есть даже Ангелы, в служение посылаемые для желающих наследовать спасение. Все планеты состоят между собою в связи и взаимовлиянии, для нас неведомом. Чтобы какая-нибудь из них была

исключена из этого союза, этого предположить нельзя»²¹¹.

Третий роман «Мерзейшая мощь» вызвал в адрес автора много нападок со стороны ученых. И неудивительно: ведь главные отрицательные герои здесь – люди науки, пытающиеся из науки сделать новую религию, причем сатанинскую. Дивайн из первого романа теперь стал лордом Феверстоном, одним из тех, кто стоит у истоков создания государственного научно-исследовательского института, призванного изменить природу людей, лишить их свободы воли, создать нового человека. Главные деятели этого института – Уизер и Фрост – дошли до того, что для достижения своих целей хотят соединить современную им науку с древней магией. Бытовая сторона романа после всех событий 20 века вроде бы не кажется чем-то особенным. Переводчица романа на русский язык Наталья Трауберг писала о нем: «Сама я люблю этот роман больше всех других – так люблю, что переводила его для друзей в те самые годы, когда наша жизнь была такой, как в нем, только хуже (1980-1983)»²¹². Но именно обыденность зла, как показывает роман, и затрудняет противостояние ему.

²¹¹ Цит. по: Кураев А., диак. *Ответы молодым* lib.eparhia-saratov.ru/Books/юк/kuraev/answer/70.htm (дата обращения 14.12.12).

²¹² Трауберг Н. Космическая трилогия / К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. М., 2003. С. 337.

Ученые института готовят новое жесточайшее тоталитарное общество, приучая общественное мнение к необходимости этого при помощи СМИ. Они «оживляют» отрубленную голову убийцы, через которую говорит дух тьмы, хотят разбудить спящего несколько столетий древнего мага Мерлина, чтобы с его помощью войти еще в больший контакт с силами зла. И опять им противостоит Рэнсом и собравшаяся вокруг него небольшая община. И в решающий момент проснувшийся Мерлин приходит не к силам зла, а к Рэнсому. И Уарсы через Мерлина получают возможность вмешаться в земные дела, и институт саморазрушается, злодеи гибнут. А на Земле продолжается самая обычная жизнь – муж Марк, из желания попасть в высшее общество, ставший сотрудником института, возвращается к своей жене Джейн, нашедшей пристанище в общине Рэнсома...

Льюис в «Переландре» дает достаточно четкое определение современной ему научной фантастики: «Они считают, что человечество, достаточно испортив свою планету, должно распространяться пошире и надо прорваться сквозь огромные расстояния – сквозь карантин, установленный Самим Богом. Но это только начало. Дальше идет сладкая отравка дурной бесконечности – безумная фантазия, что планету за планетой, галактику за галактикой, Вселенную за Все-

ленной можно вынудить всюду и навеки питать только нашу жизнь; кошмар, порожденный страхом физической смерти и ненавистью к духовному бессмертию; мечта, лелеемая множеством людей, которые не ведают, что творят, а некоторые и ведают. Они вполне готовы истребить или поработить все разумные существа, если они встретятся на других планетах»²¹³. И он противопоставляет ей своей трилогией качественно иную фантастику, основанную на христианском миропонимании. Важно не то, что творится на других планетах – важно то, что творится у тебя в душе – в этом с Льюисом созвучны и Святитель Феофан Затворник и Михаил Васильевич Ломоносов.

В заключение хочется привести еще одни слова Натальи Трауберг: «В мир, где царствует Бог, нельзя войти, если не станешь доверчивым и беспомощным, как хороший ребенок. Романы, которые писал Льюис, годятся только для такого царства»²¹⁴.

²¹³ Льюис К. С. Указ. соч. С. 230.

²¹⁴ Трауберг Н. Космическая трилогия / К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. М., 2003. С. 337.



Гилберт Кийт Честертон

**«Пройти через огонь, чтобы
добыть первоцвет»
Гилберт Кийт Честертон –
христианский рыцарь XX века**

Гилберт Кийт Честертон – христианский рыцарь XX века не только по своим образу мыслей и поступкам, но и в самом прямом смысле – рыцарь-командор со звездой ватиканского ордена Святого Григория Великого. Его творчество настолько диалектично, полемично и одновременно сказочно, что собранное вместе рождает очень необычные образы: «Я чувствовал, что нужно поститься сорок дней, чтобы увидеть дрозда; пройти через огонь, чтобы добыть первоцвет. Любители прекрасного не могут даже про-

трезвиться ради дрозда, претерпеть обычное христианское бракосочетание в уплату за первоцвет. За необычайные радости надо платить соблюдением обычной морали»²¹⁵, – пишет Честертон в 34 года в своей знаменитой книге «Ортодоксия».

Писатель проповедовал Христа в мире, который формально был христианским, на деле же – антихристианским. В романе «Мерзейшая мощь» другого английского писателя-христианина К.С. Льюиса один из героев, когда ему говорят о Христе, реагирует на это так: «Марк легко прочитал бы юным студенткам лекцию об абортах и педерастах, но при этом имени он смутился, покраснел и так рассердился и на себя, и на Стрейка, что покраснел еще больше»²¹⁶. Честертон в романе «Шар и крест» описывает похожую картину:

«– Он мой враг, – отвечал Эван. – Он враг Богу.

Судья выпрямился и едва удержал пенсне.

– Прошу вас, без ... э ... выражений! – торопливо сказал он. – При чем тут Бог?

Эван широко открыл светлые глаза.

– Бог... – начал он.

– Прошу вас! – строго сказал судья. – И вам не стыдно говорить о таких вещах на людях ... э ...

²¹⁵ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 397-398.

²¹⁶ Льюис К. С. Мерзейшая мощь // Собр. соч. в 8 т. Т. 4. СПб., 2003. С. 61.

в полиции? Вера – частное дело, ей здесь не место.

– Неужели? – спросил житель гор. – Тогда зачем они клялись на Писании?»²¹⁷.

Честертон заявляет, что «Самая малость христианства – приговор нынешнему миру. Ведь мир этот держится не тем, что богатые бывают полезны (это бы еще ничего), а тем, что на богатых можно положиться. Во всех дискуссиях, диспутах и спорах вам твердят, что богатых подкупить нельзя. На самом же деле подкупить их можно – они уже подкуплены, потому и богаты. В том-то и дело, что человек, зависящий от удобства и роскоши, уже испорчен. Христианин может сказать: “Я не презираю этого человека, хотя он занимает высокий пост и берет взятки”. Но он не может сказать (как в наше время говорят с утра до ночи): “Он занимает такой высокий пост, что взятку брать не станет”. Христианство учит, что любой человек на любой высоте может брать взятки. Так учит христианство – и, по забавной случайности, тому же учит история. Разве лорд Бэкон чистил сапоги? Разве герцог Мальборо подметал улицы?»²¹⁸.

Писатель утверждает, что «материализм накладывает более строгие ограничения, нежели

²¹⁷ Честертон Г.К. Шар и крест. М., 2008. С. 35.

²¹⁸ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 444.

вера. Христианин вправе верить, что в мире достаточно упорядоченности и направленного развития; материалист не вправе добавить к своему безупречному механизму ни крупицы чуда или духа»²¹⁹. Он откровенно издевается над современной ему критикой религии: «Часто говорят, что наши мудрецы не могут найти разгадку религии. Но беда не в том, что они не могут найти разгадку; беда в том, что наши мудрецы не видят самой загадки. Они похожи на глупых детей, не находящих странного в шутовском утверждении, что дверь – не дверь. Бесполезно твердить о выборе между логикой и верой: сама логика – вопрос веры. Нужна вера, чтобы признать, что наши мысли имеют какое-то отношение к реальности. Если вы стали скептиком, вы рано или поздно спросите: “Почему что-либо должно быть правильно, даже наблюдение и дедукция? Почему хорошая логика не может быть так же обманчива, как плохая? Ведь и та и другая – только циркуляция в мозгах озадаченной обезьяны”»²²⁰. Честертон пишет, что за крахом авторитета религии неизбежно придет и крах авторитета науки: «мы видим, как скептицизм прорывает кольцо старых авторитетов и сбрасывает разум с трона. Когда уходит религия, уходит и логика, ибо обе они

²¹⁹ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 370.

²²⁰ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 377-378.

первичны и властны; обе – доказательство, которое не может быть доказано. Уничтожая идею божественного авторитета, мы подорвали авторитет человеческий, необходимый даже для решения школьных задач»²²¹.

Как следствие этого – крах вообще всех авторитетов и смыслов, бунт ради бунта, бессмысленный и беспощадный: «современный революционер ставит под сомнение не только то учение, которое он осуждает, но и то учение, на основании которого он берется судить. В качестве политика он провозглашает, что война – бессмысленный расход жизней, а в качестве философа, что жизнь – бессмысленный расход времени. Русский пессимист осуждает полицейского за убийство крестьянина и крестьянина за то, что он не покончил с собой. Человек осуждает брак как ложь и распутных аристократов за презрение к браку. Такой человек сперва отправляется на политическое собрание и там жалуется, что к дикарям относятся как к животным, а затем берет шляпу и зонтик и идет на научное собрание, где доказывает, что они и есть животные. Бунт современного бунтаря стал бессмысленен: восставая против всего, он утратил право восставать против чего-либо»²²².

²²¹ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 378.

²²² Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 385.

Честертон диалектически показывает превосходство христианства над современными ему модными учениями на примере Жанны д'Арк, с одной стороны, и Ф. Ницше и Л.Н. Толстого – с другой: «Я ... вижу неизбежный крах ницшеанства, толстовства и других современных учений также ясно, как видят с воздушного шара, что поезд несется к пропасти. Все эти учения – работа ума, доведенная до отказа, а они подошли к нему вплотную. И вот, когда я бился и томился над умными, блестящими и бесполезными книгами, взгляд мой упал на одно из заглавий “Жанна д'Арк”. Франс писал свою книгу в странном тоне почтительного скепсиса. Он отверг свидетельства о чудесах, основанные на предании, чтобы рассказать нам вещи просто ни на чем не основанные. Он не верит в те или иные подвиги святой – и делает вид, что знает доподлинно ее ощущения и думы. Но я упомянул о книге не для того, чтобы ее ругать: просто имя натолкнуло меня на мысль. Жанна д'Арк не топталась на распутье, отбросив все пути, как Толстой или приняв их как Ницше. Она выбрала путь и ринулась по нему стремительно, как молния. Тем не менее в ней было все то, что есть хорошего в Толстом и Ницше, все, что есть в них мало-мальски сносно. Толстой воспел крестьян – она была крестьянкой. Ницше воспел войну – она воевала. И главное – она делала и сделала много, а они размышляли. Как же

тут не подумать, что ее вера владеет тайной нравственной цельности и ощутимой пользы? Так я и подумал, и за спиной Иоанны встал ее Создатель»²²³.

Ощущение жизни, как самой прекрасной из сказок, где добро побеждает зло, где есть место героизму и есть место повседневности, Честертон вынес из детства: «Мою первую и последнюю философию, в которую я твердо верю, я усвоил в детской от няни – величественной, вдохновенной жрицы демократии и традиции. Крепче всего я верил и верю в волшебные сказки. Они кажутся мне удивительно разумными. Это не фантазия, рядом с ними все остальное фантастично, даже религия и рационализм: религия невероятно права, рационализм невероятно не прав. Страна чудес – не просто солнечный край здравого смысла. Не земля судит небо, а небо землю, и точно также, по-моему, землю укоряет сказочная страна»²²⁴. «Я чувствовал и чувствую, что жизнь ярка, как бриллиант, но хрупка как оконное стекло, и когда небеса сравнивали с кристаллом, я вздрагивал – как бы Бог не разбил мир вдребезги. Но помните, бьющееся не обречено на гибель. Ударьте по стеклу – оно не проживет и секунды, берегите его – оно проживет века. Такова радость

²²³ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 386-387.

²²⁴ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 390.

человека; как в стране эльфов, так и на земле счастье продлится, пока вы *не сделаете чего-то*, что вы можете сделать в любую секунду, часто не понимая, почему этого делать нельзя»²²⁵.

Проповедь Честертона казалась безумием многим из его современников, не случайно, что образ Дон Кихота был близок писателю; возможной реализации этого образа в современной ему Англии он посвятил одну из своих книг. Один из героев романа «Возвращение Дон Кихота» говорит о средних веках: «в них была правда, а вы погрязли во лжи. Я не думаю, что тогда не было греха и страданий. Я только думаю, что грех и страдания так и называли. Вы вечно толкуете о деспотах и вассалах, но ведь и у вас есть насилие, и неравенство, только вы не смеее называть их по имени. Вы защищаете их, давая им другие имена. У вас есть король, но вы говорите, что ему не разрешается править. У вас есть палата лордов, но вы сообщаете, что она не выше палаты общин. Когда вы хотите подольститься к рабочему или крестьянину, вы зовете его джентльменом, а это то же самое, что назвать его виконтом. Когда вы хотите подольститься к виконту, вы хвалите его за то, что он обходится без титула. Вы оставляете миллионеру миллионы и хвалите его за простоту, то есть за унылость, словно в золоте есть что-

²²⁵ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 396.

нибудь хорошее, кроме блеска. Вы терпите священников, когда они на священников не похожи, и бодро заверяете нас, что они могут играть в крикет. Ваши ученые отрицают доктрину, то есть – учение, ваши богословы отрицают Бога. Повсюду обман, малодушие, низость. Все существует лишь потому, что само не признает себя»²²⁶. «Как вы не поймете? – вопрошал он. – Ваша техника стала такой бесчеловечной, что уподобилась природе. Да, она стала второй природой, далекой, жестокой, равнодушной. Рыцарь снова блуждает в лесу, только вместо деревьев – трубы. Ваша мертвая система так огромна, что никто не знает, где и как она сломается. Все рассчитано, и потому нельзя ничего рассчитать. Вы оправдали наваждение Дон Кихота: мельницы ваши – великаны»²²⁷.

Подобно многим своим современникам, Г.К. Честертон критиковал время, в которое ему выпало жить за отсутствие масштабных личностей, преданных идее, способных менять мир: «Серьезные и даже великие изменения в нашей культуре и политике произошли в начале XIX века, не позже. То было время черного и белого;

²²⁶ Честертон Г.К. Возвращение Дон Кихота // Г. К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. СПб., 1992. С. 338-339.

²²⁷ Честертон Г.К. Возвращение Дон Кихота // Г. К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. СПб., 1992. С. 406.

люди твердо верили в кальвинизм, в реформацию, в реакцию, а нередко и в революцию. Каждый, кто верил, упорно бил в одну точку, не зная сомнений, – поэтому они чуть не свалили и Церковь, и палату лордов. У радикалов хватило мудрости на верность и постоянство, хватило мудрости на консерватизм. А сейчас, теперь, у радикалов нет ни времени, ни силы что-нибудь сокрушить. <...> покоем мы обязаны полнейшему безверию»²²⁸.

Освальд Шпенглер, не замечая жившего в то время, когда он создавал свой знаменитый «Закат Западного мира» В.И. Ленина, писал: «Переводя взгляд на современных философов, испытываешь стыд. Какая мелкотравчатость личности! Почему уже одно простое представление о том, что кому-то из них выпало доказывать свою духовную значимость в качестве государственного деятеля, дипломата, организатора большого масштаба, управляющего каким-либо мощным колониальным, торговым или же транспортным предприятием, вызывает прямо-таки жалость?»²²⁹.

А в это время в России философы-марксисты не просто доказывали свою значимость, а делали попытки построить государство абсолютно нового типа. И еще при жизни Шпен-

²²⁸ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 435.

²²⁹ Шпенглер О. Закат Западного мира. М., 2010. С. 58.

глера на его родине к власти пришел тоже своего рода «философ» – автор «Майн кампф», Адольф Гитлер. Можно спорить о том были ли это философы в классическом понимании (хотя почему нет? Тот же Н.И. Бухарин был даже академиком), но, безусловно, что это были создатели стройных идеологических систем, изменивших жизнь миллиардов людей и многим десяткам миллионов людей стоивших жизни.

Романо Гвардини в «Конце Нового времени» писал об обезличивании человека XX века: «Нам могут, правда, возразить, что личностное начало проявляется в вождях, которых порождает этот человеческий тип; в новой разновидности властителей и преобразователей человечества. Но, как мы уже отмечали, это будет неверно; главная особенность нынешнего вождя состоит, видимо, как раз в том, что он не является творческой личностью в старом смысле слова, то есть развивающейся в исключительных условиях индивидуальностью; он лишь дополняет безликое множество других, имея иную функцию, но ту же сущность, что и они»²³⁰.

Но в отличие от Шпенглера и Гвардини, Честертон больше верит в своих современников. Ничего не изменилось в мире, люди стоят перед

²³⁰ Гвардини Р. Конец Нового времени www.krotov.info/libr_min/04_g/gva/rdini.htm (дата обращения 03 октября 2013 года).

тем же нравственным выбором: «Один из умнейших агностиков нашего времени спросил меня как-то: как я считаю, становится человечество лучше или хуже или не меняется? Он был уверен, что назвал все возможные варианты. Я спросил его, как он считает, мистер Смит из Голдер-Грин стал лучше или хуже или не изменился от тридцати до сорока лет? Тут он начал догадываться, что это зависит от мистера Смита, от его выбора. Он никогда раньше не думал, что путь человечества – не прямая линия, прочерченная вперед, или вверх, или вниз; он извилист, как след через долину, когда человек идет, куда хочет, и останавливается, где хочет, может пойти в церковь, может свалиться пьяным в канаву. Жизнь человека – повесть, приключенческая повесть»²³¹.

И, будучи героем этой сказочной повести, «можно бросить вызов всем силам мироздания, не предавая знамени. Можно вступить с миром в схватку и быть ему преданным другом. Можно сражаться с драконом, если тот больше великих столиц и вечных гор, и даже всей земли, и убить его во имя столиц, земли и гор. Неважно, кто сильнее, – важно, кто прав. Святой Георгий вонзит копьё, даже если перед ним нет ничего, кроме дракона, и само небо – черная дыра в рамке раз-

²³¹ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 248.

верстой пасти»²³². А главный движущий стержень добрых и злых поступков – это вера: «Почему практичные люди убеждены, что зло всегда побеждает? Что умен тот, кто жесток, и даже дурак лучше умного, если он достаточно подл? Почему им кажется, что честь – это чувствительность, а чувствительность – это слабость? Потому что они, как и все люди, руководствуются своей верой»²³³.

По-журналистски едко Честертон высмеивает изыски современной ему науки, которая на основании нескольких картинок, найденных в пещерах, рисует панораму жизни «древних» людей: «В конце концов, и в наших пещерах можно найти надписи. Правда, наука не признает их древними, но время сделает свое дело, и, если ученые не изменятся, они смогут вывести немало занимательного из того, что нашли в пещерах давнего, XX века. Например: 1) поскольку буквы нацарапаны тупым лезвием, в нашем веке не было резца, а тем самым и скульптуры; 2) поскольку буквы заглавные и печатные, у нас не было скорописи и малых букв; 3) поскольку складывались они в непроизносимые сочетания, наш язык был сродни гэлльскому, а еще вероятнее – семитским, не изображавшим гласных на письме; 4) посколь-

²³² Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 414.

²³³ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 185.

ку нет причин полагать, что надписи эти – религиозный символ, наша цивилизация не знала религии. Последнее ближе всего к истине: религиозная цивилизация была бы хоть немного разумней»²³⁴. Честертон высмеивает абсурдность актуальных и в его время попыток заменить смыслы слов, изменяя при этом и сами слова. Старик, герой романа «Перелетный кабак», говорит: «Я ничуть не хочу утверждать, что в моей теории нет трудных случаев. Не все примеры так бесспорны, как те, что я сейчас привел. Скажем, совершенно очевидно, что “Голова сарацина” – искажение исторической истины, гласящей “Глава наш – сарацин”. Далекое не так очевидно, что “Зеленый Чурбан” – это “Зеленый Тюрбан”, хотя в моей книге я надеюсь это доказать. У нас был знаменитый воин, Амар али Бен Боз, а вы переделали его имя в “Адмирал Бенбоу”»²³⁵.

Научная картина мира менялась на глазах; но при этом вера все также считалась противоречащей науке. Причину этого Честертон видел в догматическом мышлении материалистов, сделавших материю предметом своей веры: «То, что старая наука, по крайней мере, решительно отвергла бы как чудо, ежеминутно подтверждает

²³⁴ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 115.

²³⁵ Честертон Г.К. Перелетный кабак // Г. К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. СПб., 1992. С. 15-16.

наука новая. Только новая теология еще достаточно свободна, чтобы отрицать чудеса. И даже если свободно отрицать чудеса, это еще не значит, что их нет на самом деле. Это безжизненный предрассудок, исток которого – не свобода мысли, а материалистическая догма. Человек XIX века не верил в Воскресение не потому, что его либеральное христианство позволяло усомниться в нем, а потому, что его строжайший материализм запрещал ему верить. Сомнения агностика – это всего-навсего догмы материалиста»²³⁶.

Результат долгих духовных поисков Честертон – осознание того, что то, что он искал, всегда было рядом²³⁷. Как апологет христианства, Честертон также и диалектик, некоторые его высказывания могут смутить тех, кто большее внимание уделяет форме, в которую облечена мысль: «Те, кто считает христианство узким и фанатичным, обречены на удивление. Мы – аскеты и воюем с аскезой; мы – наследники Рима и воюем с Римом; мы монотеисты – и бьемся с монотеизмом»²³⁸.

Христианство для Честертон – не отвлеченное понятие, а жизнь в Церкви, жизнь, которая

²³⁶ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 450-451.

²³⁷ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 360-361.

²³⁸ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 238.

шире любых философских систем: «Христианство смотрит на жизнь через тысячу окон, а древние стоики или агностики – через окно. Оно смотрит на жизнь глазами самых разных людей. У него найдется ключ для всех настроений, для всех человеческих типов, ему ведомы тайны психики, бездны зла, оно умеет отличать ложное чудо от истинного, а его реальность, такт, изображение – многообразны, как реальная жизнь, которую не охватишь заунывными или бодрыми трюизмами древней и новой этики. Наша вера не только вещественней поэзии и вместительней философии – в ней есть еще и вызов, есть борьба. Она достаточно широка, чтобы принять любую истину, но не примет заблуждения»²³⁹. «В Церкви есть то, чего нет в мире. Мир сам по себе не может обеспечить нас всем. Любая другая система узка и ущербна по сравнению с Церковью; это не пустая похвальба, это – реальность. Как ни бьются над этим современные синкретисты, им не удастся создать ничего, что было бы шире Церкви. Всякий раз они просто выбрасывают что-нибудь не из Церкви, а из жизни: знамя, или харчевню, или детскую книжку про рыцарей, или плетень в конце поля»²⁴⁰. Перешедший в зрелом возрасте из протестантизма в католичество Гил-

²³⁹ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 207.

²⁴⁰ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 203-204.

берт Кийт Честертон делает это не вследствие интеллектуального решения. Он объясняет это так: «Когда меня или кого-нибудь другого спрашивают: “Почему вы приняли католичество?”, мы отвечаем быстро и точно, хотя и не для всех понятно: “Чтобы освободиться от грехов”»²⁴¹. Евангелие для писателя – не этическое учение, это проповедь Воплощенного Бога, главное в которой – сам факт Боговоплощения: «Сквозь все поучения Христа проходит нить, почти незаметная для тех, кто говорит, что это именно поучение. Когда читаешь Евангелие, так и кажется, что на самом деле Он пришел не для того, чтобы учить»²⁴². «Простые слова Евангелия тяжелы как жернова, и тот, кто может читать их просто, чувствует, что на него свалился камень»²⁴³.

Быть героем в мире, лежащем во зле, совсем непросто. В «Перелетном кабаке» Честертон в маленьком диалоге показывает, какая судьба героя может ждать:

«– Что еще можно сделать с героем, – спросила миссис Макинтош, – как не поклониться ему?»

²⁴¹ Честертон Г.К. Бог с золотым ключом (из «Автобиография») // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 207.

²⁴² Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 220.

²⁴³ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 223.

– Его можно распять, – сказала Джоан»²⁴⁴.

Но Честертон при этом не ищет мученического пути. В предисловии к «Ортодоксии» он пишет: «нам нужна жизнь повседневной романтики; жизнь, соединяющая странное с безопасным. Нам надо соединить уют и чудо. Мы должны быть счастливы в нашей стране чудес, не погрязая в довольстве»²⁴⁵. И писатель говорит о том, что «христианство имеет дело с весомой, вне нас существующей реальностью, с внешним, а не только с вечным. Оно возвещает, что мир действительно есть, что мир – это мир. В этом оно совпадает со здравым смыслом»²⁴⁶.

И единственный источник истинной жизни для человека – это Христос, но нужно поверить в Него – Воплощенного Бога: «Если считать, что Он только человек, вся история становится несравненно менее человеческой. Исчезает ее суть, та самая, что поистине пронзила человечество. Люди отвергают догму не потому, что догма плоха, а потому что она слишком хороша. Она дарует слишком большую свободу, чтобы оказаться правдой. Она дарует немислимую свободу, ибо

²⁴⁴ Честертон Г.К. Перелетный кабак // Г. К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. СПб., 1992. С. 231.

²⁴⁵ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 359-360.

²⁴⁶ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 175.

человек может пасть. Она дает небывалую свободу – сам Бог может умереть. Вот что должны были бы сказать просвещенные скептики, и я ни в малейшей степени не собираюсь возражать им. Для них – мироздание – тюрьма, жизнь – сплошные ограничения; не случайно, говоря о причинной связи, они вспоминают цепь. Им кажется, что поверить в нашу свободу – все равно, что поверить в страну фей. Мы вправе вполне буквально сказать, что истина сделала нас свободными»²⁴⁷.

Трактаты Честертон – порой непростые; лично у меня его любовь к диалектике вызывает ассоциации с работами А.Ф. Лосева. Художественные произведения английского писателя также многоплановы. Н. Трауберг так написала о нем: «он, всегда за все плативший, намеренно снижал жанр, слог, манеру и своего добился – проповедь его прикрыта, прикровенна. Нельзя гордиться, что ты его читал, нельзя глубокомысленно его цитировать; многого с ним сделать нельзя. Если он для вас не “учитель надежды” (одно из его прозваний), вы усмехнетесь в лучшем случае снисходительно, в худшем – презрительно. С глупой, многозначительной серьезностью к нему относиться невозможно»²⁴⁸.

²⁴⁷ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 246-247.

²⁴⁸ Трауберг Н. Гилберт Кийт Честертон и его трактаты // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 8.



Уильям Сомерсет Моэм

Уильям Сомерсет Моэм – «исповедь» писателя

Рубеж XIX – XX столетий был сложным для всего мира, ощущавшего приближение катастрофических событий. Для Британской империи, внешне еще находившейся на пике своего могущества, он знаменовал и формирование нового мироощущения англичан, что нашло свое отражение в произведениях литературы. Дальнейший отход от христианских ценностей в пользу мифов глобального мира, примитивизма которых не замечали обвинявшие в примитивности христианство, требовал и появления проповедников этих мифов – искренних, убежденных в своей правоте, талантливых, глубоко видящих жизнен-

ные процессы. Но нередко, обладая талантом, они создавали произведения намного более глубокие, чем та идейная почва, которая составляла основу мировоззрения их авторов. В этой связи очень интересно посмотреть на творчество известного английского писателя У.С. Моэма.

Уильям Сомерсет Моэм прожил очень долгую жизнь: он родился в январе 1874 года, а умер в декабре 1965 года. Можно сказать, что он пережил Британскую империю, как великую державу. Впрочем, вряд ли можно назвать его патриотом. Как сам Моэм писал: «Я люблю Англию, но никогда не чувствовал себя там вполне дома. Англичан я стеснялся. Англия была для меня страной обязанностей, которые мне не хотелось исполнять, и ответственности, которая меня тяготила. Чтобы почувствовать себя свободным, мне нужно отдалиться от родины хотя бы на ширину Ла-Манша. Есть счастливые, умеющие обрести свободу внутри себя; я, не обладая их духовной силой, нахожу ее в путешествиях»²⁴⁹. В молодости он пробовал себя на медицинском поприще, в годы Первой мировой войны был резидентом английской разведки. Но главным делом его жизни были литература и драматургия, которыми он занимался профессионально, написав 78 книг. Писать было для него потребностью: «писать для

²⁴⁹ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 432-433.

меня было такой же инстинктивной потребностью как дышать»²⁵⁰; «писать было для меня с самого начала так же естественно как для утки – плавать. Я до сих пор удивляюсь, что я – писатель; к этому не было никаких причин, кроме непреодолимой склонности, а почему такая склонность во мне возникла – непонятно»²⁵¹.

Моэм – один из самых популярных писателей 1930-х годов, тонкий психолог, автор некоторых удивительных по своей глубине книг, в которых жизненная правда повествования оказывается зачастую намного сильнее попыток творца обрисовать ее сквозь призму своего мироощущения. Блестящие по своей психологической глубине «Бремя страстей человеческих», «Луна и грош», «Подводя итоги» показывают многое и из того, что самому автору не было видно. Как писал по поводу авторского восприятия собственных произведений В.П. Океанский (не в связи с творчеством Моэма): «Но стоит тут обратить серьезное внимание и на возможные возражения в наследии величайших русских философов, столь разных, как, например, метафизик отец Павел Флоренский и феноменолог И. А. Ильин: первый из них писал, что “сочинитель не есть надежный толковник своего труда, и сказать что именно

²⁵⁰ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 390.

²⁵¹ Там же. С. 384.

написал он, нередко может с меньшей уверенностью, нежели любой из внимательных его читателей” (“Пути и средоточия”); второй же отмечал, что “художник часто знает о своем произведении меньше, чем его произведение ”высказывает“ о самом себе” (“О чтении и критике”)²⁵².

Историю начала потери своей веры Моэм передает в романе «Бремя страстей человеческих»; мальчик молится об исцелении своей больной ноги, сопровождая свое обращение к Богу массой суеверных ритуалов: «на этот раз Филипп принял и другие меры, чтобы его заветное желание было исполнено: он загадывал его, глядя на молодой месяц или на коня в яблоках; ждал, не упадет ли звезда; во время короткой побывки дома им как-то подали курицу, и он ломал дужку с тетей Луизой, загадывая снова и снова, чтобы его нога стала здоровой, как у других. Бессознательно он взывал к богам куда более древним, чем Бог Израилев. Он засыпал Всевышнего своими молитвами во всякое время дня, когда бы он об этом не вспомнил, но всегда в одних и тех же выражениях: ему почему-то казалось, что точность слов очень тут важна. Однако скоро он начал чувствовать, что и теперь его веры не хватает. Он уже не мог подавить в себе сомнения. И дело кончилось

²⁵² Океанский В.П. Средние века продолжают // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2013. № 3-4(11-12). С. 76.

тем, что свой личный опыт он возвел в общее правило. <...> Текст, где говорилось, что вера движет горами, был лишним примером того, что в книгах пишется одно, а на деле выходит совсем другое»²⁵³.

В книге «Подводя итоги» писатель описывает и дальнейшее развитие идей, заставивших его порвать с религией. Он пишет про своего дядю-священника, что «к нему наезжали священники из соседних приходов. Одного из них суд графства приговорил к штрафу за то, что он морил голодом своих коров, другого уволили за пьянство. Меня учили, что все мы ходим под Богом и что первый долг человека – заботиться о спасении души. Я видел, что ни один из этих священников не делает того, к чему призывает в своих проповедях. Как ни горяча была моя вера, мне до смерти надоело ходить в церковь сначала дома, потом в школе»²⁵⁴. С детства воспитанный в том, что все кроме англикан пойдут в ад, оказавшись в Германии, где ему встретилось много истово верующих католиков, молодой Моэм задумался, что «вполне мог бы родиться на юге Германии и тогда, безусловно, был бы воспитан в католической вере. Мне показалось обидным, что в этом случае я без всякой своей вины был бы осужден на вечные

²⁵³ Моэм У.С. Бремя страстей человеческих. Л., 1984. С. 53-54.

²⁵⁴ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 519-520.

муки. <...> верования, внушенные мне с детства, крепко переплелись друг с другом, и когда одно из них стало казаться нелепым, остальные разделили его участь. Все жуткое сооружение, основанное не на любви к Богу, а на страхе перед адом, рассыпалось как карточный домик»²⁵⁵.

В этой же книге Моэм пытается дать и более весомые основания своего неверия, которые, чем больше он их приводит, тем более шаткими представляются: «Я лично не могу поверить в Бога, который на меня сердится за то, что я в Него не верю. Я не могу поверить в Бога, у которого нет ни чувства юмора, ни здравого смысла. <...> Но хотя люди приписывают Богу недостатки, которых сами стыдились бы, это еще не доказывает, что Бога нет. Это доказывает только, что религии, принятые людьми – лишь просеки, теряющиеся в непроходимой чаще»²⁵⁶.

Подавленное религиозное чувство иногда невольно прорывалось у Моэма в его произведениях. Так в «Острые бритвы» он описывает ощущения героя, от лица которого ведет повествование (предполагается, что это он сам), когда в соседней комнате католический епископ причащает умирающего: «Я остался один. Снова услышался голос епископа, и я понял, что он читает

²⁵⁵ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 520-521.

²⁵⁶ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 531.

отходную. Потом снова молчание – это Элиот вкушал крови и тела Христова. Сам я не католик, но всякий раз, бывая на мессе, я испытываю чувство трепетного благоговения, должно быть унаследованного от далеких предков, когда звоночек служки возвещает, что священник поднял для обозрения святыне дары; и сейчас меня также пронизала дрожь, как от холодного ветра – дрожь восторга и страха»²⁵⁷.

В том же «Острые бритвы» священник говорит главному герою (так и кажется, что и автору): «если человек поступает как верующий, вера будет ему дана; если он молится искренне, сомнения его рассеются <...> Возможно, я знаю вас лучше, чем вы сами себя знаете. Стена, отделяющая вас от веры, не толще листка папиросной бумаги»²⁵⁸.

В 1938 году Моэм написал «Подводя итоги» – в какой-то мере главную свою книгу. Потребность «исповеди» он объясняет в ней так: «Я пишу эту книгу, чтобы вытряхнуть из головы некоторые мысли, которые что-то уж очень прочно в ней застряли и смущают мой покой. Я не стремлюсь никого убеждать. У меня нет педагогической жилки, и, когда я что-нибудь знаю, я не испытываю потребности поделиться своими знани-

²⁵⁷ Моэм У.С. Острые бритвы // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 214.

²⁵⁸ Моэм У.С. Острые бритвы // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 227.

ями. Мне более или менее все равно, согласны ли со мной другие. Разумеется, я считаю, что я прав – иначе я бы не думал так, как думаю, – а они не правы, но их неправота меня мало трогает. Не волнуюсь я и тогда, когда обнаруживаю, что мое суждение идет вразрез с суждением большинства. Я до некоторой степени доверяю своему инстинкту»²⁵⁹. Впрочем, писатель не хотел полностью открыться в этой книге, при этом пытаясь доказать, что это и в принципе невозможно сделать, а те вещи, которые говорить другим не хочется – в сущности малозначимы: «У меня нет ни малейшего желания обнажать свою душу, и я не намерен вступать с читателем в слишком интимные отношения. Есть вещи, которые я предпочитаю держать про себя. Никто не может рассказать о себе всю правду. Тем, кто пытался открыть себя людям, не только самолюбие мешало рассказать всю правду, но и самая направленность их интереса; от разочарования в самих себе, от удивления, что они способны на поступки, казалось бы ненормальные, они без нужды раздувают эти эпизоды, более обыденные, чем это им представляется»²⁶⁰.

В этой книге Моэм не может не уделить самого пристального внимания вере. Он пишет: «и

²⁵⁹ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 383.

²⁶⁰ Там же. С. 382.

выходит, что ни одно из доказательств существования Бога не выдерживает критики. Но если нельзя доказать, что Бог есть, это еще не доказывает, что Его нет. Остается в силе чувство благоговейного страха, чувство беспомощности человека и стремление достичь гармонии между собой и вселенной. А именно эти чувства, скорее чем поклонение силам природы или культ предков, магия или этика, лежат в основе религии. Нет оснований полагать, что все желаемое существует, но было бы жестоко отрицать за человеком право верить в то, чего он не может доказать. Пусть человек верит сколько угодно, лишь бы он знал, что вера его бездоказательна. Тот, кто по природе своей ищет утешения и любви, которая поддерживала бы его и подбодряла, – тот, думается мне, не требует доказательств и не нуждается в них. Ему достаточно интуиции»²⁶¹.

Итог многолетних духовных поисков писателя, честно пытавшегося понять сущность человеческой природы, смысл человеческой жизни – приближение к отвергнутому им в юности христианству, но без Христа и даже без Бога: «Доброта – единственная ценность, которая в нашем мире видимостей как будто имеет основания быть самоцелью. Добродетель сама себе награда. Мне стыдно, что я пришел к столь банальному

²⁶¹ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 532.

выводу. При моей врожденной любви к эффектам я хотел бы закончить эту книгу каким-нибудь неожиданным парадоксом или циничной эпиграммой, которая дала бы читателю повод с усмешкой заметить, что он узнает мою манеру. А выходит, что мне почти нечего сказать сверх того, что можно прочесть в любых прописях или услышать с любой церковной кафедры. Я проделал долгий кружной путь, чтобы прийти к тому, что всем уже было известно»²⁶².

В своих тезисах Моэм очень созвучен с родившимся как и он в 1874 году Гилбертом Кийтом Честертоном. Результат долгих духовных поисков Честертонна – осознание того, что то, что он искал, всегда было рядом: «Я охотно сознаюсь во всех дурацких предрассудках конца XIX века. Как все важничающие мальчики, я пытался опередить век. Как они, я пытался минут на десять опередить правду. И я увидел, что отстал от нее на восемнадцать веков. По-юношески преувеличивая, я мучительно возвышал голос, провозглашая мои истины, – и был наказан как нельзя удачнее и забавнее: я сохранил мои истины, но обнаружил, что они не мои. Я воображал, что я одинок, – и был смешон, ибо за мной стояло все христианство. Может быть, прости меня Господи, я пытался оригинальничать, но я создал только ухудшен-

²⁶² Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 554-555.

ную копию традиционной веры»²⁶³. И в то же время в отличие от Честертона Моэм не решается сделать дальнейшие шаги навстречу Христу.

Однако ему удается от юношеского максимализма прийти к терпимости к людям. В «Острые бритвы» он говорит: «Когда я хорошо отношусь к человеку, я могу скорбеть о его грехах, но на мое отношение к нему это не влияет»²⁶⁴. А в «Подводя итоги» Моэм восклицает: «Люди страстны, люди слабы, люди глупы, люди жалки; обрушивать на них нечто столь грандиозное, как Божий гнев, представляется мне в высшей степени бессмысленным. Прощать людям их грехи не так уж трудно. Стоит поставить себя на их место, и почти всегда можно понять, что толкнуло их на тот или другой недозволенный поступок, а значит, и найти для них оправдание»²⁶⁵.

Разум писателя остановил движения его души, что в итоге привело к трагическому ощущению нереальности собственной жизни: «Когда я оглядываюсь на свою жизнь с ее успехами и срывами, ее бесчисленными ошибками, ее обманами и свершениями, радостями и горестями, она кажется мне до странности нереальной. Она при-

²⁶³ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 360-361.

²⁶⁴ Моэм У.С. Острые бритвы // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 274.

²⁶⁵ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 531.

зрачна и невещественна. Может быть, мое сердце, нигде не найдя покоя, глубоко затаило древнюю жажду Бога и бессмертия, с которой мой разум не желал считаться»²⁶⁶.

Уильям Сомерсет Моэм так и не прошел сквозь стену толщиной в листок папиросной бумаги, отделявшую его от веры, – ведь для его материалистического сознания она была также непроницаема, как была бы кирпичная. Но в своих книгах он запечатлел искренний духовный поиск истины и добра, занявший у него не одно десятилетие. Поэтому его книги, которые сложно назвать светлыми и добрыми, но можно назвать честными, и не оставляли равнодушными миллионы читателей.

Плоды греха в романах У.С. Моэма «Луна и грош» и «Время страстей человеческих»

Уильям Сомерсет Моэм, без сомнения, – один из популярнейших писателей своего времени. За 60 лет его творческого пути было продано более 40 миллионов экземпляров его книг²⁶⁷. Посвятивший свою жизнь изучению и описанию че-

²⁶⁶ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 555.

²⁶⁷ Дьяконова Н. Я. «Роман, автобиография или биография» // Моэм У.С. Время страстей человеческих. Л., 1984. С. 671.

ловека в разных его проявлениях Моэм, конечно же, не ставил своей целью описывать развитие греха и его плоды. Однако в его талантливых произведениях многое проявляется и помимо автора. Особенно ярко тема греха и воздаяния отражена в романах «Луна и грош» и «Бремя страстей человеческих».

«Луна и грош» (1919) – рассказ о судьбе художника; прототипом героя является Поль Гоген, впрочем, критики нередко упрекали Моэма за искажение правды образа и отход от фактов²⁶⁸. На эти упреки можно ответить словами самого Моэма из предисловия к «Записной книжке»: «Я никогда не считал, что могу написать что-то из ничего, я всегда нуждался в каком-нибудь реальном факте или характере в качестве исходной точки, но затем мое воображение, моя выдумка, чувство драматизма неизменно превращали все это в нечто принадлежавшее мне»²⁶⁹. В предисловии к двухтомному собранию сочинений Моэма В. Скороденко отмечает: «Чарз Стрикленд, преуспевающий биржевик, бросивший работу, семью, родину, чтобы исковеркав несколько судеб, стать живописцем, создать гениальные полотна, оцененные уже после его смерти, и погибнуть на

²⁶⁸ См. например, предисловие в кн. *Моэм С. Луна и грош*. М., 1960. С. 5-12.

²⁶⁹ Вопросы литературы. 1966. № 4. С. 139.

Таити в нищете и безвестности, несомненно, принадлежит Моэму и только ему»²⁷⁰.

Стрикленд, разрушавший свою жизнь и походя разрушавший жизни тех, кому не посчастливилось встретиться ему на жизненном пути, «жил беднее любого батрака. И работал тяжелее, нимало не интересуясь тем, что большинство людей считает украшением жизни. К деньгам он был равнодушен, к славе тоже. Но не стоит воздавать ему хвалу за то, что он противостоял искушению и не пошел ни на один из тех компромиссов с обществом, на которые мы все так охотно идем. Он не знал искушения. Ему ни разу даже не пришла на ум возможность компромисса. В Париже он жил более одиноко, чем отшельник в Фивейской пустыне. Стремясь к одной лишь цели, он для ее достижения был готов пожертвовать не только собой – на это способны многие, – но и другими. Он был визионер и одержимый»²⁷¹.

Об одержимости Стрикленда автор не раз потом говорит в романе, что подчеркивает душевную болезнь этого человека, по своему величественного – в финале романа слепого, умирающего от проказы, расписывающего стены хижины, которую его жена-таитянка сжигает по его завещанию...

²⁷⁰ Скороденко В. Предисловие // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 19.

²⁷¹ Моэм У.С. Луна и грош // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 155.

Показательно описание одной из картин, созданных Стриклендом, «обычный» натюрморт: «Какая болезненная фантазия создала эти плоды? Они выросли в полинезийском саду Гесперид. Было в них что-то странно живое, казалось, что они возникли в ту темную эпоху истории земли, когда вещи еще не затвердели в неизменности форм. Они были избыточно роскошны. Тяжелы от напитавшего их мрака тропиков. Они дышали мрачной страстью. Это были заколдованные плоды, отведать их – значило бы прикоснуться к тайнам человеческой души, проникнуть в неприступные воздушные замки. Они набухли неожиданными опасностями, и того, кто надкусил бы их, могли обратить в зверя или бога. Все здоровое и естественное, все приверженное добру и простым радостям простых людей должно было в страхе отшатнуться от этих плодов – и все же была в них необоримо притягательная сила: подобно плоду от древа познания добра и зла, они были чреватые всеми возможностями Неведомого»²⁷².

Вот эти плоды в какой-то мере и символизируют плоды греха, показанные Моэмом в его произведениях. Грех заразен; он уничтожает человека так же, как метастазы онкологической болезни. Человек может чувствовать надвигающуюся гибель, но не всегда он способен что-то этому

²⁷² Там же. С. 201.

противопоставить, и идет навстречу смерти с безропотностью обреченности.

Моэм блестяще показывает это, показывает и то, к чему приводит игра в «добренького». Один из героев романа «Луна и грош» Дирк Струве решает привести к себе домой больного Стрикленда. И это несмотря на то, что его жена Бланш говорит ему: «Умоляю тебя, не приводи Стрикленда. Приведи вора, пропойцу, первого попавшегося бродягу с улицы, и я обещаю тебе с радостью ходить за ним. Только не Стрикленда, заклинаю тебя, Дирк.

– Но почему?

– Я боюсь его. Он приводит меня в ужас. Он причинит нам страшное зло. Я это знаю. Чувствую. Если ты приведешь его, это добром не кончится»²⁷³.

Но Струве не слушает жену, напротив, он ее шантажирует:

«– Разве ты не была в великой беде, когда тебе протянули руку помощи? И ты еще помнишь, как много это значит. Неужели ты не хотела бы, если тебе представляется случай, вызволить из беды другого человека?»²⁷⁴.

В итоге Бланш изменяется, она ухаживает за больным Стриклендом, а когда тот выздоравливает, и Дирк говорит ему, что пора уходить, заяв-

²⁷³ Там же. С. 104.

²⁷⁴ Там же. С. 105.

ляет, что уходит с ним. Опять играющий в благородного Струве уходит сам, ведет себя как шут, безуспешно пытаясь вернуть жену, которая презрительно отвергает все его знаки внимания. Заканчивается это тем, что Стрикленду надоедает Бланш, он ее бросает, а та выпивает кислоту. Как пишет тот, от лица кого ведется повествование, «Бедная женщина лежала неподвижно и отказывалась говорить; глаза ее, устремленные в одну точку, казалось, уже видели смерть. Теперь это был вопрос двух-трех дней, не более. И когда Струве пришел ко мне поздно вечером, я понял, что она умерла»²⁷⁵. И даже перед смертью она не хотела видеть мужа.

Что же произошло с Бланш, которая до какого-то момента внешне относилась с любовью к Дирку? Свет на то, что происходило в ее душе, проливает рассказ Стрикледа: «Она была гувернанткой в семье какого-то римского князя, и сын хозяина совратил ее. Она думала, что он на ней женится, а ее выгнали на улицу. Она была беременна и пыталась покончить с собой. Струве подобрал ее и женился на ней»²⁷⁶. (И, добавим: этим ее попрекнул и шантажировал в момент, когда она почувствовала надвигающуюся угрозу). Ребенок родился мертвым. Повествователь задает вопрос Стрикленду:

²⁷⁵ Там же. С. 130.

²⁷⁶ Там же. С. 143.

«– А почему, скажите на милость, вы заинтересовались Бланш Струве?»

Он не отвечал так долго, что я уже собирался повторить свой вопрос.

– Откуда я знаю? – проговорил он наконец. – Она меня терпеть не могла. Это было забавно.

– Понимаю.

Стрикленд вдруг разозлился.

– Я ее хотел.

Но он тут же овладел собой и с улыбкой взглянул на меня.

– Сначала она была в ужасе.

– Вы ей сказали?

– Зачем? Она и так знала. Я ей ни слова не говорил. Она меня боялась. В конце концов, я взял ее»²⁷⁷.

И после этого Бланш попадает в психологическую зависимость от Стрикленда, решает оставить мужа и быть с ним. Он же свое отношение к ней описывает так: «Когда она сказала, что уйдет со мной, я удивился не меньше Струве. Я ей сказал, что, когда она мне надоест, ей придется собирать свои манатки, и она ответила, что идет на это. – Он сделал паузу. – У нее было дивное тело, а мне хотелось писать обнаженную натуру. После того как я закончил портрет, она меня не интересовала»²⁷⁸. Когда же его упрекают в ее смерти,

²⁷⁷ Там же. С. 143-144.

²⁷⁸ Там же. С. 144.

Стрикленд спокойно говорит: «Бланш Струве покончила с собой не потому, что я бросил ее, а потому, что она была женщина вздорная и неуравновешенная. Но хватит говорить о ней, не такая уж она важная персона. Пойдемте, я покажу вам свои картины»²⁷⁹.

Что творилось в душе Бланш? Почему она не могла видеть мужа? По мнению Стрикленда, «женщина может простить мужчине зло, которое он причинил ей, но жертв, которые он ей принес, она не прощает»²⁸⁰.

Вряд ли можно согласиться с этими объяснениями. Скорее всего, однажды пройдя через те муки, которые приносит запретная страсть и через попытку самоубийства, она инстинктивно чувствовала надвигающуюся угрозу и безошибочно определила ее источник. Она поняла, что, возможно, ей предстоит второй раз пройти через те муки, которые однажды уже были в ее жизни, и в этот раз она не справится. В своем слабом муже она искала защиту, а тот наоборот толкнул ее к тому, кто должен ее погубить. Он тем самым предал ее, предал в том, что она не могла простить, даже находясь перед лицом смерти. После того, как человек, ухаживать за которым муж ее фактически принудил, изнасиловал ее, в душе Бланш запустился механизм распада, развития

²⁷⁹ Там же. С. 145-146.

²⁸⁰ Там же. С. 143.

греховного начала. Она пыталась еще создать какую-то иллюзию нормальной жизни со Стриклендом, но разве это было в принципе возможно? И как итог: потеря смысла жизни и повторение попытки самоубийства, на этот раз приведшее к мучительной смерти.

Как же ведет себя Дирк Струве со Стриклендом после трагических событий?

«– Что же ты сказал Стрикленду, когда встретился с ним?

– Я предложил ему поехать со мной в Голландию.

Я опешил и с дурацким видом уставился на Струве.

– Мы оба любили Бланш. В доме моей матери для него нашлась бы комнатка. Мне казалось, что соседство простых бедных людей принесет успокоение его душе. И еще я думал, что он научится у них многим полезным вещам.

– Что же он сказал?

– Улыбнулся и, кажется, подумал, что я дурак. А потом заявил, что “ерундить” ему неохота»²⁸¹.

Поступок Дирка – это не христианское прощение, это какая-то уродливая форма толстовства, которая под видом непротивления злу дает почву и возможность тому развиваться. И все это под красивые слова, из высоких соображений.

²⁸¹ Там же. С. 138.

Такие вот «обычные» люди по-своему хуже, чем Стрикленд, с которым изначально все понятно, – он болен, одержим своими страстями. Эти же страшны своей внешней респектабельностью, они уничтожают человека, прикрываясь веером красивых фраз.

Если отвлечься от творчества Моэма, то блестяще это передает фильм «Догвилль» – в затерянный американский городок, где живут «обычные добропорядочные люди» попадает девушка, которая от кого-то скрывается. Парень, который ее встречает, любит высокопарно рассуждать, говорит ей, что она должна заслужить доверие жителей городка. В итоге же оказывается, что внешняя благопристойность – лишь ширма. Над девушкой издеваются, ее все подряд насилюют, потом вообще сажают на цепь. Узнав, что ее разыскивает мафия, решают получить за нее вознаграждение. И при этом продолжают считать себя цивилизными гражданами. А вот тут их ждет разочарование. Отец девушки – главарь мафии. Она бежала от него, думая, что в другом месте сможет жить чистой жизнью. И вот что нашла... Отец предлагает ей сделать с жителями городка все, что она захочет, и девушка убивает всех...

Этот фильм Ларса фон Триера показывает, как страшен «маленький» грех, скрывающийся под маской приличия, в котором человек и само-

му себе не хочет признаться; как страшно самооправдание, как растут в геометрической прогрессии грех и зло, как снежный ком, катящийся с горы; как грех неизбежно рождает смерть, что не нужно бежать куда-то от себя, точку опоры нужно искать в собственной душе. И эти проблемы переплетаются с теми, которые проявляются в романе «Луна и грош».

Другой, во многом автобиографический, роман Моэма «Бремя страстей человеческих» очень многопланов и сложен. Поэтому хотелось бы выделить в рамках этой работы один лишь пример – Милдред Роджерс, к которой главный герой Филипп Кэрри пылает необъяснимой страстью. По мнению Н.Я. Дьяконовой, «Моэм нередко даже выходит за границы правдоподобия, изображая свою героиню настолько отталкивающей, что невозможно поверить в ее власть над влюбленным»²⁸². Она объясняет это тем, что «повидимому, чувство к ней должно показать умалчиваемое благопристойными романистами не рассуждающее физическое влечение, более могущественное, чем интеллект и благородство. Здесь Моэм показывает себя человеком нового, “фрейдовского” поколения с его уверенностью в приоритете подсознания над сознанием или, го-

²⁸² Дьяконова Н. Я. «Роман, автобиография или биография» // Моэм У.С. Бремя страстей человеческих. Л., 1984. С. 669.

воря языком старой трагедии, с уверенностью победы страсти над долгом»²⁸³.

Вряд ли с этим можно согласиться: образ Милдред очень живой и, скорее всего, списан с натуры. Герой сам не понимает своего выбора: «он вспомнил свои мальчишеские мечты, и ему казалось невероятным, что он влюбился в Милдред Роджерс. Даже имя ее было уродливо. Он вовсе не считал ее красивой, ему не нравилась ее худоба – сегодня вечером он заметил, как торчат ключицы, а вырезе ее вечернего платья, он перебрал в памяти одну за другой ее черты; у нее был неприятный рот и противный, болезненный цвет лица. Она была вульгарна. Ее речь, грубая и бедная, отражала скудость мысли; он вспомнил ее резкий смех в театре, претенциозно отставленный мизинец, когда она подносила ко рту бокал; ее манеры, так же как и ее слова, были полны отвратительного жеманства. Он вспомнил ее заносчивость – часто его так и подмывало отвесить ей пощечину; и вдруг – неизвестно почему, то ли при мысли, что ее можно ударить, то ли при воспоминании о ее крошечных красивых ушах – его охватило глубокое волнение. Он томился по ней»²⁸⁴.

Страсть Филиппа к Милдред заставляла его совершать множество безумств, но сама Милдред,

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Мозэм У.С. Время страстей человеческих. Л., 1984. С. 302.

не ценящая то, что ее любят, идущая на поводу своих страстей, скатывалась все ниже, навстречу гибели. Не раз предпочтя Кэрри других, она рождает ребенка от одного из них, потом и вовсе становится проституткой. Филипп же, встретив ее, предлагает ей с ребенком пожить у него, без близких отношений, чтобы она могла выбраться из болота, в которое попала. Но в итоге она все равно уходит от него и как? «Квартира была разгромлена. Все, что в ней находилось, было намеренно уничтожено. Вне себя от ярости он бросился в комнату Милдред. Там было темно и пусто. Все вещи на умывальнике были разбиты, сиденья обоих стульев разрезаны крест-накрест ножом, подушка вспорота, в простынях и одеяле прорваны огромные дыры, зеркало, по-видимому, расколото молотком. Филипп был потрясен. <...> Милдред не оставила даже письма – свою ярость она выразила этим разгромом; он представил себе ее застывшее лицо, когда она все это проделывала»²⁸⁵.

Он еще раз встречается ее, больную венерической болезнью. Он помогает ей лечиться. «Филиппу хотелось спросить о ребенке, но не хватало духа. Наконец, она сама сказала:

- Знаешь, девочка прошлым летом умерла.
- А-а!

²⁸⁵ Там же. С. 528.

– Ты бы мог по крайней мере сказать, что тебе ее жалко.

– Мне ее не жалко, – ответил он. – Я рад за нее»²⁸⁶.

В этом эпизоде писатель замечательно показал, что есть вещи, худшие, чем смерть. Но стоило Милдред немного подлечиться, как она вновь вернулась к проституции. Филипп пытался ее остановить:

«– Я отведу тебя домой! Ты не понимаешь, что ты делаешь. Ведь это же преступление!

– Плевать! Мужчины мне столько в жизни гадили, что пусть теперь сами о себе думают.

Она оттолкнула его и, подойдя к кассе, протянула деньги. В кармане у Филиппа было всего три пенса. Он не мог пойти за ней. Отвернувшись, он медленно зашагал прочь.

“Что я могу поделать?” – сказал он себе.

Это был конец. Больше он ее не видел»²⁸⁷.

Кэрри обретает облегчение своей страсти к концу романа, итог же развития страстей Милдред вполне очевиден.

Плоды греха – болезнь и смерть; это очень наглядно показал Моэм в своих романах «Луна и грош» и «Время страстей человеческих», хотя и не ставил такой задачи.

²⁸⁶ Там же. С. 593.

²⁸⁷ Там же. С. 595.

Становление личности в романе У.С. Моэма «Узорный покров»

По мнению В. Скороденко, «Узорный покров» – роман «...о силе любовного наваждения, его преодолении и трудном становлении души и характера никогда не числился среди наиболее значительных книг писателя, а между тем это важная веха в его творческом развитии, и в нем есть все то, что составляет сильную сторону прозы Моэма»²⁸⁸.

Идея повести родилась у У.С. Моэма, когда в двадцать лет, будучи в Италии, он изучал итальянский язык, читая Данте. В «Чистилище» его внимание привлек сюжет про Пию, сиенскую дворянку, «чей муж, заподозрив ее в неверности, но опасаясь мести знатной родни в том случае, если он велит ее убить, отвез ее в свой замок в Маремме, в расчете, что тамошние ядовитые испарения с успехом заменят палача; однако она не умирала так долго, что он потерял терпение и приказал выбросить ее из окна»²⁸⁹. Как пишет Моэм, «история эта почему-то поразила мое воображение, я мысленно поворачивал ее так и эдак в течение многих лет, снова и снова раз-

²⁸⁸ Скороденко В. Предисловие // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 21.

²⁸⁹ Моэм У.С. Узорный покров // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 211.

мышлял над ней по два-три дня кряду. Я все повторял про себя строчку “Сиена породила меня, Маремна меня погубила”. Но это был лишь один из многих сюжетов теснившихся у меня в голове, и я подолгу не вспоминал о нем. Я, разумеется, представлял себе какую-то современную повесть и никак не мог придумать, в какой современной обстановке такие события могли бы произойти, не утратив правдоподобия. Нашел я такую обстановку лишь после того, как совершил долгое путешествие в Китай»²⁹⁰.

В итоге же роман «Узорный покров» получился намного значимее тех задумок, которые заставили писателя взяться за его написание. Моэм остро ставит в нем проблемы любви и измены, жизни и смерти, религиозного выбора, отношения поколений, отношения наций и культур. И все это сквозь призму внутренних переживаний и становления как личности главной героини романа – Китти. Автор блестяще показывает, как по мере развития ее души изменяется и ее восприятие мира вокруг. Глупая девушка, живущая в плену внушенных ей с детства матерью стереотипов, не знающая жизни, от которой ее прятали сначала родители, а потом муж, идущая на поводу своих желаний, столкнувшись со смертью, страданием, самоотверженностью других, в течение нескольких месяцев осознает, насколько

²⁹⁰ Там же.

никчемной в сущности была ее жизнь; она осознает себя личностью, ответственной за себя и за тех, кто рядом с ней.

Какова была обстановка, в которой росла Китти? Ее мать, «миссис Гарстин была женщина жестокая, властная, честолюбивая, скупая и недалекая. Она была одной из пяти дочерей ливерпульского юриста, и Бернارد Гарстин познакомился с ней, когда приезжал в Ливерпуль на выездную сессию суда. Он производил тогда впечатление многообещающего молодого человека, ее отец уверял, что он далеко пойдет. Этого не случилось. Он был старательный, трудолюбивый, способный, но слишком слабовольный, чтобы выдвинуться. Миссис Гарстин презирала его. Однако она пришла к выводу, правда малоутешительному, что сама может добиться успеха только через мужа, и принялась подгонять его по выбранной ею дороге. Она пилила его немилосердно»²⁹¹. «За двадцать пять лет миссис Гарстин ни разу не пригласила в гости человека только потому, что он ей нравился. Через определенные промежутки времени она давала званые обеды. Но честолюбие в ней вечно боролось со скупостью. Она терпеть не могла тратить деньги. Она уверяла себя, что не хуже других умеет пустить пыль в глаза, а обходится ей это вдвое дешевле. Обеды ее были долгие, обдуманы тщательно, но

²⁹¹ Там же. С. 221.

рассчитаны экономно, и до ее сознания просто не доходило, что люди, когда едят и беседуют, разбираются в том, что пьют»²⁹². На Китти «миссис Гарстин сосредоточила всю любовь, на какую была способна, – любовь жесткую, практичную, расчетливую. Она опять лелеяла честолюбивые мечты – эта ее дочь должна сделать не просто хорошую, а блестящую партию, на меньшее она не согласна»²⁹³. Отец в этой семье рассматривался просто как человек, который обязан их всех содержать, и заслуживающий презрения из-за того, что не может делать это достаточно хорошо, не получая ничего взамен.

В итоге Китти выходит замуж не за такого человека, как ей хотелось бы, она просто боится, что вообще не найдет подходящей партии, а ее торопит мать. Она уезжает с мужем в колонию, где он работает бактериологом, знакомится там с местным чиновником, помощником губернатора Гонконга, женатым мужчиной Чарли Тансендом, старше ее примерно на пятнадцать лет. Становится его любовницей. Муж Китти, Уолтер, узнает об этом. Он ставит условие: или Китти едет с ним в Мэй-дань-фу, где свирепствует холера, и куда он, узнав об измене жены, решил отправиться в качестве врача, либо он подает иск о разводе, где ответчиком будет любовник Китти. А тот, бо-

²⁹² Там же. С. 222.

²⁹³ Там же. С. 224.

ясь скандала, который повредит его карьере, не желая разводиться со своей женой, всячески подталкивает любовницу к тому, чтобы она ехала. Теперь женщина видит помощника губернатора таким, каким видел его ее муж, о чем и говорит ему прямо в лицо: «Теперь я знаю все, что он знал давно. Знаю, что черствый, бессердечный. Что ты эгоист до мозга костей, что храбрости у тебя как у кролика, что ты лжец и притворщик, презренный человек»²⁹⁴. Она понимает, что не нужна любовнику, не нужна родителям; она едет с мужем в путь, в который он отправился в надежде, что холера убьет их обоих: Уолтер слишком был влюблен в жену и не мог смириться с ее изменой.

В результате он умер от холеры, но как правильно сказала сама Китти «Уолтер умер от разбитого сердца»²⁹⁵ – он не смог простить ни жену за измену, ни себя за то, что потащил ее на смерть. Последние его слова были: «Собака сдохла»²⁹⁶.

Китти изживает чувства к Таундсену, муж в экстремальных условиях открывается ей с новой

²⁹⁴ Там же. С. 265.

²⁹⁵ Там же. С. 342.

²⁹⁶ У английского поэта, драматурга и романиста Оливера Голдсмита (1728-1774) есть хрестоматийно известная «Элегия на смерть бешеной собаки» - шуточное стихотворение о том, как человека укусила бешеная собака и все прочили ему близкую смерть. Но случилось чудо — так заканчивается стихотворениеб «Укушенный остался жив, собака околела».

стороны. Но она так и не может понять, почему он не может ее простить. «Ее подмывало воззвать к его чувству юмора. После всего, что они пережили, среди всех этих ужасов и невзгод, идиотством казалось придавать значение такой ерунде, как блуд. Когда смерть подстерегает за каждым углом и уносит свои жертвы, как крестьянин – картошку с поля, не все ли равно, хорошо или плохо тот или иной человек распоряжается своим телом. Если б он только мог понять, как мало значит для нее теперь Чарли – даже лицо его вспоминается уже с трудом, – как безвозвратно эта любовь ушла из ее сердца! У нее не осталось к Таундесену ни капли чувства, и потому обесмысливалось все, в чем они были повинны. Сердце ее снова свободно, а что тут было замешано тело – да наплевать на это!»²⁹⁷ И даже узнав, что беременна, она не может понять, почему Уолтеру так важно то, что она не может определенно сказать ему его это ребенок или Чарли. Китти думает: «Чудаки эти мужчины, что придают такое значение верности жен. <...> Их роль в этом так ничтожна. Это женщина долгие месяцы носит ребенка, женщина в муках рождает его, а мужчина сбоку припека, туда же, со своими претензиями. Почему это должно влиять на его отношение к ребенку?»²⁹⁸

²⁹⁷ Там же. С. 320.

²⁹⁸ Там же. С. 321.

Но если некоторые вещи женщина так и не смогла понять, то в целом месяцы, проведенные ею в вымирающей от холеры местности – время вызревания ее души.

Для понимания того, как менялась Китти, важен опыт ее общения с настоятельницей католического монастыря. Монахиня рассказывала ей: «После причастия я помолилась Иисусу о ниспослании мне душевного покоя и явственно услышала в ответ: “Ты тогда обретешь его, когда перестанешь его желать”»²⁹⁹.

«– Великое это несчастье – иметь сердце, – улыбнулась Китти.

– Зато великое счастье – посвятить это сердце любви к Спасителю.

Тут к настоятельнице подошла одна из младших девочек и, уверенная, что ее не прогонят, показала ей неизвестно где раздобытую очень страшную игрушку. Настоятельница обняла девочку за плечи своей прекрасной худощавой рукой, а та доверчиво к ней прижалась. И Китти опять отметила, как ласкова ее улыбка и как безлична.

– Просто поразительно, та тебе, как эти сиротки вас обожают. Я бы загордилась, если б могла вызывать такое преклонение.

И ей настоятельница тоже подарила отрешенную и однако же прекрасную улыбку.

²⁹⁹ Там же. С. 328.

– Единственный способ завоевывать сердца – это уподоблять себя тем, чью любовь мы хотим заслужить»³⁰⁰.

Важен опыт ее общения с другими монахинями. «Но самое сильное впечатление произвели на нее именно монахини. Сестра Сен-Жозеф, ее веселые глаза и щечки-яблочки... она была одной из тех немногих, что приехали в Китай вместе с настоятельницей десять лет назад; на ее глазах ее товарки одна за другой умирали от болезней, лишений и тоске по родине, а она не поддавалась ни унынию, ни страху. Откуда в ней эта прелестная простодушная веселость?»³⁰¹.

Но еще более важен опыт практического служения больным несчастным китайским девочкам, которые монахини спасли от смерти, и заботе о которых посвятили свои жизни. «Первые несколько недель она лишь с усилием преодолевала легкое отвращение, которое вызывали в ней эти девчушки, все одинаково одетые, с торчащими черными волосами, круглыми желтыми лицами и глазами-смородинами. Но она вспоминала, как в день ее первого посещения чудесно преобразилось лицо настоятельницы, когда ее обступили эти уродцы, и старалась побороть это чувство. И постепенно, когда она брала на руки кого-то из плачущих крошек, – эта упала и расшиблась,

³⁰⁰ Там же. С. 330.

³⁰¹ Там же. С. 294.

у той режется зуб – и раз за разом убеждалась, что несколько ласковых слов, пусть и произнесенных на непонятном для них языке, прикосновение ее рук, ее мягкая щека, к которой прижималась плачущая желтая рожица, способны успокоить и утешить, неприятное чувство совсем пропало. Малышки безбоязненно тянулись к ней со своими младенческими горестями, и их доверие наполняло ее счастьем. То же было и с девочками постарше, теми, которых она учила шить; ее трогали их широкие, понимающие улыбки и радость, которую им доставляли ее похвалы. Она чувствовала, что они ее любят, и, польщенная, гордая, сама проникалась к ним любовью»³⁰².

Китти, хотя ей и хорошо в монастыре, чувствует себя здесь чужой, по ее мнению «в спокойной веселости сестры Сен-Жозеф, а тем более в безупречной учтивости настоятельницы она чувствовала гнетущую отчужденность. Они были приветливы, даже сердечны, но что-то держали про себя, тем давая ей почувствовать, что она для них – посторонний человек, всего лишь случайная знакомая. Между ними и ею стояла преграда. Они говорили на другом языке не только вслух, но даже и в мыслях»³⁰³. И это притом, что они не пытались обратить ее в католичество из протестантизма. Как говорит Китти: «Им некогда этим

³⁰² Там же. С. 303.

³⁰³ Там же. С. 294-295.

заниматься. Да это для них и не важно. Они бесконечно добры, вообще это удивительные женщины»³⁰⁴. А как они морально поддерживали Китти, когда она забеременела! «Мысль, что Китти ждет ребенка, смущала и будоражила этих бесплодных женщин. Они и робели перед Китти, и тянулись к ней. Физическую сторону ее состояния они воспринимали вполне здраво, ибо были дочерьями крестьян и рыбаков; но детские их сердца были полны благоговения. Мысль о бремени, которое она носит под сердцем, тревожила их и в то же время вызывала душевный подъем. Сестра Сен-Жозеф говорила, что все они за нее молятся, а сестра Сен-Мартен выразила сожаление, что Китти не католичка. Но настоятельница побранила ее и объяснила, что и протестантка может быть хорошей женщиной»³⁰⁵.

Китти ищет Бога, но она не может это выразить. Она пытается найти ответ на ту тайну, которая мучает ее сердце, то у монахинь, то у маньчжурки – сожительницы ее знакомого Уоддингтона. Сама женщина так формулирует это: «Я чего-то ищу, чего – сама не знаю. Но знаю, что это очень важно и что, если найти, все пойдет по-другому. Может быть, это известно монахиням; но, когда я с ними, я чувствую, что они знают секрет, которым не хотят делиться. Почему-то

³⁰⁴ Там же. С. 310-311.

³⁰⁵ Там же. С. 326.

мне пришло в голову, что если я увижу эту женщину, мне станет понятно, чего я ищущу. Может, она мне и сказала бы, если бы могла»³⁰⁶. При встрече с этой маньчжуркой на Китти «повеяло чем-то потусторонне-таинственным. Вот он, Восток, древний, неведомый, непостижимый. Верования и идеалы Запада показались ей грубыми по сравнению с теми идеалами и верованиями, что словно воплотились в этом изысканно-прекрасном создании. Перед ней была другая жизнь, жизнь в совершенно ином измерении. Перед лицом этой куклы с накрашенным ртом и настороженными раскосыми глазами искания и боли повседневного мира утрачивали всякий смысл. Словно за размалеванной маской скрывалось огромное богатство глубоких, значительных переживаний, словно эти тонкие, изящные руки с длинными пальцами держали ключ к неразрешимым загадкам»³⁰⁷.

Ответ Уоддингтона на вопрос Китти о том, не знает ли он, что она ищет, выдает человека, проникшегося философией Востока: «Дао. Путь. Одни из нас ищут его в опиуме, другие в Боге, кто в вине, кто в любви. А Путь для всех один и ведет в никуда»³⁰⁸.

³⁰⁶ Там же. С. 325.

³⁰⁷ Там же. С. 324.

³⁰⁸ Там же.

Но такая философия не может устроить деятельную ищущую молодую женщину. Она чувствует внутреннюю правду в том, как живут монахини, но не может довериться Богу, и это ее мучает. Важен здесь ее разговор с Уоддингтоном после смерти ее мужа:

«– Час назад, когда Уолтера обмывали, я смотрела на него. На вид он был совсем молодой, таким рано умирать. Помните того нищего, которого мы видели, когда вы в первый раз вытащили меня погулять? Я тогда испугалась не потому, что он был мертвый, а что выглядел так, будто никогда и не был человеком. Просто мертвое животное. А Уолтер выглядел как машина, у которой кончился завод. Вот что ужасно. Ведь если это только машина, до чего же бессмысленны все наши страдания, боли, душевные муки!»³⁰⁹

И несколько позже она выдает, какая именно стена стоит между ней и монахинями:

«– А если “жизни бесконечной” нет? Подумайте, что это значит, если со смертью действительно кончается все? Они от всего отказались – и не получили ничего. Их обманули. Одурачили»³¹⁰.

Ответ Уоддингтона показывает, почему он со всеми своими рассуждениями о Дао, ближе к монахиням, чем Китти:

³⁰⁹ Там же. С. 340.

³¹⁰ Там же. С. 341.

«– Не знаю так ли уж это важно, что их высокая цель оказалась иллюзией. Жизнь их сама по себе прекрасна. Мне представляется, что на мир, в котором мы живем, можно смотреть без отвращения только потому, что есть красота, которую человек время от времени создает из хаоса. Картины, музыка, книги, которые он пишет, жизнь, которую ему удастся прожить. И больше всего красоты заключено в прекрасно прожитой жизни. Это самое высокое произведение искусства»³¹¹.

Его слова не смогли дать ответ ищущей высшей правды душе – Китти ведь чувствует, что то, чем живут монахини вовсе не иллюзия.

После смерти мужа она должна вернуться в Англию, возвращается туда к похоронам матери. Перед отъездом у нее происходит еще одна близость с ее любовником – она не смогла уступить его напору – но теперь Китти видит это совсем иначе, чем раньше. Женщина торопит отъезд, а на прощание говорит ему: «Я не чувствую себя человеком. Я животное. Свинья, или кролик, или собака. О, я тебя не виню. Я и сама не лучше. Я тебе уступила, потому что хотела тебя. Но это была не я – та мерзкая, скверная, развратная женщина. Это не я лежала на постели, задыхаясь от твоих ласк, когда моего мужа только что опустили в могилу, а твоя жена была так добра ко

³¹¹ Там же. С. 341.

мне, так бесконечно добра. То был зверь, который живет во мне, темный, страшный, как злой дух, и я его не признаю, я его ненавижу, презираю. Стоит про это вспомнить, тошно становится, как будто меня сейчас вырвет»³¹².

В конце романа, обращаясь к отцу, на которого долгие годы смотрела лишь как на обезличенный источник ее благополучия, Китти просит у него прощения: «Дай мне хоть раз высказаться откровенно, папа. Я была глупая, скверная, отвратительная. Я была жестоко наказана. <...> Я не та Китти, которая уезжала отсюда. Я очень слабая, но кажется уже не такая дрянь, как была тогда. У меня никого не осталось кроме тебя. Позволь мне попытаться заслужить твою любовь. Ах, папа, мне так одиноко, так тоскливо, твоя любовь мне так нужна!»³¹³. И она говорит также о том, какой хотела бы видеть свою дочь: «Я хочу девочку, потому что хочу вырастить ее так, чтобы она не повторила моих ошибок. Когда я оглядываюсь на свое детство, я себя ненавижу. Но у меня и возможностей не было стать иной. Я воспитаю свою дочку свободной, самостоятельной. Не для того произведу ее на свет, чтобы какому-то мужчине так сильно захотелось с ней спать, что он ради этого согласится до конца жизни давать ей кров и пищу. <...> Хочу, чтобы она была бесстрашной и

³¹² Там же. С. 364.

³¹³ Там же. С. 373.

честной, чтоб была личностью, независимой от других, уважающей себя. И чтобы воспринимала жизнь как свободный человек и прожила свою жизнь лучше, чем я»³¹⁴.

За этим внешне красивым монологом читается то, что Китти в иной форме хочет повторить судьбу своей матери: не достигнув еще и тридцати лет, она уже рассуждает о том, не что она сделает, какой она будет, а какой будет ее дочь. И отец справедливо замечает ей на это: «Дорогая моя, ты говоришь так, точно тебе пятьдесят лет. У тебя еще вся жизнь впереди. Не унывай»³¹⁵.

Но с другой стороны – это всего лишь взволнованная речь молодой женщины, у которой совсем недавно умер муж, умерла мать, а отец сомневается, брать ли ее с собой туда, куда он получил назначение. И завершающие слова романа показывают выбор, свершившийся в ее душе, который ей пока еще сложно сформулировать: «Быть может не напрасны были все ее ошибки и заблуждения, все муки, перенесенные ею, если теперь она сумеет пройти той дорогой, которую смутно различает впереди, – не тем путем, ведущим в никуда, о котором говорил забавный чудак Уоддингтон, а тем, которым так смиренно следо-

³¹⁴ Там же. С. 373-374.

³¹⁵ Там же. С. 373

вали монахини, – путем, что ведет к душевному покою»³¹⁶.

Строительство ада и рая жизнью человека в рассказах У.С. Моэма

Уильям Сомерсет Моэм был блестящий психолог, знаток тонких движений человеческих душ. Как всякий, кто посвятил свою жизнь изучению человека, познавая других через познание себя, он очень многое понимал о других из того, что те сами в себе не замечали. Он очень близко подходил к тому, чтобы стать христианином; наверное, про него можно было бы сказать так же, как сказал один из его литературных героев другому: «Стена, отделяющая вас от веры, не толще листка папиросной бумаги»³¹⁷. Но через стену эту писатель не прошел.

Между тем вопросы веры, вопросы человеческой жизни, которая может быть прожита так, что не только для того, кто ее проживает, но и для тех, кто рядом, она может стать земным и вполне материалистически воплощенным началом ада или началом рая, очень волновали писателя. Иногда ведь бывает так, что человек, строя ад, думает, что строит рай, а порой человек, ни-

³¹⁶ Там же. С. 374.

³¹⁷ Моэм У.С. Острие бритвы // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 227

когда не задумывавшийся о вере, поступает так, что преодолевая страхи, болезни, перед лицом неизбежной смерти меняет не только свою жизнь, но и окружающих. И в этой связи очень показательны два рассказа У.С. Моэма – «Дождь» и «Санаторий».

Первый из них – «Дождь» – рассказывает о внешне благочестивейшей паре миссионеров, которые, как кажется, всю жизнь свою посвятили христианскому служению в языческой среде: «Макфейлы уж знали, что Дэвидсон провел пять лет на Соломоновых островах еще до того, как познакомился со своей будущей женой. Она была миссионером в Китае, и они встретились в Бостоне, куда приехали на съезд миссионеров. <...> Он был не только миссионером, но и врачом, и его помощь в любое время могла потребоваться на том или ином острове. В сезон дождей даже вельбот – ненадежное средство передвижения по бушующим валам Тихого океана, а за ним часто присылали просто пирогу, и тогда опасность была очень велика. Если его звали к больному или раненому, он никогда не колебался. Десятки раз ему приходилось всю ночь напролет вычерпывать воду, чтобы избежать гибели, и порою миссис Дэвидсон уже теряла надежду вновь его увидеть»³¹⁸.

³¹⁸ Моэм У.С. Дождь // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 319

Но чем оборачивается для окружающих их готовность к самопожертвованию и «христианская» любовь? Посмотрим на некоторые из рассказов миссионера и его супруги доктору и его жене, с которыми волей обстоятельств они оказались вынуждены проводить вместе достаточно много времени, так что это позволило им раскрыться. «Миссионер рассказал им о своей работе на островах: «Когда мы приехали туда, они совершенно не понимали, что такое грех, – говорил он. – Они нарушали заповеди одну за другой, не сознавая, что творят зло. Я бы сказал, что самой трудной задачей, стоявшей передо мной, было привить туземцам понятие о грехе»³¹⁹. Супруги-миссионеры были на редкость единомысленны. «Нам не от кого было ждать помощи. Мы были одни среди тьмы, и тысячи миль отделяли нас от людей, близких по духу. Когда уныние и усталость овладевали мной, она откладывала свою работу, брала Библию и читала мне, и мир нисходил в мою душу, как сон на глаза младенца, а закрыв, наконец, священную книгу, она говорила: “Мы спасем их вопреки им самим”. И я чувствовал, что Господь снова со мной, и отвечал: “Да, с Божьей помощью я спасу их. Я должен их спасти”»³²⁰. И как же он их «спасает»?

³¹⁹ Там же

³²⁰ Моэм У.С. Дождь // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 325

«Я учредил штрафы. Ведь само собой разумеется, что единственный способ заставить человека понять греховность какого-то поступка – наказывать его за этот поступок. Я штрафовал их, если они не приходили в церковь, я штрафовал их, если они плясали. Я штрафовал их, если их одежда была неприлична. Я установил тариф, и за каждый грех приходилось платить деньгами или работой. И в конце концов я заставил их понять»³²¹.

«На наших островах, – продолжала миссис Дэвидсон своим пронзительным голосом, – мы практически искоренили лава-лава³²². В них ходят только несколько стариков. Все женщины носят длинные балахоны, а мужчины – штаны и рубашки. В самом начале нашего пребывания там мистер Дэвидсон написал в одном из своих отчетов: «Обитатели этих островов по-настоящему проникнутся христианским духом только тогда, когда всех мальчиков старше десяти лет заставят носить штаны»³²³.

Тем, кто ослушивался, грозило отнюдь не духовное наказание: «Они не могли продавать копру. И не участвовали в общем улове. В конеч-

³²¹ Моэм У.С. Дождь // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 326

³²² Традиционная набедренная повязка или юбочка у полинезийцев

³²³ Моэм У.С. Дождь // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 319

ном счете это означало голодную смерть»³²⁴. Причем реальность гнева пастора была ощутима не только для туземцев: попробовавший противостоять ему датский торговец «через два года был разорен. Он потерял все, что накопил за двадцать пять лет. Я сломил его, и в конце концов он был вынужден прийти ко мне как нищий, и просить у меня денег для проезда в Сидней»³²⁵.

И эти две пары – миссионеры и врач с женой – оказываются вынуждены провести какое-то время на одном из островов, где остановился корабль, на котором они добирались к местам своей работы. Комнату в гостинице вместе с ними снимает проститутка. Она их никак не задевает, но проповедник считает своим долгом «обратить» ее, используя те методы, к которым привык, и облекая это в возвышенные слова о любви Христовой.

«– Зачем тебе нужно заходить к ней, Альфред? – спросила его жена.

– Это мой долг. Я ничего не хочу предпринимать, пока не дам ей возможности вернуться на путь истинный.

– Ты ее не знаешь. Она тебя оскорбит.

³²⁴ Моэм У.С. Дождь // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 326

³²⁵ Моэм У.С. Дождь // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 326-327

– Пусть оскорбляет. Пусть плюет на меня. У нее есть бессмертная душа, и я должен сделать все, что в моих силах, чтобы спасти ее»³²⁶.

И он проводит огромную работу, в том числе несколько встреч с губернатором, чтобы ее отослали в Сан-Франциско, куда она очень боится попасть.

Та, на которую миссионер оказывал такое давление, разительно меняется внешне.

Первая ее реакция была очень эмоциональна: «Внезапно дверь распахнулась и в комнату влетела мисс Томпсон. Она обвела их взглядом и затем шагнула к Дэвидсону.

– Что ты, погань, наплел на меня губернатору?

Она заикалась от бешенства. На секунду воцарилась тишина. Затем миссионер пододвинул ей стул.

– Садитесь, пожалуйста, мисс Томпсон. Я давно надеялся еще раз побеседовать с вами.

– Сволочь ты поганая.

Она обрушила на него поток площадной ругани. Дэвидсон не спускал с нее внимательного взгляда.

– Меня не трогает брань, которой вы сочли нужным осыпать меня, мисс Томпсон, – ска-

³²⁶ Моэм У.С. Дождь // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 333

зал он, – но прошу вас не забывать, что здесь присутствуют дамы.

Теперь к ее гневу уже примешивались слезы. Лицо у нее покраснело и вздулось, словно ее что-то душило»³²⁷.

Но по прошествии времени (очень непродолжительного) «это была уже не нахальная девушка, которая насмеялась над ними на шоссе, а измученная страхом женщина. Ее волосы, всегда тщательно уложенные в прическу, теперь свисали космами. На ней были шлепанцы и заношенные, измятые блузка и юбка. Она стояла в дверях, не решаясь войти; по лицу ее струились слезы»³²⁸.

Вскрывается причина, почему она так боится Сан-Франциско:

«Она выкрикивала бессвязные мольбы, и слезы ручьями катились по ее накрашенным щекам. Он наклонился к ней и, приподняв голову, заглянул ей в глаза.

– Так, значит, исправительный дом?

– Я смылась, а то меня бы зацапали, – отрывисто шептала она. – Если я попадусь быкам, мне впаяют три года»³²⁹.

³²⁷ Моэм У.С. Дождь // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 337-338

³²⁸ Моэм У.С. Дождь // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 343

³²⁹ Моэм У.С. Дождь // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 344

И даже раскаяние женщины, ее обещания изменить свою жизнь, не меняют решимости миссионера отправить ее в то место, которое ее страшит. Это именно его решение; губернатору все равно, но на него повлияли слова проповедника о том, что его «миссия пользуется кое-каким влиянием в Вашингтоне. Я указал губернатору, что жалоба на его халатность вряд ли принесет ему большую пользу»³³⁰.

При этом миссионер проводит очень много времени наедине с женщиной, и так надломленной той жизнью, которую она вела, и которую он сумел психологически доломать, думая при этом, что пробудил ее для жизни вечной. Показателен его разговор с доктором:

«– Это просто чудо, – сказал он как-то за ужином. – Это истинное пробуждение. Ее душа, которая была чернее ночи, ныне чиста и бела, как первый снег. Я исполнен смирения и трепета. Ее раскаяние во всем содеянном ею, прекрасно. Я недостойн коснуться края ее одежды.

– И у вас хватит духа послать ее в Сан-Франциско? – спросил доктор. – Три года американской тюрьмы! Мне кажется, вы могли бы избавить ее от этого.

– Как вы не понимаете! Это же необходимо. Неужели вы думаете, что мое сердце не обливаает-

³³⁰ Моэм У.С. Дождь // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 339

ся кровью? Я люблю ее так же, как мою жену и мою сестру. И все время, которое она проведет в тюрьме, я буду испытывать те же муки, что и она.

– А, ерунда! – досадливо перебил доктор.

– Вы не понимаете, потому что вы слепы. Она согрешила и должна пострадать. Я знаю, что ей придется вытерпеть. Ее будут морить голодом, мучить, унижать. Я хочу, чтобы кара, принятая ею из рук человеческих, была ее жертвой Богу. Я хочу, чтобы она приняла эту кару с радостным сердцем. Ей дана возможность, которая ниспосылается лишь немногим из нас. Господь неизреченно добр и милосерд.

Дэвидсон задыхался от волнения. Он уже не договаривал слов, которые страстно рвались с его губ.

– Весь день я молюсь с ней, а когда я покидаю ее, я снова молюсь, целиком отдаваясь молитве, молюсь о том, чтобы Христос даровал ей эту великую милость. Я хочу вложить в ее сердце столь пылкое желание претерпеть свою кару, чтобы даже если я предложил ей не ехать, она сама настояла бы на этом. Я хочу, чтобы она почувствовала в муках тюремного заключения смиренный дар, который она слагает к ногам благословенного Иисуса»³³¹.

³³¹ Моэм У.С. Дождь // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 347-348

И, возможно, в чем-то даже закономерен конец того, кто возомнил себя «бичом Божиим», призванным «спасать» и карать других в силу своей «нравственной чистоты»: врач «увидел труп, лежавший наполовину в воде, наполовину на песке – труп Дэвидсона. Доктор Макфейл нагнулся – он был не из тех, кто теряется в трудную минуту, – и перевернул его. Горло было перерезано от уха до уха, а правая рука все еще сжимала роковую бритву»³³². Миссионер покончил с собой после того, как его религиозный экстаз и слишком долгое и частое пребывание наедине с той, о которой он так пылко говорил, привели к тому, что он получил от нее как раз то, за что так неистово ее осуждал; а, получив, не смог с этим жить.

К проститутке же в результате вернулись ее прежние наглость и уверенность, многократно усиленные ненавистью за то, что ее насильно хотели «спасать»:

«Она подбоченилась. В ее глазах было неопишное презрение, а в ответе безграничная ненависть:

– Эх вы, мужчины! Поганые свиньи. Все вы одинаковы. Свиньи! Свиньи!»³³³

³³² Моэм У.С. Дождь // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 350

³³³ Моэм У.С. Дождь // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 352

А вот второй рассказ – «Санаторий» – повествует о людях внешне никак не проявляющих свою религиозность. Но они невольно вынуждены думать о смысле своего бытия, потому что они находятся в санатории для больных туберкулезом, а дни некоторых из них и вовсе сочтены.

Короткими штрихами в диалогах героев Моэм показывает, как строится жизнь этих людей:

«– Что вы делаете здесь целыми днями? – спросил он.

– Делаю? Когда болеешь туберкулезом, забот целая куча, милейший. Я меряю температуру, потом взвешиваюсь. Потихоньку одеваюсь. Завтракаю, читаю газеты и иду гулять. Потом отдыхаю. После второго завтрака играю в бридж и снова отдыхаю, потом обедаю. Снова играю в бридж и ложусь спать. Здесь неплохая библиотека, можно получить все новинки, но на чтение у меня почти не остается времени. Я беседую с людьми. Каких только людей здесь не встретишь! Они приходят и уходят. Порой уходят, воображая, что излечились, но по большей части возвращаются назад, а порой уходят в лучший мир. Я проводил многих и надеюсь проводить еще больше, прежде чем уйду сам.

Девушка, сидевшая по другую сторону от Эшендена, внезапно вмешалась в разговор.

– Должна вам сказать, мало кто способен так от души радоваться похоронам, как мистер Маклеод»³³⁴.

«Они с Кемблом ненавидят друг друга. Смешно, не правда ли? Оба прожили здесь семнадцать лет и в лучшем случае имеют одно легкое на двоих. Они видеть друг друга спокойно не могут. Я отказался выслушивать их бесконечные жалобы. <...> Не странно ли, что два пожилых человека только о том и думают, как отравить друг другу существование. Никак не угомонятся. Едят за одним столом, вместе играют в бридж; и дня не проходит без скандала»³³⁵.

Автор показывает и еще одного человека – бухгалтера из Лондона по имени Генри Честер. «Это был коренастый, широкоплечий, жилистый человек меньше всего похожий на туберкулезного. Болезнь обрушилась на него словно мгновенный удар из-за угла. Это был самый обыкновенный человек лет сорока, отец двоих детей. <...> Лишенный духовных запросов, равнодушный к книгам, он способен был только размышлять о своем здоровье. Это перешло в манию. Он напряженно следил за симптомами. <...> Но по натуре это был живой, общительный человек, и порой, забыв о своих горестях, он весело болтал и

³³⁴ Моэм У.С. Санаторий // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 682-683

³³⁵ Моэм У.С. Санаторий // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 685

смеялся; потом внезапно вспоминал о болезни, и в глазах его появлялся страх перед смертью»³³⁶.

Он отравляет жизнь любящей его жене, которая регулярно приезжает в санаторий, чтобы навестить его. Интересен ее рассказ: «Раньше мы жили дружно, а теперь я чувствую, что между нами выросла глухая стена. Я знаю, его винить нельзя, причиной всему болезнь, ведь он такой хороший и ласковый, воплощенная доброта. Когда он был здоров, я не знала человека более мягкого; а теперь я просто боюсь навещать его и уезжаю с чувством облегчения. Заболей я туберкулезом, он очень опечалился бы, но я знаю, где-то в глубине души он бы обрадовался. Он смог бы примириться со мной, примириться со своей участью, если бы знал, что и я скоро умру. <...> Ах, это просто невыносимо – столько лет мы любили друг друга, а теперь все кончается так отвратительно, так ужасно»³³⁷.

Ожидание смерти становится для многих из живущих в санатории хуже самой смерти, но они этого не замечают. И вот в этой обители даже не отчаяния, а какой-то безнадежной обреченности, где люди в прямом смысле не живут, а доживают, стараясь как можно дольше продлить такое вот безрадостное и, по сути, бессмысленное

³³⁶ Моэм У.С. Санаторий // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 687-688

³³⁷ Моэм У.С. Санаторий // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 689-690

свое существование, появляются мужчина и девушка, которые не только не разделяют общего мироощущения ее обитателей, но и вопреки всему полюбили друг друга. И любовь разрушает все эти стереотипы царства умирания, она заставляет понять, что важно не сколько прожить, а как.

Мужчина – майор Темплтон. «Много лет он вел жизнь бесполезную пустую жизнь самовлюбленного эгоиста. <...> В отношении морали он стоял ниже всех обитателей санатория, но зато один только он с искренней беспечностью принимал неизбежное. Он открыто презирал смерть, предоставляя другим считать его легкомыслие неприличным или восхищаться его мужественным спокойствием. Поселившись в санатории, он меньше всего предполагал, что здесь его ожидает такая любовь, какой он ни разу в жизни не испытывал»³³⁸.

Женщина – Айви Бишоп. «Было что-то трогательное в ее болезненной красоте, в прозрачной коже, в худом лице с огромными и необычайно голубыми глазами; было что-то трогательное и в ее участи, ведь, подобно многим другим обитателям санатория, она по сути дела осталась одна на свете. Мать ее вела светскую жизнь, сестры вышли замуж; они лишь формально интересовались молодой женщиной, которая

³³⁸ Моэм У.С. Санаторий // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 692-693

жила вдали от них вот уже восемь лет. Они писали, время от времени приезжали навестить ее, но теперь их мало что связывало. Айви мирилась с этим без горечи. Она со всеми была в дружеских отношениях, всегда готова сочувственно выслушать любые жалобы и сетования»³³⁹.

И они решают вступить в брак. Врач предупреждает их, что для Айви последствия этого решения неопределенны, но для Темплтона они вполне однозначны:

«Если вы женитесь, то не проживете и полгода.

– А если не женюсь, сколько я могу прожить?

Доктор колебался.

– Не бойтесь сказать мне правду.

– Два или три года.

– Благодарю вас, это все, что мы хотели знать.

Они вышли, как и вошли, рука об руку; Айви тихо плакала. Никто не слышал, о чем они разговаривали, но, когда они вышли к завтраку, лица у обоих сияли. Они сказали Эшендену и Честеру, что поженятся, как только получают разрешение на брак»³⁴⁰.

³³⁹ Моэм У.С. Санаторий // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 694

³⁴⁰ Моэм У.С. Санаторий // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 701

Можно, конечно, посмотреть на данную ситуацию и так, что мужчина, привыкший всю жизнь потакать своим страстям, зная, что ему осталось совсем немного, решил попробовать что такое и законный брак, ведь ему нечего было уже терять, а девушка, ничего не знающая о жизни, не выстояла перед его напором. Каковы были плоды их совместной жизни, автор не рассказывает. Но он показывает нам, какими были плоды их решения для обитателей санатория.

«Когда новость распространилась среди больных, многие, хотя и поздравили Айви и Темплтона, втихомолку решили между собой, что это настоящее безрассудство. Но когда им стал известен приговор доктора Леннокса – а в санатории все рано или поздно становится известным – и они представили себе, что если Темплтон женится, то не проживет и полгода, все умолкли в благоговейном страхе. Даже самые равнодушные не могли без волнения думать об этих двух людях, которые так любят друг друга, что не испугались смерти. Дух всепрощения и доброй воли снизошел на санаторий: те, кто был в ссоре, помирились; остальные на время забыли о своих горестях. Казалось, каждый разделял радость этой счастливой четы. И не только весна наполнила эти больные сердца новой надеждой: вели-

кая любовь, охватившая мужчину и девушку, словно обогрела своими лучами все вокруг»³⁴¹.

Но главный первый плод этой любви, победившей страх перед смертью, мы видим у бухгалтера Честера: «Честер и его жена молча шли рядом. Сделав несколько шагов, он робко взял ее за руку. Сердце ее замерло. Краешком глаза она заметила слезы на его ресницах.

– Прости меня, дорогая, – заговорил он. – Я был жесток к тебе.

– Я знаю, ты не хотел меня обидеть, – ответила она запинаясь.

– Нет, хотел. Я хотел причинить тебе страдание, потому что страдал сам. Но теперь с этим покончено. То, что произошло с Темплтоном и Айви Бишоп... не знаю как это назвать... заставило меня по-новому взглянуть на вещи. Я больше не боюсь смерти. Мне кажется, смерть значит для человека меньше, гораздо меньше, чем любовь. И я хочу, чтобы ты жила и была счастлива. Я больше ни в чем не завидую тебе и ни на что не жалею. Теперь я рад, что умереть суждено мне, а не тебе. Я желаю тебе всего самого хорошего, что есть в мире. Я люблю тебя»³⁴².

«По плодам их узнаете их» (Мф. 7; 16) – говорит в Евангелии Христос Спаситель. В двух

³⁴¹ Моэм У.С. Санаторий // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 701

³⁴² Моэм У.С. Санаторий // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 702

своих рассказах У.С. Моэм наглядно показал, как самые красивые слова о Боге и спасении могут нести за собой совсем иной смысл, разрушая жизнь людей, в первую очередь, того, кто так бездумно их использует. И в то же время простые человеческие решения, если они движимы любовью, могут менять жизнь не только тех, кто их принял, но и тех, кто рядом с ними.



Вирджиния Вулф

Респектабельный ад миссис Дэллоуэй

Вирджиния Вулф (1882-1941) – известная английская писательница и литературный критик, ведущая фигура модернистской литературы первой половины XX века. Как писал А. Аствацатуров, «по мысли Вулф <...> задача художника заключается не в том, чтобы скопировать действительность, а в том, чтобы высвободить и представить читателю заключенный в материи дух. <...> Очевидно, что в “Миссис Дэллоуэй” читатель лишен возможности наблюдать происходящее со стороны. Он видит реальность всегда глазами какого-то персонажа, который в свою очередь непо-

средственно в нее вовлечен. Поэтому и читатель <...> обнаруживает себя внутри реальности»³⁴³.

Внутренний трагизм жизни писательницы, в итоге покончившей с собой, ее духовные мучения, видения того, что человеку не нужно видеть, находят отражение и в ее творчестве. Вообще английская литература конца 19 – начала 20 века пропитана ожиданием чего-то загадочного. От своеобразного романтизма Оскара Уайльда мы переходим к мрачной мистике Вирджинии Вулф – поэзии, в которой истина является нам изменчивой, зыбкой, неуловимой. В ее творчестве, как и в трудах ее единомышленников, чувствуется желание объединить музыку и прозу, стихи и живопись. Желание выйти за грани того, что определяет канон, в то же время ограниченность временными и вещественными рамками, – все это делает борьбу беспредметной и жизнь бессмысленной. «Миссис Дэллоуэй» – картина респектабельного ада; послевоенного мира, где герои страдают в большей степени от внутренних, чем от внешних проблем. Интересно, что все события в романе (как и в «Улиссе» Д. Джойса) происходят в течение одного дня; несмотря на то, что у Вирджинии Вулф знаменитые лондонские часы являются чуть ли не самостоятельным персонажем,

³⁴³Аствацатуров А. Романы Вирджинии Вулф 1920-х годов // В. Вулф. Малое собрание сочинений. Спб., 2014. С. 648, 654

возникает ощущение, что некоторые герои вышли за пределы времени, и их муки уже вечны...

Кларисса Дэллоуэй – главная героиня – внешне вроде бы вполне благополучная английская леди, в дом которой приходит сам премьер-министр. Внутри же она полна терзаний. Замуж она вышла не за того, кого любила, «потому что в браке должна быть поблажка, должна быть свобода и у людей, изо дня в день живущих под одной крышей; и Ричард ей предоставляет свободу, а она ему...: «(Например, где он сегодня? Какой-то комитет. А какой – она же не стала расспрашивать.) А с Питером все надо было бы делиться; он во все бы влезал. И это невыносимо, и, когда дошло до той сцены в том садике, около того фонтана, она просто должна была с ним порвать, иначе они бы погибли оба, они бы пропали бесспорно; хотя не один год торчала у нее в сердце заноза и садни-ла»³⁴⁴. На самом деле муж ее вовсе не счастлив от того, что их общение столь по-английски чопорно: «Ведь жалко безумно, что мы не высказываем своих чувств, думал он. <...> Ричард вошел, протягивая ей цветы – розы, красные и белые розы. (Но он так и не выговорил, что он ее любит, как собирался, именно в этих словах»³⁴⁵.

³⁴⁴ Вулф В. Миссис Дэллоуэй // В. Вулф. Малое собрание сочинений. Спб., 2014. С. 11

³⁴⁵ Вулф В. Указ. соч. С. 107, 109

Интересно описание встречи Клариссы с Питером спустя много лет:

«Дверь отворилась и вошел... на секунду у нее даже из головы вылетело имя, до того она удивилась, обрадовалась, смутилась, растерялась, потому что Питер Уолш вдруг ввалился с утра! (Она не читала его письма).

– Ну как ты? – спрашивал Питер Уолш, буквально дрожа; беря обе ее руки в свои, целуя у нее обе руки»³⁴⁶.

«Кларисса сидела очень прямо, она затаила дыхание.

– Я влюблен, – сказал он, но не ей, а тени, встающей во тьме, которой не смеешь коснуться, но слагаешь венок на травы во тьме.

– Влюблен, – повторил он уже сухо – Клариссе Дэллоуэй, – влюблен в одну девушку в Индии. – Он сложил свой венок. Пусть Кларисса, что хочет, то с этим венком и делает.

– Влюблен! – сказала она. В его возрасте в галстук бабочкой – и под пятою этого чудовища! Да у него же шея худая и красные руки. И он на шесть месяцев старше меня, доносили глаза. Но в душе она знала – он влюблен. Да, да, она знала — он влюблен.

<...> Подольстилась к нему, одурачила, думала Кларисса. <...> ей совершенно ясна была эта женщина, эта жена майора индийской армии.

³⁴⁶ Вулф В. Указ. соч. С. 40

Глупость! Безумие! Всю жизнь одни глупости. Сперва его выгоняют из Оксфорда. Потом он женится на девице, подвернувшейся ему на пароходе по пути в Индию. И теперь еще эта жена майора индийской армии»³⁴⁷.

Питер после встречи с ней оказывается во власти самых разных мыслей: «Он не стар, никоим образом; не скис не скукожился. А насчет того, что скажут Дэллоуэи, Уитребы и вся эта шатия – ему с высокой горы наплевать! (Хотя, конечно, рано или поздно придется обратиться к Ричарду чтоб помог с работой.) На ходу он окидывал взглядом статую герцога Кембриджского. Прогнали из Оксфорда – верно. Был социалистом, в известном смысле неудачник – верно. И все же будущее в руках таких молодых людей; таких, как он был тридцать лет назад; которые преданы отвлеченностям; которым шлют книги, где бы они не застряли, от Лондона, до вершин Гималаев; научные книги, философские книги. Будущее в руках таких молодых людей»³⁴⁸. И одновременно «он недоумевал и поражался тому, что по-прежнему в ее власти, поднося к нему шелест и звон, удивительно, что по-прежнему в ее власти, подходя к нему через комнату, возводить постылый тот лунный лик в летнее небо над террасою в Бортоне»³⁴⁹.

³⁴⁷ Вулф В. Указ. соч. С. 44-45

³⁴⁸ Вулф В. Указ. соч. С. 49

³⁴⁹ Вулф В. Указ. соч. С. 46

«Они всегда странным образом могли общаться без слов»³⁵⁰.

Воспоминания переносят его в далекое прошлое:

«Он изо всех сил старался ее задеть, после того как увидел их с Дэллоуэем. И она ушла. Ему казалось, что все стоворились против него, смеются у него за спиной. Он застыл возле кресла мисс Парри как истукан посреди беседы о полевых цветах. Никогда, никогда он не страдал так чудовищно! Он, наверное, даже не мог делать вид, будто слушает; вдруг опомнясь, он увидел выпученные глаза мисс Парри, недоуменные, негодующие. Он чуть не крикнул, что не может ничего слышать, что это ад, сущий ад!»³⁵¹

«Он обернулся и увидел Клариссу. Она вернулась, за ним. Его ошеломило ее благородство – ее доброта.

– Идем же, – сказала она. – Там ждут.

Никогда за всю свою жизнь он не был так счастлив! Без единого слова они помирились. Они шли к озеру. Двадцать минут совершенного счастья»³⁵².

«Решительная, последняя сцена, ужасная сцена, значившая, наверное, больше всего в его жизни <...> произошла в три часа, в один очень

³⁵⁰ Вулф В. Указ. соч. С. 57

³⁵¹ Вулф В. Указ. соч. С. 59

³⁵² Вулф В. Указ. соч. С. 59

жаркий день. Началось с пустяка, <...> но для него она все равно, что сказала: “С вами я просто развлекаюсь, а серьезно я отношусь к Ричарду Дэллоуэю”. Так он ее понял. Не одну ночь он провел без сна. Он сказал себе: “Будь что будет, но надо с этим покончить”. Он послал ей через Салли записку, прося о встрече у фонтана, в три. <...> Она пришла даже раньше времени, фонтан разделял их и непрерывно ронял (был испорчен) каплями воду. Как застревают в памяти зрительные впечатления! Например, тот едко-желтый мох.

Она не двигалась. “Скажи мне правду, скажи мне правду”, – повторял он бессмысленно. У него раскалывалась голова. Кларисса будто застыла, стояла как каменная. Она не двигалась. “Скажи мне правду”, – повторял он, когда старик Брайткопф на ходу высунул голову из-за своей “Таймс”; вылупился на них; открыл рот и ушел восвояси. Она оба не двинулись. “Скажи мне правду”, – повторял он. Он будто врезался с усилием во что-то физически твердое; она не поддавалась. Она была как железо, кремь, она совершенно застыла. И когда она сказала: “Ни к чему, ни к чему. Это конец”, – после того, как он говорил, ему казалось, часами, в слезах, – она будто ударила его по лицу. Она повернулась, она бросила, она ушла.

– Кларисса! – кричал он. – Кларисса! – Но она так и не вернулась. Все было кончено. В ту же ночь он уехал. Он больше не видел ее»³⁵³.

Их общая подруга, «Салли молила его, полуютя разумеется, умыкнуть Клариссу, спасти от Хью и Дэллоуэв и прочих “безупречных джентльменов”, которые “загубят ее душу живую” (Салли тогда целые вороха бумаги исписывала стихами), сделают из нее исключительно хозяйку салона, разовьют ее суетность»³⁵⁴.

Внешняя и внутренняя жизнь Клариссы разнятся. Питер вспоминает: «А потом кто-то сказал – это Салли Сетон сказала: “И что же меняет, в конце концов, если она родила ребенка до того как они поженились?” (Вопрос очень смелый по тем временам в смешанном обществе). И – он как сейчас видит – Кларисса залилась краской, вся как будто сжалась и выговорила: “О, теперь я слова не смогу с ней сказать!” После чего всех за столом будто встряхнуло. Всем стало ужасно неловко»³⁵⁵.

А сама Кларисса вспоминает Салли совсем по-другому. «И тогда это была самая благословенная в ее жизни минута подле каменной урны с цветами. Салли остановилась; сорвала цветок; поцеловала ее в губы. Будто весь мир перевернулся!

³⁵³ Вулф В. Указ. соч. С. 60-61

³⁵⁴ Вулф В. Указ. соч. С. 71

³⁵⁵ Вулф В. Указ. соч. С. 56

Все исчезли; она была с Салли одна. <...> И тут старый Йозеф и Питер повернули прямо на них.

– Звездами любуетесь? – сказал Питер.

Она как с разбегу впотьмах ударилась лицом о гранитную стену. О, как это было ужасно!»³⁵⁶.

Вообще, у героев Вирджинии Вулф мгновения, когда они могут сделать что-то, что изменит их жизнь, ускользают очень быстро, и не возвращаются, вероятно, к лучшему для них. Встречу Питера и миссис Дэллоуэй после многолетней разлуки прерывает ее дочь, вошедшая в комнату:

«– Скажи мне, – и он схватил ее за плечи, – ты счастлива, Кларисса? Скажи – Ричард...

Дверь отворилась.

– А вот и моя Элизабет, – сказала Кларисса с чувством, театрально быть может»³⁵⁷.

Перешагнув несколько лет назад пятидесятилетний рубеж, миссис Дэллоуэй и сама осознает, что «ей ничего не дано хоть сколько-то стоящего; она не умеет мыслить, писать, даже на рояле играть не умеет. Не в силах отличить армян от турок; любит успех; ненавидит трудности; любит нравиться; городит горы вздора; и по сей день – спросите ее, что такое экватор, – и она ведь не скажет»³⁵⁸.

³⁵⁶ Вулф В. Указ. соч. С. 36

³⁵⁷ Вулф В. Указ. Соч. С. 46

³⁵⁸ Вулф В. Указ. соч. С. 73

Этим, а также своей сохранившейся несмотря на седины красотой и внешним благополучием героиня вызывает тайную ненависть учительницы ее дочери:

«Остановив крыжовенные глаза на Клариссе, разглядывая узкое розовое лицо, тонкое тело, всю ее, свежую, элегантную, мисс Килман думала: “Дура! Пустышка! Не знаешь ни радости, ни забот, размениваешься на мелочь!” И властное желание в ней поднималось – подмять Клариссу, сорвать с нее маску. Сокрушить бы ее – и мисс Килман стало бы легче. Не тело убить. Ей хотелось покорить ее душу, сбить с нее спесь, чтоб почувствовала. Заставить бы ее плакать; подмять; унижить, чтоб она на коленях кричала: “Ваша, ваша правда!” Но на то воля Божья, а не мисс Килман. Это вера должна победить. И мисс Килман смотрела; мисс Килман кипела.

А Кларисса возмущалась. И она христианка – эта женщина! И эта женщина у нее отнимает дочь! И эта – в общении с незримыми духами! Грузная, безобразная, пошлая, без доброты и милости – и такая знает смысл жизни!»³⁵⁹.

И здесь мы подходим к очень важному вопросу – каковы же религиозные воззрения Клариссы?

Как вспоминает Питер, «боги по ее понятиям, никогда не упустят случая напакостить, ис-

³⁵⁹ Вулф В. Указ. соч. С. 115-116

портить человеку жизнь, но всерьез теряются, если все-таки ты ведешь себя как настоящая леди. Это пошло у нее сразу после смерти Сильвии – чудовищная история. Видеть, как на твою родную сестру валится дерево (все Джастин Парри виноват – все его ротозейство) и она умирает прямо у тебя на глазах, совсем девочка и самая, Кларисса всегда говорила, из них одаренная, – тут поневоле ожесточишься. Потом-то, пожалуй, она поутихла; сочла, что нет никаких богов; винить некого; и отсюда эта ее атеистическая религия – делать добро ради самого добра. И, конечно, она удивительно любит жизнь, радуется жизни»³⁶⁰.

«Кларисса как-то сочинила целую теорию <...> Ей хотелось объяснить это чувство досады: ты никого не знаешь достаточно, тебя недостаточно знают. Да и как узнаешь другого? То встречаешь человека изо дня в день, то с ним полгода не видишься или годами. <...> она сказала: она чувствует, что она всюду, сразу всюду. <...> И чтобы узнать ее или кого-то там еще, надо свести знакомство с кой-какими людьми, с которыми в жизни не перемолвилась словом <...> И вылилось это в трансцендентальную теорию, которая, при Клариссином страхе смерти, позволяла ей верить – или она только так говорила, будто верит (при ее-то скептицизме), что раз очевидное, видимое в нас до того зыбко в сравнении с невидимым, ко-

³⁶⁰ Вулф В. Указ. соч. С. 73

торое еще со стольким со многим связано – невидимое это и остается, возможно, в другом человеке каком-нибудь, в месте каком-нибудь, доме каком-нибудь, когда мы умрем»³⁶¹. То есть атеистка Кларисса фактически признает существование духов, которые «никогда не упустят случая напакостить, испортить человеку жизнь», а потом остаются «в другом человеке каком-нибудь, в месте каком-нибудь, доме каком-нибудь, когда мы умрем».

Смыслы слов в мире миссис Дэллоуэй извращены. Рассуждая сама с собой об учительнице дочери мисс Килман и Питере, она с точностью наоборот изменяет значение терминов. «Любовь и религия! – думала Кларисса, возвращаясь в гостиную, вся клокоча. <...> Самые жестокие две вещи на свете, думала она и так и видела их неуклюжесть, ярость, властность, каверзность, бесстыдство... <...> Разве сама она пыталась кого-нибудь обращать? Разве не желает она каждому, чтоб он был самым собою?»³⁶². Впрочем, как извинение героине можно отметить, что религия мисс Килман, и правда, очень далека от христианства, а чувства Питера – все-таки не любовь той силы, которая могла бы исцелить ее больную душу.

Подспудное стремление души к единству, реализуемому в Церкви в Евхаристии, принимает у Клариссы достаточно нелепую форму (если срав-

³⁶¹ Вулф В. Указ. соч. С. 149-140

³⁶² Вулф В. Указ. Соч. С. 117

нивать ее с тем смыслом, который она в это вкладывает: «но если б Питер, положим, сказал: «Какой смысл в твоих приемах?» – она могла бы ответить (и ни от кого нельзя требовать, чтоб он принял такое): “Это жертвоприношение”. Звучит, конечно, туманно. Только кому-кому, а уж не Питеру утверждать, что жизнь простая, понятная вещь. Сам-то? Вечно влюблен в кого не следует. А какой смысл в твоей любви? – тоже ведь можно спросить. <...> Но если вдуматься глубже, если отвлечься от того, кто там что говорит (до чего же отрывочно, поверхностно они судят), сама-то она что вкладывает в понятие “жизнь”? О, все ужасно сложно. Такой-то и такой-то живут в Южном Кненсингтоне; кто-то в Бейзуоторе; а еще кто-то скажем в Мейфэре. И она постоянно чувствует, что они существуют; и чувствует – какая досада; чувствует – какая жалость; и если бы всех их свести; вот она и хлопочет. И это жертвоприношение; творить, сочетать. Жертвоприношение, но кому? Просто, наверное, надо приносить жертвы. Во всяком случае, такой уж у нее дар»³⁶³.

Если при чтении мыслей и чувств Клариссы еще возникают сомнения в том, мучается ли она, то через описание второго героя – Септимуса – писательница показывает, что эти мучения есть, и они вполне реальные.

³⁶³ Вулф В. Указ. соч. С. 73

Жена Септимуса Реция «больше не могла терпеть. Хорошо доктору Доуму говорить, что с ним ничего серьезного. Уж лучше б он умер! Невозможно сидеть с ним рядом, когда он смотрит вот так и не видит ее, и все он делает страшным – деревья, и небо, и детишек, которые катают тележки, свистят в свистульки и шлепаются, – все, все из-за него страшно»³⁶⁴. «Он сидит там под деревом на зеленом стульчике и говорит сам с собой или с этим покойником Эвансом, она всего раз его видела в лавке. Тихий, хороший, большой друг Септимуса; его убили на войне. Что ж, бывает. У всех убивают друзей на войне. И все жертвуют чем-то, когда женятся. Она родиной пожертвовала. Переехала сюда, в этот жуткий город. А Септимус забивал себе голову разными ужасами, так и она могла бы, только дай себе волю. Он делался все непонятнее. Говорил, что за стеной спальни слышит какие-то голоса. И видел видения. Старушкой голову в папоротнике разглядел. А ведь мог бы быть счастлив – пожалуйста»³⁶⁵.

Клинически достоверно писательница передает мысли самого несчастного больного: «он, Септимус, один призван, избран услышать истину, познать смысл, ибо после всех трудов цивилизации (греки, римляне, Шекспир, Дарвин и наконец-то он сам) настала пора открыть смысл непо-

³⁶⁴ Вулф В. Указ. соч. С. 24-25

³⁶⁵ Вулф В. Указ. соч. С. 62

средственно... “Кому?” – спросил он вслух. “Премьер-министру”, – прошелестели голоса над его головой. Следует открыть кабинету министров тайное тайных: во-первых, деревья – живые; затем – преступления нет, затем – любовь, всеобщая любовь, он бормотал, дрожа, задыхаясь, и эти глубокие, скрытые, зарытые истины было мучительно трудно выговорить, но они полностью и навсегда изменяют мир»³⁶⁶.

Реция «все дословно записывала. Кое-что было очень красиво; кое-что – полный бред. И вечно он остановится на полуслове, передумает; что-то хочет добавить, что-то новое слышит; поднимает руку и слушает. Но она ничего никогда не слышала. А как-то они вошли, а девушка, которую они наняли убирать комнату, читала его бумажки и хохотала. Получилось ужасно. Септимус стал орать про человеческую жестокость, что люди мучат друг друга, раздирают на части павших, кричал, раздирают на части. И еще он сто раз говорил: “Доум нас одолел”. Насочинял разных историй про Доума; как Доум ест овсяную кашу; как Доум читает Шекспира, а сам хохочет или рычит от бешенства; этот Доум для него просто жуткое что-то. Он его прозвал “человеческая природа”. И еще у него видения. Будто он утонул, и лежит на

³⁶⁶ Вулф В. Указ. соч. С. 63-64

скале, и чайки рыдают над ним. И заглядывает под диван – в море»³⁶⁷.

Два доктора, помощи у которых ищет Реция, не только не помогают больному, но и провоцируют его самоубийство: «Доум его одолеет. Нет же! Только не Доум. Не Брэдшоу. Он встал, качнулся, неловко подпрыгнул на одной ноге, потом на другой; на ручке чистого красивого хлебного ножа миссис Филмер было вырезано “хлеб”. Не хочется его портить. Открыть газ? Поздно, сейчас войдет Доум. Можно бритвы, но Реция их убрала, всегда убирает. Остается только окно, большое окно мебелирашек в Блумсбери; скучное хлопотное, мелодраматическое мероприятие – открывать окно и выбрасываться. Это в их духе трагедия, не по душе ему или Реции (Реция всегда с ним). Доум и Брэдшоу любят такое. (Он сел на подоконник.) Он подождет до самой последней секунды. Ему не хочется умирать. Жизнь хороша. Солнце светит. Но люди... Старик спустился по лестнице в доме напротив и снизу уставился на него. Доум у двери. “Вот тебе!” – крикнул он и рванулся, рванулся вниз, на оградку подвала миссис Филмер.

– Трус! – крикнул доктор Доум, врываясь. Реция побежала к окну; она увидела; она поняла»³⁶⁸.

А ведь незадолго до этого «доктор Доум его осмотрел и не нашел абсолютно ничего серьезно-

³⁶⁷ Вулф В. Указ. Соч. С. 129

³⁶⁸ Вулф В. Указ. Соч. С. 136-137

го»³⁶⁹. Второй же врач, сэр Уильям Брэдшоу «с первой же секунды, как они вошли в кабинет, тотчас же, как он увидел юнца, понял: чрезвычайно тяжелый случай. Случай полного расстройтва, полного физического и нервного истощения, и случай запущенный, он установил все симптомы запущенного случая за две-три минуты (пока заносил, бормоча их под нос, ответы пациента в красную карточку)»³⁷⁰. Показательно описание воззрений и методов этого доктора: «здоровье – прежде всего; здоровье же есть пропорция; и если человек входит к вам в кабинет и заявляет, что он Христос (распространенная мания) и его посетило откровение (почти всех посещает), и грозитя (они вечно грозятя) покончить с собой, вы призовете на помощь чувство пропорции; предпишете отдых в постели; отдых в одиночестве; отдых и тишину; без друзей, без книг, без откровений; шестимесячный отдых; и человек, весивший сорок пять килограммов, выходит из заведения с весом в восемьдесят»³⁷¹. «Если же это не помогало, он призывал на помощь полицию, а также интересы общества, которое – в Суррее – заботилось о том, чтобы пресекать антиобщественные порывы, идущие в основном от недостатка породы. И тогда, осторожно, из укрытия выходила и садилась

³⁶⁹ Вулф В. Указ. соч. С. 84

³⁷⁰ Вулф В. Указ. соч. С. 88

³⁷¹ Вулф В. Указ. соч. С. 92

на трон другая богиня, вечно жаждущая покорять и ломать, и в чужих святилищах водружать свой образ. Голеньких, беззащитных, всеми оставленных сэра Уильям Брэдшоу припечатывал собственной волей. Бросался коршуном; пожирал; запирал. И за это-то сочетание решимости и человечности так высоко ценили сэра Уильяма родственники его жертв»³⁷².

Кларисса, к которой Брэдшоу со своей женой приходит на светский прием, думает о нем: «Светило в своей области, очень влиятельный человек, очень усталый. Еще бы – кто только не прошел через его руки – люди в ужасных мучениях, люди на грани безумия; мужья и жены. Ему приходилось решать страшно трудные проблемы. И все же она чувствовала – в несчастье не захочется попадаться на глаза сэру Уильяму Брэдшоу. Только не ему»³⁷³. «И зачем понадобилось этим Брэдшоу говорить о смерти у нее на приеме? Молодой человек покончил с собой. И об этом говорят у нее на приеме – Брэдшоу говорят о смерти. Он покончил с собой. Но как? Она всегда чувствовала все, будто на собственной шкуре, когда ей рассказывали о несчастье; платье пылало на ней, тело ей жгло. Он выбросился из окна. В глаза сверкнула земля; больно прошли сквозь него ржавые прутья. И тук-тук-тук – застучало в мозгу,

³⁷² Вулф В. Указ. соч. С. 94-95

³⁷³ Вулф В. Указ. соч. С. 167

и тьма задушила его. Так ей это привиделось. Но зачем он это сделал? И Брэдшоу говорят об этом у нее на приеме!»³⁷⁴.

И в итоге Кларисса приходит к выводу: «Чем-то она сродни этому молодому человеку, который покончил с собой»³⁷⁵.

Питер разрушает магический ореол вокруг Брэдшоу, давая краткую характеристику ему и его супруге, однако миссис Дэллоуэй, к сожалению, его не слышит:

«Только Питер не мог с ней согласиться, что мы ничего не знаем. Мы знаем все, говорил он; сам он, по крайней мере, знает все.

– Ну а эти двое, – шепнула Салли, – которые уходят (сама она тоже скоро отправится, если еще долго не будет Клариссы), этот господин благородного вида и его простоватая жена, которые только что говорили с Ричардом, – что можно сказать про этих людей?

– Что они отъявленные мошенники, – сказал Питер, глянув на них мельком. Он рассмешил Салли»³⁷⁶.

Представляет интерес и то, как Вирджиния Вулф, сквозь призму ощущений своих героев передает отношение к Британской империи. Сначала это машина, в которой может быть Королева,

³⁷⁴ Вулф В. Указ. соч. С. 168

³⁷⁵ Вулф В. Указ. соч. С. 170

³⁷⁶ Вулф В. Указ. соч. С. 177

или принц Уэльский, или премьер-министр. «Но определенно – сама слава восседала в автомобиле, и слава за шторками следовала на Бонд-стрит, совсем рядом с простыми людьми, которым в первый и последний раз в жизни довелось быть бок о бок с величием Англии, символом государства, который смогут опознать любопытные археологи, роясь в наших развалинах и находя только кости, да обручальные кольца вперемешку с прахом, да золотые коронки на несчетных прогнивших зубах, там, где Лондон сейчас, и утро, среда, и толпится народ на Бонд-стрит. Лицо же в автомобиле смогут опознать и тогда»³⁷⁷.

И даже скептик Питер Уолш чувствует свою причастность к этому имперскому величию, в рамках которого «сводятся» между собой самые разные люди, впрочем вряд ли так, как мечтает Кларисса.

«Происходя из почтенной англо-индийской семьи, по крайней мере, три поколения которой ведали делами Индии (странно, почему я об этом думаю с сентиментальностью, я не люблю ведь Индию, империю, армию), минутами он ценил цивилизацию – даже в таких ее проявлениях – как свою собственность; на него находило; и тогда он гордился Англией; дворецкими, чау-чау, недосяга-

³⁷⁷ Вулф В. Указ. соч. С. 19

емыми девицами. Смешно, а вот поди ж ты, думал он»³⁷⁸.

«– Премьер-министр, – сказал Питер Уолш.

– Премьер-министр? Неужели? – восхищалась Элли Хендерсон. Эдит просто ахнет!

Ничего смешного в нем не было. Зауряднейшая внешность. Мог бы стоять за прилавком, печеньем торговать – бедняга, весь в золотом шитье. Но надо отдать ему должное, этот круг почета, сперва с Клариссой, потом в сопровождении Ричарда, превосходно ему удался. Он старался казаться личностью. Никто на него не смотрел. Все продолжали беседовать, но совершенно же ясно, прочувствовали до мозга костей, что мимо них шествует величие; символ того, что все они воплощают, – английского общества»³⁷⁹.

Интересна концовка романа: «– Я тоже пойду, – сказал Питер, и он еще на минуту остался сидеть. Но отчего этот страх? И блаженство? – думал он. Что меня повергает в такое смятение?

Это Кларисса, решил он про себя.

И он увидел ее»³⁸⁰.

Она возвращается к гостям после того, как ее посетили мысли о ее сходстве с Септимусом; здесь есть люди, которые любят Клариссу, поэтому есть надежда, что для нее еще не все закончено.

³⁷⁸ Вулф В. Указ. соч. С. 53

³⁷⁹ Вулф В. Указ. соч. С. 157

³⁸⁰ Вулф В. Указ. соч. С. 178



«Улисс» Джеймса Джойса как зеркало постхристианского мира

«Улисс» Джеймса Джойса (1882-1941), писателя, которого некоторые считают английским, а некоторые ирландским, – книга, которая среднему читателю если и не покажется потоком безумия, то, скорее всего потому, что его научили, что эта книга «для избранных». Беспорядочный поток сознания автора, повествующего об одном дне из жизни дублинского еврея Леопольда Блума наполнен богохульствами, порнографией, кучей случайных аллюзий, на которые некоторые литературоведы не ленятся писать пространные комментарии (например, С. Хоружий выделяет в «Улиссе» сюжетный план, Гомеров план, реальный план, тематический план, дополнительные

планы...³⁸¹). В аннотациях пишут, что «По замыслу автора “Улисс” – рассказ об одном дне, прожитом одним обывателем из одного некрупного европейского городка, – вместил в себя всю литературу со всеми ее стилями и техниками письма и выразил все, что искусство способно сказать о человеке»³⁸². А Стефан Цвейг и вовсе написал, что «эта книга – лунный камень, брошенный в нашу литературу, великолепное, фантастическое, единственное в своем роде произведение, героический эксперимент архииндивидуалиста, эксцентрического гения. <...> книга – метеорит “парализующего” искусства, подобная современному варианту средневековых магических писаний... <...> И если время сохранит, ее, вероятно, станут почитать, как почитают голоса всех Сивилл»³⁸³.

Возможно, в этом и заключается секрет воздействия книги на читателя и ее популярности: тот, кто вчитывается и тем более вживается в текст – подпадает под его «магическое» влияние. А.А. Ахматова писала: «Великая книга... Вы не понимаете ее потому, что у вас времени нет. А у меня было много времени, я читала по пять часов в день и прочла шесть раз. Сначала у меня тоже было чувство, что я не понимаю, а потом все по-

³⁸¹ Комментарии. *Джойс Д. Улисс*. Том 1. Спб., 2014. С. 505-507.

³⁸² Там же. С. 606.

³⁸³ См.: *Джойс Д. Улисс*. Том 2. Спб., 2014. 4 страница обложки.

степенно проступало, – знаете, как фотография, которую проявляют»³⁸⁴.

О форме подачи материала С. Хоружий пишет так: «Здесь же надо не столько внимать идеям, которые автор передает читателю, сколько всматриваться и вслушиваться в текст. <...> Это значит, что читатель должен быть не пассивным, а активным, не учеником автора, а самостоятельным участником в событии текста»³⁸⁵. Е. Ю. Гениева в «Иностранной литературе» за 1989 год делала подборку «Литературный мир об “Улиссе” Джойса». В частности, она писала: «В самый разгар дебатов о Джойсе появилась и очень изобретательная пародия Александра Архангельского в альманахе “Год шестнадцатый”. В 30-е годы Архангельский был одним из признанных литературных авторитетов. В зеркале его сатиры отразились наиболее значительные явления литературы тех лет. Не успевали современники освоиться с новым стилем, приемом, манерой, которыми изобиловала литература 20-30-х годов, как пародист моментально подбирал к ним ключ. «Пародия, – писал Архангельский, – должна отвечать тем же требованиям, которые предъявляются критике». Пародия «Искатели Жемчуга Джойса» виртуозно передает стиль самого Джой-

³⁸⁴ См.: *Джойс Д. Улисс*. Том 1. Спб., 2014. 4 страница обложки.

³⁸⁵ Комментарии. *Джойс Д. Улисс*. Том 1. Спб., 2014. С. 450-451.

са в эпизоде «Пенелопа» – «поток сознания», ни одного знака препинания, словотворчество. Мелькают имена участников споров: сам «апологет» – Всеволод Вишневский, «шкловун Виктор», «ермилый милый» – критик Ермилов. Приведем небольшой фрагмент этой пародии: «...Юго-западный ветер шевелит волосы Джойса отойдите макаркающие я хочу равняться затылок учителя не боюсь молод здоров оспопривит гип-гип полундра луженый желудок весь мир материки океаны лопай малютка дюжиной ртов глаза уши познать мир весь весь потрохами ах какой бодрый кувырках шкловун Виктор кадры кино 33 печеных листа в Огизайро в Гихлинойсе в МТПейре в академии-фасоль-лясида макромикросомы вселенной зачатие любовь рождение смерть пищеварение страсть сон эмоция»³⁸⁶.

Наверное, необходимо привести несколько тематических цитат (разумеется, не самых эпатажных) непосредственно из текста «Улисса» Джойса, чтобы можно было сложить о нем непосредственно какое-то первое впечатление.

О смерти: «– А что, по-твоему, смерть, – спросил он, – твоей матери, или твоя, или положим, моя? Ты видел только, как умирает твоя

³⁸⁶ Литературный мир об "Улиссе" Джойса. Автор: *Вступление и составление Екатерины Генцевой, пер. с англ. И. Дорониной* http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=683&binn_rubrik_pl_articles=121 (дата обращения 02.07.2016 года)

мать. А я каждый день вижу, как они отдают концы и в Ричмонде, и в Скорбящей, да после их потроха крошат в анатомичке. Это и называется подох, ничего больше. И не о чем говорить»³⁸⁷.

О смерти и воскресении: Мистер Кернан торжественно произнес:

– *Я емь воскресение и жизнь. Это проникает до самой глубины сердца.*

– Действительно, – сказал мистер Блум.

Твоего-то может быть и да, но какой прок малому в ящике шесть футов на два с цветочком из пятки? Ему проникает? Седалище страстей. Разбитое сердце. В конечном счете насос, качает каждый день сотни галлонов крови. Потом в один прекрасный день закупорка, и ты с концами. Их тут вокруг навалом: кишки, печенки, сердца. Старые ржавые насосы – и ничего больше. Воскресение и жизнь. Уж если умер так умер. Или идея насчет Страшного суда. Всех вытряхнуть из могил. <...> Подъем! Страшный суд! И все шныряют как мыши разыскивают свои печенки и селезенки и прочие потроха»³⁸⁸.

Поток сознания о христианстве: «неспешный рост, вызревание догматов и обрядов, как его собственных заветных мыслей, химия звезд. Апостольский символ в мессе папы Марцелина, голоса сливаются в мощное утверждающее соло,

³⁸⁷ Джойс Д. Улисс. Том 1. Спб., 2014. С. 12.

³⁸⁸ Джойс Д. Улисс. Том 1. Спб., 2014. С. 133.

и под их пение недреманный ангел церкви воинствующей обезоруживал ересиархов и грозил им. Орды ересей в скособоченных митрах разбегаются наутек. <...> Bravo, бис! Продолжительные аплодисменты»³⁸⁹. «Блестящая организация, это факт, работает как часы. Исповедь. Все стремятся. Тогда я скажу тебе все. Раскаяние. Прошу вас, накажите меня. Сильнейшее оружие в их руках. Сильней, чем у доктора или адвоката. Женщины просто с ума сходят. А я шушушушушу. А вы бубубубу? Зачем же это вы? Разглядывает свое кольцо, ищет оправдание. Шепчущая галерея, у стен есть уши. Муж, к своему изумлению, узнает. Господь слегка подшутил. Потом она выходит. Раскаяние на пять минут. Мило пристыжена. Молитва у алтаря. <...> Прячет румянец. Армия спасения – жалкая подделка. Перед нашим собранием выступит раскаявшаяся блудница. Как я обрела Господа. В Риме, должно быть, головастые парни: это они заправляют всей лавочкой»³⁹⁰.

Аллюзии на разные религии, перемешаны богохульствами: «А римлянин, как и англичанин, следующий по его стопам, приносил с собою на любой новый берег, куда ступала его нога (на наш берег она никогда не ступала), одну лишь одержимость клоакой. Стоя в тоге, он озирался

³⁸⁹ Джойс Д. Улисс. Том 1. Спб., 2014. С. 28.

³⁹⁰ Джойс Д. Улисс. Том 1. Спб., 2014. С. 103.

кругом и говорил: *Отрадно быть здесь. Соорудим же ватерклозет.*

– Каковой неукоснительно и сооружали, – сказал Ленехан. – Наши древние предки, как можно прочесть в первой книги Пития, имели пристрастие к проточной воде.

– Они были достойными детьми природы, – тихо сказал Дж.Дж. О'Моллой. – Но у нас есть и римское право.

– И Понтий Пилат пророк его, – откликнулся профессор Макхью»³⁹¹.

Наверное, не стоит дальше цитировать этот роман, в котором подобных цитат (и намного худших), можно найти большое количество, и который, честно сказать, я не рекомендовал бы читать никому, за исключением узких специалистов. Но не упомянуть о нем, говоря об английской литературе первой половины XX века нельзя. Он как в зеркале отразил в себе постхристианский мир – бессмысленный, наполненный грехом, несчастьем, место вечного страдания, в котором даже один день и то никак не может закончиться, вмеща в себя еще и отражение восприятия религии и истории, преломляющихся как в кривом зеркале сквозь призму восприятия обитателей этого сломанного мира и в таком искаженном состоянии в этот мир входящих...

³⁹¹ Джойс Д. Улисс. Том 1. Спб., 2014. С. 165.



Джордж Оруэлл

Мир, отвернувшийся от Бога: антиутопии Джорджа Оруэлла

Британский писатель и журналист Джордж Оруэлл (1904-1950) наиболее известен своим романом «1984» (1949 год) и сказкой-аллегорией «Скотный двор» (1945 год). Сейчас, в начале третьего тысячелетия, с учетом исторического развития с момента написания этих произведений, наверное, уже было бы слишком примитивно оценивать их как просто злобные пасквилы европейского троцкиста на советский строй, тем более, что западному обществу от Оруэлла, если читать его внимательно, досталось не меньше. Скорее можно увидеть в них помимо естественно возникающих аллюзий еще и пророческое предо-

стережение о том, что несет с собой глобализация – дегуманизацию, безнадежность и вечное царство зла, вне зависимости от того, кто бы не пришел к власти. Мир без Христа становится миром антихриста, вне зависимости от того, какова его олигархия.

В 2013 году в «Российской газете» Вячеслав Недошивин писал: «Мне же главный специалист “по Оруэллу” Виктория Чаликова, за полгода до своей смерти, сказала странную вещь: “Честно говоря, я бы не хотела, чтобы мы осмыслили Оруэлла до дна. Это может произойти только тогда, когда общество убедится: та альтернатива, какую сегодня предлагает идейный авангард этого общества, альтернатива тоталитаризму, она тоже не гуманистична, не даст простому человеку того, что он хочет...”»³⁹²

Пониманию антиутопии Д. Оруэлла может помочь методологический принцип «С точностью наоборот», разработанный иеромонахом Михаилом (Чепелем): «Умело поданную ложь по недоступности понимания можно сравнить с высшей математикой. Хотя столь благородная наука здесь ни при чем. Те, кто хочет вас обмануть, стремятся, чтобы у вас не было критической оценки того, что они говорят и пишут. Они ис-

³⁹² Недошивин В. Оруэлл 2013. <http://www.rg.ru/2013/06/25/oruell.html> (дата обращения 25.06.2016 года)

пользуют ложь, запугивание, формирование различных фобий, подмену понятий. <...> Закон “С точностью наоборот” необратим, так как является классическим выражением борьбы противоположностей (но не их единства). В духовном мире диалектика Гегеля не работает: Свет не может быть единым с тьмой, дуализм неприемлем для христианского сознания. Дьявол не способен создавать. Он – разрушитель. Разрушать он может то, что создано не им. Именно это обстоятельство помогает видеть действие закона “С точностью наоборот”»³⁹³.

И вот герои Оруэлла живут в мире без Бога, в мире без надежды, без смысла, без любви и без правды; своего рода – аде, которому, как верит большинство его обитателей, нет ни конца, ни альтернативы. Мир бесконечной войны трех империй, в которой не будет победителей, войны, направленной на поддержание стабильно плохого положения в мире.

Регулярное упражнение обитателей одной из этих трех империй – Океании – двухминутка ненависти: «И вот из большого экрана в стене вырвался отвратительный вой и скрежет – словно запустили какую-то чудовищную несмазанную машину. От этого звука вставали дыбом волосы и ломило зубы. Ненависть началась.

³⁹³ Михаил (Чепель), иеромонах. С точностью наоборот. Записки на полях. М., 2015. С. 19-20.

Как всегда на экране появился Эммануэль Голдстейн. Зрители зашикали. Маленькая женщина с рыжеватыми волосами вскрикнула от страха и омерзения. Голдстейн, отступник и ренегат, когда-то, давным-давно (так давно, что никто уже и не помнил когда), был одним из руководителей партии, почти равным самому Старшему Брату, а потом встал на путь контрреволюции, был приговорен к смертной казни и таинственным образом сбежал, исчез. Программа двухминутки каждый день менялась, но главным действующим лицом в ней всегда был Голдстейн»³⁹⁴.

В мире, где ценность человеческой личности уничтожена, образ зла персонифицирован; персонифицирован в нем и образ «добра»: «Но тут же с облегчением вздохнули: фигуру врага заслонила наплывом голова Старшего Брата, черноволосая, черноусая, полная силы и таинственного спокойствия, – такая огромная, что заняла весь экран. <...> Тут все собрание принялось медленно, мерно, низкими голосами скандировать: “ЭС-БЭ!.. ЭС-БЭ!.. ЭС-БЭ!..” – снова и снова, вращаясь, с долгой паузой между “ЭС” и “БЭ”, и было в этом тяжелом волнообразном звуке что-то первобытное – мерещился за этим топот босых ног и рокот больших барабанов. Продолжалось это с

³⁹⁴ Оруэлл Д. 1984 // Д. Оруэлл. 1984. Скотный двор. М., 2011. С. 15.

полминуты. Вообще такое нередко происходило, когда чувства достигали особого накала. Отчасти это был гимн величию и мудрости Старшего Брата, но в большей степени самогипноз – люди топтали свой разум в ритмическом шуме»³⁹⁵.

Аллюзии с И.В. Сталиным и Л.Д. Троцким достаточно очевидны, впрочем, Голдстейн называется Оруэллом отнюдь не гуманистом.

И дело не только в назвавшем себя его последователем О'Брайене, «члене внутренней партии, занимавшем настолько высокий пост, что Уинстон (*главный герой романа – А.Ф.*) о нем имел лишь самое смутное представление. <...> Лет за десять Уинстон видел О'Брайена, наверное, с десятков раз. Его тянуло к О'Брайену, но не только потому, что озадачивал этот контраст между воспитанностью и телосложением боксера-тяжеловеса. В глубине души Уинстон подозревал, а может быть и не подозревал, а лишь надеялся, что О'Брайен политически не вполне правоверен. Его лицо наводило на такие мысли. Но опять-таки возможно, что на лице было написано не сомнение в догмах, а просто ум»³⁹⁶. Вопросы, которые задает О'Брайен пришедшим к нему Уинстону и Джулии, показывают, что те, кто якобы сопротивляется системе, являют собой ничуть не меньшее зло, чем она сама: готовы ли они со-

³⁹⁵ Там же. С. 19.

³⁹⁶ Там же. С. 15.

вершить убийство, совершить вредительство, которое будет стоить жизни сотням ни в чем не повинных людей, изменить родине и служить иностранным державам, обманывать, совершать подлоги, шантажировать, растлевать детские умы, распространять наркотики, способствовать проституции, разносить венерические болезни, плеснуть серной кислотой в лицо ребенку»³⁹⁷.

Можно привести достаточно яркие примеры и из книги Э. Голдстейна «Теория и практика олигархического коллективизма»: «Ни в одной части Океании жители не чувствуют себя колониальным народом, которым управляют из далекой столицы. Столицы в Океании нет; где находится номинальный глава государства, никто не знает»³⁹⁸. «<...> преэминентность олигархии не обязательно должна быть биологической, <...> наследственные олигархии всегда были недолговечными, тогда как организации, основанные на наборе <...> держались сотни, а то и тысячи лет. Суть олигархического правления не в наследной передаче от отца к сыну, а в стойкости определенного мировоззрения и образа жизни, диктуемого мертвыми живым»³⁹⁹. «Говорить заведомую ложь и одновременно в нее верить, забыть любой факт, ставший неудобным, и извлечь его из за-

³⁹⁷ Там же. С. 149.

³⁹⁸ Там же. С. 181.

³⁹⁹ Там же. С. 182.

бвения, едва он опять понадобился, отрицать существование объективной действительности и учитывать действительность, которую отрицаешь, – все это абсолютно необходимо»⁴⁰⁰. «В нашем обществе те, кто лучше всех осведомлен о происходящем, меньше всех способны увидеть мир таким, каков он есть. В общем, чем больше понимания, тем сильнее иллюзии: чем умнее, тем безумнее»⁴⁰¹.

Невольно возникают аллюзии с Л.Д. Троцким. Свою книгу «Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов» он начинал заявлением: «На самом деле ложь в политике, как и в быту, есть функция классового строения общества. Ложь угнетателей есть система отуманивания масс для поддержания своего господства. Ложь угнетенных есть оборонительное орудие слабости»⁴⁰². Но тут же он делал уточнение, что «революция есть разрыв социальной лжи. Революция правдива. Она начинается с того, что называет вещи и отношения их собственным именем»⁴⁰³. И буквально на следующей странице писал: «Не является ли основным учреждением демагогии церковь, которая за восковую свечку

⁴⁰⁰ Там же. С. 186.

⁴⁰¹ Там же. С. 187.

⁴⁰² *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М.: Изд-во «Наука», 1990. С. 5.

⁴⁰³ Там же.

обещает вечное блаженство на всем готовом?»⁴⁰⁴. Такая примитивная демагогия самого Троцкого не может не вызывать отторжения у всякого, хоть что-то понимающего в религии, поэтому он тут же обрушивался на своих возможных критиков: «Демагогией людям порядка кажется разрушение их традиционной лжи. Революция, которая есть наиболее беспощадное обнажение противоречий общества и его фальши, представляется людям порядка извержением демагогии»⁴⁰⁵. И далее Троцкий невольно сам себя обличил: «Так в сознании меньшинства, которое строит свое благополучие на подавлении и духовном закабалении большинства, все отношения переворачиваются вверх дном. <...> революция <...> поднимает новый правящий слой, который стремится закрепить свое привилегированное положение и склонен видеть в себе не временное историческое орудие революции, а ее завершение и увенчание»⁴⁰⁶. (Вспоминается здесь методологический принцип «С точностью наоборот», разработанный отцом Михаилом (Чепелем).

Аллюзии с так называемыми «сталинскими» репрессиями в СССР 1930-х годов в романе вполне очевидны, но разве не имеет подобных примеров история и других государств XX века? «В период

⁴⁰⁴ Троцкий Л. Указ соч. С. 6.

⁴⁰⁵ Там же.

⁴⁰⁶ Там же. С. 6-7.

больших чисток, были поголовно истреблены подлинные вожди революции. К 1970 году не осталось ни одного, кроме Старшего Брата. Всех разоблачили как предателей и контрреволюционеров. Голдстейн сбежал и скрывался неведомо где, кто-то просто исчез, большинство же, после шумных процессов, где все признавались в своих преступлениях, было казнено. Среди последних, кого постигла эта участь, были трое: Джонс, Аронсон и Резерфорд. Их взяли году в шестьдесят пятом. По обыкновению, они исчезли на год или год с лишним, и никто не знал, живы они или нет; но потом вдруг их извлекли, дабы они, как принято, изобличили себя сами. Они признались в сношениях с врагом (тогда врагом тоже была Евразия), в растрате общественных фондов, в убийстве преданных партийцев, в подкопах под руководство Старшего Брата, которыми они занялись еще задолго до революции, во вредительских актах, стоивших жизни сотням тысяч людей. Признались, были помилованы, восстановлены в партии и получили посты, по названию важные, а по сути – синекуры. Все трое выступили с длинными покаянными статьями в “Таймс”, где рассматривали корни своей измены и обещали искупить вину. <...> Чуть позже всех троих опять арестовали. Выяснилось, что сразу же после освобождения они вступили в новые заговоры. На втором процессе они вновь сознались во всех

прежних преступлениях и во множестве новых. Их казнили, а дело их в назидание потомкам увековечили в истории партии»⁴⁰⁷.

«Бывало это всегда по ночам – арестовывали по ночам. Внезапно будят, грубая рука трясет тебя за плечо, светят в глаза, кровать окружили суровые лица. Как правило, суда не было, об аресте нигде не сообщалось. Люди просто исчезали, и всегда – ночью. Твое имя вынута из списков, все упоминания о том, что ты делал, стерты, факт твоего существования отрицается и будет забыт. Ты отменен, уничтожен: как принято говорить, *распылен*»⁴⁰⁸.

«Если бы сразу убили – полбеды. Смерть дело предрешенное. Но перед смертью (никто об этом не распространялся, но знали все) будет признание по заведенному порядку: с ползанием по полу, мольбами о пощаде, с хрустом ломаемых костей, с выбитыми зубами и кровавыми колтунами в волосах. Почему ты должен пройти через это, если итог все равно известен? Почему нельзя сократить тебе жизнь на несколько дней или недель? От разоблачения не ушел ни один, и признавались все до единого. В тот миг, когда ты преступил в мыслях, ты уже подписал себе

⁴⁰⁷ Оруэлл Д. 1984 // Д. Оруэлл. 1984. Скотный двор. М., 2011. С. 68-70.

⁴⁰⁸ Там же. С. 22.

смертный приговор. Так зачем ждут тебя эти муки в будущем, если они ничего не изменят?»⁴⁰⁹

«Он был один. Прошлое умерло, будущее нельзя вообразить. Есть ли какая-нибудь уверенность, что хоть один человек из живых – на его стороне? И как узнать, что владычество партии не будет вечным? И ответом встали перед его глазами три лозунга на белом фасаде министерства правды:

ВОЙНА – ЭТО МИР
СВОБОДА – ЭТО РАБСТВО
НЕЗНАНИЕ – СИЛА

Он вынул из кармана двадцатипятицентовую монету. И здесь мелкими буквами те же лозунги, а на оборотной стороне – голова Старшего Брата. Даже с монеты тебя преследовал его взгляд. На монетах, на марках, на книжных обложках, на знаменах, плакатах, на сигаретных пачках – повсюду. Всюду тебя преследуют эти глаза и обволакивает голос. Во сне и наяву, на работе и за едой, на улице и дома, в ванной, в постели – нет спасения. Нет ничего твоего, кроме нескольких кубических сантиментов в черепе»⁴¹⁰.

Что касается системы лжи, показанной в романе, то представляется, что запад использовал этот механизм намного более широко и умело, чем СССР: «Но проследить историю тех лет,

⁴⁰⁹ Там же. С. 91.

⁴¹⁰ Там же. С. 28.

определить, кто с кем и когда сражался, было совершенно невозможно: ни единого письменного документа, ни единого устного слова об иной расстановке сил, чем нынешняя. Нынче, к примеру, в 1984 году (если год – 1984-й), Океания воевала с Евразией и состояла в союзе с Остазией. Ни публично, ни с глазу на глаз никто не упоминал о том, что в прошлом отношения трех держав могли быть другими. Уинстон прекрасно знал, что на самом деле Океания воюет с Евразией и дружит с Остазией всего четыре года. <...> Партия говорит, что Океания никогда не заключала союза с Евразией. Он, Уинстон Смит, знает, что Океания была в союзе с Евразией всего четыре года назад. Но где хранится это знание? Только в его уме, а он, так или иначе, скоро будет уничтожен. И если все принимают ложь, навязанную партией, если во всех документах одна и та же песня, тогда эта ложь поселяется в истории и становится правдой. “Кто управляет прошлым, – гласит партийный документ, – тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым”⁴¹¹. Например, из сообщения «Таймс» от 17 марта явствовало, что накануне в своей речи Старший Брат предсказал затишье на южноиндийском фронте и скорое наступление войск Евразии в Северной Африке. На самом же деле евразийцы начали наступление в Южной Индии, а в Север-

⁴¹¹ Там же. С. 34.

ной Африке никаких действий не предпринимали. Надо было переписать этот абзац в речи Старшего Брата так, чтобы он предсказал действительный ход событий»⁴¹². «Когда все поправки к данному номеру газеты будут собраны и сверены, номер напечатают заново, старый экземпляр уничтожат и вместо него подошьют исправленный. В этот процесс непрерывного изменения вовлечены не только газеты, но и книги, журналы, брошюры, плакаты, листовки, фильмы, фонограммы, карикатуры, фотографии – все виды литературы и документов, которые могли иметь политическое или идеологическое значение. Ежедневно и чуть ли не ежеминутно прошлое подгонялось под настоящее. Поэтому документами можно было подтвердить верность любого предсказания партии; ни единого известия, ни единого мнения, противоречащего нуждам дня, не существовало в записях. Историю, как старый пергамент, выскабливали начисто и писали заново – столько раз, сколько нужно. И не было никакого способа доказать потом подделку. В самой большой секции документального отдела – она была гораздо больше той, где трудился Уинстон, – работали люди, чьей единственной задачей было выискивать и собирать все экземпляры газет, книг и других изданий, подлежащих замене. Номер “Таймс”, который из-за политических пере-

⁴¹² Там же. С. 37-38.

наладок и ошибочных пророчеств Старшего Брата перепечатывался, быть может, десяток раз, все равно датирован прежним числом, и нет в природе ни единого опровергающего экземпляра. Книжки тоже переписывались снова и снова и выходили без упоминания о том, что они переиначены»⁴¹³.

Снижение общего интеллектуального уровня населения, деформации языка – необходимое дополнение к превращению человечества в своего рода машину, лишенную нормальных человеческих качеств. Коллега Уинстона Сайм говорит ему: «Неужели вам непонятно, что задача новояза – сузить горизонты мысли? В конце концов мы сделаем мыслепреступление попросту невозможным – для него не останется слов. Каждое необходимое понятие будет выражаться одним-единственным словом, значение слова будет строго определено, а побочные значения упразднены и забыты»⁴¹⁴.

Уинстону «пришло в голову, что самое характерное в нынешней жизни – не жестокость ее и не шаткость, а просто убожество, тусклость, апатия. <...> Партийный идеал – это нечто исполинское, грозное, сверкающее: мир стали и бетона, чудовищных машин и жуткого оружия, страна воинов и фанатиков, которые шагают в едином

⁴¹³ Там же. С. 38-39.

⁴¹⁴ Там же. С. 49.

строю, думают одну мысль, кричат один лозунг, неустанно трудятся, сражаются, торжествуют, карают – триста миллионов человек – и все на одно лицо. В жизни же – города-трущобы, где снуют несытые люди в худых башмаках, ветхие дома девятнадцатого века, где всегда пахнет капустой и нужником. Перед ним возникло видение Лондона – громадный город развалин, город миллиона мусорных ящиков»⁴¹⁵.

Еще один признак этого мира – дети, предающие своих родителей.

Парсонс, коллега и сосед Уинстона, рассказывает ему о своей семилетней дочери: «Знаете, что дочурка выкинула в прошлое воскресенье? У них поход был в Беркампстед – так она сманила еще двух девчонок, откололись от отряда и до вечера следили за одним человеком. Два часа шли за ним, и все лесом, – а в Амершере сдали его патрулю.

– Зачем это? – слегка опешив, спросил Уинстон.

Парсонс победоносно продолжал:

– Дочурка догадалась, что он вражеский агент, на парашюте сброшенный или еще как. Но вот в чем самая штука-то. С чего, вы думаете, она его заподозрила? Туфли на нем чудные – никогда, говорит, не видела на человеке таких туфель. Что,

⁴¹⁵ Там же. С. 67.

если иностранец? Семь лет пигалице – а смышленная какая, а?

– И что с ним сделали? – спросил Уинстон.

– Ну, уж этого я не знаю. Но не особенно удивлюсь, если... – Парсонс изобразил, будто целится из ружья, и щелкнул языком»⁴¹⁶.

И благодаря этой дочке и сам Парсонс попадает под каток репрессий. Характерен их разговор с Уинстоном в тюрьме. Парсонс говорит ему: «Знаете, как на меня напало? Во сне. Верно вам говорю. Работал вовсю, вносил свою лепту – и даже не знал, что в голове у меня есть какая-то дрянь. А потом стал во сне разговаривать. Знаете, что от меня услышали?

Он понизил голос, как человек, вынужденный по медицинским соображениям произнести непристойность:

– Долой Старшего Брата! Вот что я говорил. И кажется много раз. Между нами, я рад, что меня забрали, пока это дальше не зашло. Знаете, что я скажу, когда меня поставят перед трибуналом? Я скажу: “Спасибо вам. Спасибо, что спасли меня вовремя”.

– Кто о вас сообщил? – спросил Уинстон.

– Дочурка, – со скорбной гордостью ответил Парсонс. – Подслушивала в замочную скважину. Услышала, что я говорю, а на другой же день – шасть к патрулям. Недурно для семилетней пига-

⁴¹⁶ Там же. С. 53-54.

лицы, а? Я на нее не в обиде. Наоборот горжусь. Это показывает, что я воспитал ее в правильном духе»⁴¹⁷.

В мире, где нет Бога – убежать некуда. Попытка Уинстона и ставшей для него единственным близким человеком в мире Джулии убежать в любовь друг к другу также изначально обречена, и они это понимают. Уинстону сорок лет, Джулии двадцать шесть. Она в определенной степени развращена, но в этом не ее личная вина, а то, что в подростковом возрасте «ее выдвинули (признак хорошей репутации) на работу в порносеке, подразделении литературного отдела, выпускающем дешевую порнографию для пролов. Сотрудники называли его Навозным домом, сказала она. <...> Он с удивлением узнал, что, кроме главного, все сотрудники порносека – девушки. <...> Первый роман у нее был в шестнадцать лет – с шестидесятилетним партийцем, который впоследствии покончил с собой, чтобы избежать ареста. “И правильно сделал, – добавила Джулия. – У него бы и мое имя вытянули на допросе”. После этого у нее были разные другие. Жизнь в ее представлении была штука простая. Ты хочешь жить весело; “они”, то есть партия, хотят тебе помешать; ты нарушаешь правила как можешь. То, что “они” хотят отнять у тебя удовольствия казалось ей таким же естественным, как то, что ты не

⁴¹⁷ Там же. С. 203.

попасться. Она ненавидела партию и выражала это самыми грубыми словами, но в целом ее не критиковала»⁴¹⁸.

«В отличие от Уинстона она поняла смысл пуританства, насаждаемого партией. Дело не только в том, что половой инстинкт творит свой собственный мир, который неподвластен партии, а значит, должен быть по возможности уничтожен. Еще важнее то, что половой голод вызывает истерию, а она желательна, ибо ее можно преобразовать в военное неистовство и в поклонение вождю. Джулия выразила это так:

– Когда спишь с человеком, тратишь энергию; а потом тебе хорошо и на все наплевать. Им это – поперек горла. Они хотят, чтобы энергия в тебе бурлила постоянно. Вся эта маршировка, крики, махание флагами – просто секс протухший. Если ты сам по себе счастлив, зачем тебе возбуждаться из-за Старшего Брата, трехлетних планов, двухминутки ненависти и прочей гнусной ахинеи?»⁴¹⁹

Но сближаясь друг с другом, Джулия и Уинстон видят в основе своих отношений уже не секс. Уинстон думает, что «теперь, через месяц после их знакомства, его тянуло к Джулии совсем по-другому. <...> Ему захотелось, чтобы они были мужем и женой и жили вместе уже десять лет.

⁴¹⁸ Там же. С. 114-115.

⁴¹⁹ Там же. С. 116.

Ему захотелось идти с ней по улице, как теперь, только не таясь, без страха, говорить о пустяках и покупать всякую ерунду для дома. А больше всего захотелось найти такое место, где они смогли бы побыть вдвоем и не чувствовать, что обязаны урвать любви на каждом свидании»⁴²⁰. Интересно, что и Джулия и Уинстон, утвердительно отвечая на все жуткие вопросы О'Брайена, ответили отрицательно на один вопрос: готовы ли они расстаться и больше никогда не видеть друг друга⁴²¹. Это им припомнили. Отрекшиеся под пытками от своей любви, встретившись на условной свободе, они почувствовали отчуждение друг к другу.

«– Я предала тебя, – сказала она без обвиняков.

– Я предал тебя, – сказал он.

Она снова взглянула на него с неприязнью.

– Иногда, – сказала она, – тебе угрожают чем-то таким... таким, чего ты не можешь перенести, о чем не можешь даже подумать. И тогда ты говоришь: “Не делайте этого со мной, сделайте с кем-нибудь другим, сделайте с таким-то”. А потом ты можешь притворяться перед собой, что это была только уловка, что ты сказала это просто так, лишь бы перестали, а на самом деле ты этого не хотела. Неправда. Когда это происходит, желание у тебя именно такое. Ты думаешь, что

⁴²⁰ Там же. С. 121-122.

⁴²¹ Там же.

другого способа спастись нет, ты согласна спастись таким образом. Ты хочешь, чтобы это сделали с другим человеком. И тебе плевать на его мучения. Ты думаешь только о себе.

– Думаешь только о себе, – эхом отозвался он.

– А после ты уже по-другому относишься к тому человеку.

– Да, – сказал он, – относишься по-другому. Говорить было больше не о чем»⁴²².

Мир без Бога – это еще и мир без прощения...

К чему же стремится этот мир? Пытающийся Уинстона О'Брайен говорит ему: «какой мир мы создаем? Он будет полной противоположностью тем глупым гедонистическим утопиям, которыми тешились прежние реформаторы. Мир страха, предательства и мучений, мир топчущих и растоптанных, мир, который совершенствуясь, будет становиться не менее, а более безжалостным; прогресс в нашем мире будет направлен к росту страданий. Прежние цивилизации утверждали, что они основаны на любви и справедливости. Наша основана на ненависти. В нашем мире не будет иных чувств, кроме страха, гнева, торжества и самоуничужения. Все остальные мы истребим»⁴²³. Аду не нужны мученики, мучения кото-

⁴²² Там же. С. 254.

⁴²³ Там же. С. 232.

рых могут вырвать их из него; ему нужны те, чьи мучения станут вечными, и они добровольно согласятся на них. Тот же О'Брайен говорит Уинстону: «Когда вы нам сдадитесь, вы сдадитесь по собственной воле. Мы уничтожаем еретика не потому, что он нам сопротивляется; покуда он сопротивляется, мы его не уничтожим. Мы обратим его, мы захватим его душу до самого дна, мы его переделаем. Мы выжжем в нем все зло, и все иллюзии; он примет нашу сторону – не формально, а искренне, умом и сердцем. Он станет одним из нас, и только тогда мы его убьем. Мы не потерпим, чтобы где-то в мире существовало отклонения даже в миг смерти»⁴²⁴. И в конце книги Уинстон в момент расстрела «любит Старшего Брата»⁴²⁵.

Столь же безнадежен и конец сказки-притчи «Скотный двор»: захватившие власть на ферме свиньи, вместо освобождения принесли животным еще более жестокое угнетение. Они установили деловые связи с соседними фермами, и один из приехавших на устроенный свиньями прием фермер говорит: «Он надеется не погрешить против истины, если скажет, что на Скотном Дворе низшие животные работают больше, а кормов получают меньше, чем на любой другой ферме. Словом, и ему и его друзьям довелось увидеть

⁴²⁴ Там же. С. 221.

⁴²⁵ Там же. С. 258.

много такого, что они безотлагательно введут на своих фермах. <...> Интересы свиней и людей никоим образом не противоречат друг другу. У них одни и те же цели, одни и те же трудности. Разве проблемы рабочей силы не везде одинаковы?»⁴²⁶.

А угнетенные животные, заглянув в окно, увидели следующую картину: «Двенадцать голов злобно перебранивались, отличить, какой чей, было невозможно. И тут до животных, наконец, дошло, что стало со свиньями харями. Они переводили взгляд со свиньи на человека, с человека на свинью и снова со свиньи на человека, но угадать, кто из них кто, было невозможно»⁴²⁷.

Но что же, на самом ли деле Бог покинул мир, где жили герои Оруэлла и их прототипы? Здесь уместно процитировать одного из наиболее харизматичных деятелей движения «Анонимных Алкоголиков» второй половины двадцатого столетия Чарльза Чемберлейна: «Еще до этого я трындел в каком-то месте, и вдруг ко мне подошёл мальчишка и спросил меня: “Чак, а знаешь почему нам так трудно найти Бога?” Мне не хотелось отвечать. Я был жутко уставшим. Мне хотелось уйти отсюда. И я подумал: “Сейчас мне придется битый час выслушивать объяснение, почему нам так трудно найти Бога”. Но я не мог просто отойти, и

⁴²⁶ Оруэлл Д. Скотный двор // Д. Оруэлл. 1984. Скотный двор. М., 2011. С. 348.

⁴²⁷ Там же. С. 350.

мне пришлось сказать: “Нет, не знаю, ну почему нам так трудно?” И он ответил: “Потому что Он не терялся”. Он добавил: “Понимаешь, все, что нам надо сделать, это вернуться домой, и мы находим, что Бог всегда был там. Это мы блуждали”»⁴²⁸. Но герои антиутопий Оруэлла думают, что они и есть дома, они сами строят ад, не жалея ради этого никаких жертв. Поэтому эти его две книги – прозрение того, какими могут быть последние страницы истории человечества.

⁴²⁸ Чак Ч. Новые очки
<http://www.google.ru/url?d.Yms&cad=rjt> (дата обращения
5.09.2013)



Олдос Хаксли

«Дивный новый мир» Олдоса Хаксли

Английский писатель Олдос Хаксли (1894-1963) в 1932 году написал роман-антиутопию «О дивный новый мир». Реальность, увиденная им в последующие годы, заставила писателя в 1957 году написать книгу «Возвращение в прекрасный новый мир», в которой он описывал уже иную антиутопию, в которой все еще хуже и страшнее, чем в первой. Но наибольшую известность получила именно первая книга: горестное художественное прозрение будущего «блаженства» человечества; мира, в котором нет личностей, нет глубоких мыслей и чувств; мира, в котором человек превращается всего лишь в винтик всечеловеческой машины.

Открывается книга экскурсией студентов по «Центрально-Лондонскому инкубаторию и воспитательному центру» – месту, где Мировое Государство делает людей из пробирок и моделирует их по своему усмотрению; при этом наибольшим успехом считается постановка производства одинаковых людей на конвейер: «Девяносто шесть тождественных близнецов, работающих на девяносто шести тождественных станках, – Голос у Директора слегка вибрировал от воодушевления. – Тут уж мы стоим на твердой почве. Впервые в истории. “Общность, Одинаковость, Стабильность”, – проскандировал он девиз планеты. Величественные слова»⁴²⁹.

«Отец» и «мать» стали неприличными словами; семьи нет; поощряются беспорядочные связи с раннего детства и до самой смерти; сама возможность для женщин к зачатию находится под жестким контролем Мирового Государства: «– Понятно ведь, – сказал мистер Фостер, – что в подавляющем большинстве случаев плодовоспособность является только помехой. Для наших целей был бы, в сущности, вполне достаточен один плодоносящий яичник на каждые тысячу двести женских особей. Но хочется иметь хороший выбор. И, разумеется, должен всегда быть обеспечен огромный аварийный резерв плодовоспособных яичников. Поэтому мы позволяем це-

⁴²⁹ Хаксли О. О дивный новый мир. М., 2011. С. 13

лым тридцати процентам женских зародышей развиваться нормально. Остальные же получают дозу мужского полового гормона через каждые двадцать четыре метра дальнейшего маршрута. В результате к моменту раскупорки они уже являются неплодами – в структурном отношении вполне нормальными особями (с той, правда, оговоркой, что у них чуточку заметна тенденция к волосистости щек), но неспособными давать потомство. Гарантированно, абсолютно неспособными⁴³⁰. Для тех же, кто способны, помимо доведенной до инстинкта потребности к предохранению, существовали и абортарии; воспоминание о них кажется потерявшейся в резервации и родившей там ребенка Линде чем-то прекрасным: «Кстати, абортарий наш и теперь в Челси? Линайна кивнула). И, как раньше, освещен весь прожекторами по вторникам и пятницам? (Линайна снова кивнула). Эта дивная из розового стекла башня! – Бедная Линда, закрыв глаза, закинув голову, воскресила в памяти светлое видение абортария»⁴³¹.

О том как «ужасна» традиционная семья – с пафосом рассказывает один из Главноуправителей: «Мустафа Монд подался вперед, к слушателям, потряс поднятым пальцем.

⁴³⁰ Хаксли О. Указ. соч. С. 20

⁴³¹ Хаксли О. Указ. соч. С. 135

– Вообразите только, – произнес он таким тоном, что у юнцов под ложечкой похолодело, задрожало. – Попробуйте вообразить, что это означало – иметь живородящую мать.

Опять это непристойное слово. Но теперь ни у кого на лице не мелькнуло ни тени улыбки.

– Попробуйте лишь представить, что означало “жить в семье”.

Студенты попытались; но видно было, что без всякого успеха.

– А известно ли вам, что такое был “родной дом”?

“Нет”, – покачали они головой.

<...> Родной, родимый дом – в комнатенках его, как сельди в бочке обитатели: мужчина, периодически рожаящая женщина и разновозрастный сброд мальчишек и девчонок. Духота, теснота; настоящая тюрьма, притом антисанитарная; темень, болезни, вонь.

(Главноуправитель рисовал эту тюрьму так живо, что один студент, повпечатлительнее прочих, побледнел, и его чуть не стошнило).

<...> А в духовном смысле родной дом был также мерзок и грязен, как в физическом. Психологически это была мусорная яма, кроличья нора, жарко нагретая взаимным трением спершихся в ней жизней, смердящая душевными переживаниями. Какая душная психологическая близость, какие опасные, дикие, смрадные отношения меж-

ду членами семейной группы! Как помешанная, тряслась мать над своими детьми (своими! родными!) – ни дать ни взять как кошка над котятами, но кошка, умеющая говорить, повторять без устали: “Моя детка, моя крохотка”.

<...> – Да, – покивал головой Мустафа Монд, – вас недаром дрожь берет»⁴³².

Потому и оказывается для Директора таким кошмаром встреча с сыном, которого родила его подруга, когда-то давно потерянная им во время экскурсии в резервацию, где нецивилизованные «дикари» живут «по-старому». «Джон тут же появился на пороге, остановился, осмотрелся, затем быстро, бесшумно в своих мокасынах пересек зал, опустил на колени перед Директором и звучно произнес:

– Отец мой!

Слово это (ибо ругательство “отец”, менее прямо, чем “мать”, связанное с мерзкими аморальным актом деторождения, звучит не столь похабно, сколь попросту навозно) – комически-грязное это словцо разрядило атмосферу напряжения, ставшего уже невыносимым. Грянул хохот-рев, оглушительный и нескончаемый. “Отец мой” – и кто же? Директор! Отец! Да это же фантастика! Все новые, новые приступы, взрывы – лица раскисли от хохота, слезы текут. <...> Бледный, вне себя от унижения, Директор огляделся

⁴³² Хаксли О. Указ. соч. С. 44-46

затравленно вокруг дикими глазами. Отец мой! Хохот, начавший было утихать, раскатился опять, громче прежнего. Зажав руками уши, Директор кинулся из зала»⁴³³. Он уходит с должности, погружается в нескончаемое наркотическое забытьё, не в силах вынести «позора».

Но что предлагается взамен? Зачатые в пробирке дети воспитываются, если это можно так назвать, путем выработки у них примитивных рефлексов, когда «...в младенческом мозгу книги и цветы уже опорочены, связаны с грохотом, электрошоком; а после двухсот повторений одного и того же или сходного урока связь эта станет нерасторжимой. Что человек соединил, природа разделить бессильна.

– Они вырастут, неся в себе то, что психологи когда-то называли “инстинктивным” отвращением к природе. Рефлекс, привитый на всю жизнь. Мы их навсегда обезопасим от книг и от ботаники»⁴³⁴.

«Вред» книг понятен; но чем же опасны цветы? – интересуется у Директора один из слушателей. «У цветочков и пейзажей тот существенный изъян, что это блага даровые, подчеркнул Директор. Любовь к природе не загружает фабрики заказами. И решено было отменить любовь к природе – во всяком случае, у низших каст; отменить,

⁴³³ Хаксли О. Указ. соч. С. 168-169

⁴³⁴ Хаксли О. Указ. соч. С. 29

но так, чтобы загрузка транспорта не снизилась. Оставалось существенно важным, чтобы за город ездили по-прежнему, хотя и питая отвращение к природе. Требовалось лишь подыскать более разумную с хозяйственной точки зрения причину для пользования транспортом, чем простая тяга к цветам и пейзажам. И причина была подыскана.

– Мы прививаем массам нелюбовь к природе. Но одновременно мы внедряем в них любовь к загородным видам спорта. Причем именно к таким, где необходимо сложное оборудование. Чтобы не только транспорт был загружен, но и фабрики спортивного инвентаря. Вот из чего проистекает связь цветов с электрошоком, – закружил мысль Директор»⁴³⁵. «Странно, – заразмышлял вслух Директор, когда пошли дальше, – странно подумать, что даже при господе нашем Форде для большинства игр еще не требовалось ничего, кроме одного-двух мячей да нескольких клюшек или там сетки. Какая это была глупость – допускать игры, пусть и замысловатые, но нима-ло не способствующие росту потребления. Дикая глупость. Теперь же Главноуправители не разрешают никакой новой игры, не удостоверясь прежде, что для нее необходимо, по крайней мере, столько же спортивного инвентаря, как для самой сложной из уже допущенных игр...»⁴³⁶

⁴³⁵ Хаксли О. Указ. соч. С. 30-31

⁴³⁶ Хаксли О. Указ. соч. С. 38

Интересно в этой связи отметить, что в 2007 году на ежегодном молодежном форуме на Селигере, в то время министр образования РФ А.А. Фурсенко высказал такую точку зрения: «Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других». «Идеология образования осталась той же – мы должны готовить творцов, – высказывает свою позицию Фурсенко. – А нам необходимо, прежде всего, прививать культуру использования уже имеющихся наработок, следования имеющимся стандартам». По его убеждению, в настоящее время у вузов сохраняется устаревшая позиция по подготовке в первую очередь «творцов», которые могут быть не всегда и не везде нужны⁴³⁷.

Помимо выработки примитивных рефлексов, дети подвергаются мощному воздействию во сне, когда изо дня в день во время сна слышат монотонный голос, твердящий то, что они должны усвоить, чтобы эффективно выполнять отведенную им социальную и производственную функцию: «Голос помолчал – и начал снова:

⁴³⁷ Аргументы и факты. Список досье. Персоны. <http://www.aif.ru/dossier/1399> (дата обращения 13 мая 2016 года)

– Дети-альфы ходят в сером. У альф работа гораздо труднее, чем у нас, потому что альфы страшно умные. Прямо чудесно, что я бета, что у нас работа легче. И мы гораздо лучше гамм и дельт. Гаммы глупые. Они ходят в зеленом, а дельты в хаки. Нет, нет, не хочу я играть с детьми-дельтами. А эпсилонеры еще хуже. Они вообще глупые, ни...

Директор нажал выключатель. Голос умолк. Остался только его призрак – слабый шепот, по-прежнему идущий из-под восьмидесяти подушек.

– До подъема им повторят это еще разочков сорок или пятьдесят; затем снова в четверг и в субботу. Трижды в неделю по сто двадцать раз в продолжение тридцати месяцев. После чего они перейдут к другому, усложненному уроку.

Розы и электрошок, дельты в хаки и струя чесночной вони – эта связь уже нерасторжимо закреплена, прежде чем ребенок научится говорить. Но бессловесное внедрение рефлексов действует грубо, огульно; с помощью его нельзя сформировать более тонкие и сложные шаблоны поведения. Для этой цели требуются слова, но вдумывания не нужно. Короче – требуется гипнопедия»⁴³⁸.

«Идеальное» общество отнюдь не гуманистично. Его Главноуправители без всяких сомнений идут, например, на такие эксперименты: «По

⁴³⁸ Хаксли О. Указ. соч. С. 36-37

распоряжению Главноуправителей Мира остров Кипр был очищен от всех его тогдашних обитателей и заново заселен специально выращенной партией альф численностью в двадцать две тысячи. Им дана была вся необходимая сельскохозяйственная и промышленная техника и предоставлено право самим вершить свои дела. Результат в точности совпал с теоретическими предсказаниями. Землю не обрабатывали как положено; законы и в грош не ставились, приказам не повиновались; все альфы, назначенные на определенный срок выполнять черные работы, интриговали и ловчили как могли, чтобы перевестись на должность почище, а те, кто сидел на чистой работе, вели встречные интриги, чтобы любым образом удержать ее за собой. Не прошло и шести лет, как разгорелась самая настоящая гражданская война. Когда из двадцати двух тысяч девятнадцать оказались перебиты, уцелевшие альфы обратились к Главноуправителям с единодушной просьбой снова взять в свои руки правление»⁴³⁹.

Естественно, что в этом мире не нужна историческая память. «– Все вы помните, – сказал Главноуправитель своим звучным басом, – все вы, я думаю, помните прекрасное и вдохновенное изречение господина нашего Форда: «История –

⁴³⁹ Хаксли О. Указ. соч. С.245-246

сплошная чушь». История, – повторил он не спеша, – сплошная чушь»⁴⁴⁰.

Но человек, даже выращенный в пробирке, стремится к чему-то высшему; это стремление глушится легализованным наркотиком – сомой, внешне не дающим тяжелых последствий: «Наркотик получился идеальный. <...> Успокаивает, дает радостный настрой, вызывает приятные галлюцинации. <...> Все плюсы христианства и алкоголя и ни одного их минуса. <...> Захотелось, и тут же устраиваешь себе сом-отдых – отдых от реальности, – и голова с похмелья не болит потом, и не засорена никакой мифологией. <...> Это практически обеспечило стабильность»⁴⁴¹.

Этот мир изжил старость: «Осталось лишь победить старческую немощь. <...> Половые гормоны, соли магния, вливание молодой крови... <...> Все телесные недуги старости были устранены. А вместе с ними, конечно... <...> исчезли и все старческие особенности психики. <...> Работа, игры – в шестьдесят лет наши силы и склонности те же, что были в семнадцать»⁴⁴². Поэтому Линда, постаревшая в резервации, где она потерялась, вызывает в этом мире такое отторжение: «Линда с отвращением заметила, что двух перед-

⁴⁴⁰ Хаксли О. Указ. соч. С. 42-43

⁴⁴¹ Хаксли О. Указ. соч. С 65-66

⁴⁴² Хаксли О. Указ. соч. С 66-67

них зубов во рту нет. А те, что есть, жуткого цвета... Бр! Она гаже того старика. Жирная такая. И все эти морщины, складки дряблого лица. Обвислые щеки в лиловых пятнах прыщей. Красные жилки на носу, на белках глаз. И эта шея, эти подбородки; и одеяло накинуто на голову – рваное, грязное. А под коричневой рубахой-балахоном эти бурдюки грудей, это выпирающее брюхо, эти бедра. О, куда гаже старика, куда гаже!»⁴⁴³

Смерть в нем воспринимается как обычный физиологический процесс, не имеющий большого значения, чему детей учат с раннего возраста: «Смертовоспитание начинается с полутора лет. Каждый малыш дважды в неделю проводит утро в Умиральнице. Там его ожидают самые интересные игрушки и шоколадные пирожные. Ребенок приучается воспринимать умирание, смерть как нечто само собой разумеющееся.

– Как любой другой физиологический процесс, – вставила авторитетно директриса»⁴⁴⁴.

В этом мире есть своя религия, однозначно антихристианская:

«– У всех крестов спилили верх – преобразовали в знак Т. Было некогда понятие, именовавшееся Богом.

⁴⁴³ Хаксли О. Указ. соч. С. 134

⁴⁴⁴ Хаксли О. Указ. соч. С. 182

<...> Теперь у нас Мировое Государство. И мы ежегодно празднуем День Форда, мы устраиваем вечера песнословия и сходки единения»⁴⁴⁵.

Их молитвенные собрания, в чем-то схожие с реальными обрядами некоторых деструктивных религиозных культов, порочны и кощунственны, но их участники этого не понимают:

«Раз в две недели, по четвергам, Бернарду положено было участвовать в сходке единения. <...> Мужчина, женщина, мужчина, женщина – чередование это шло по всему кольцу. Двенадцать сопричастников, чающих единения, готовых слить, сплавить, растворить свои двенадцать отдельных особей в общем большом организме. <...> Председатель снова сотворил знамение Т и сел. Фордослужение началось. В центре стола лежали освященные таблетки сомы. Из рук в руки передавалась чаша клубничной сомовой воды с мороженым, и, произнеся: “Пью за мое единение”, каждый из двенадцати в свой черед осушил эту чашу. <...> Хороводом пошли они по кругу, каждый положив руки на бедра идущего перед ним, каждый восклицая и притопывая в такт музыке, отбивая, отбивая этот такт на ягодицах впереди идущего; закружили, закружили хороводом, хлопая гулко и все как один – двенадцать пар ладоней по двенадцати плотным задам. Двенадцать как один, двенадцать один. “Я слышу, слы-

⁴⁴⁵ Хаксли О. Указ. соч. С. 64

шу, он идет”. Темп музыки ускорился; быстрее затопали ноги, быстрее забили ритм ладони. И тут мощный синтетический бас зарокотал, возвещающая наступление единения, финальное слияние Двенадцати в Одно, в осуществленный, воплощенный Высший Организм»⁴⁴⁶.

Интересны рассуждения Главноуправителя Мустафы Монда, одного из немногих в этом мире, кто действительно умеет думать. Его спрашивают:

«– Так, по-вашему, Бога нет?

– Вполне вероятно, что Он есть.

– Тогда почему?

<...> – Теперь проявляет Себя Своим отсутствием; Его как бы и нет вовсе»⁴⁴⁷.

Джон, сын Директора и Линды, которого в «цивилизованном» мире называют «Дикарем» – максималист, идеалист, обреченный на одиночество. Показательно описание его религиозного опыта в день, когда индейцы запретили ему пройти инициацию вместе с другими юношами: «Совсем один, за чертой пуэбло, на голой скальной равнине месы⁴⁴⁸. В лунном свете скала – точно кости, побелевшие от времени. Внизу, в долине, воют на луну койоты. Ушибы от камней бо-

⁴⁴⁶ Хаксли О. Указ. соч. С. 90, 92-93, 97

⁴⁴⁷ Хаксли О. Указ. соч. С. 257-258

⁴⁴⁸ Меса – американский геологический термин, название столовых гор (холмов с плоской вершиной) в Мексике и США.

лят, кровь еще течет; но не от боли он рыдает, а оттого, что одинок, что выгнан вон в этот безлюдный мир камня и лунного света. Он опустился на краю обрыва, спиной к луне. Глянул вниз, в черную тень месы – в черную сень смерти. Один только шаг, один прыжок... Он повернул к свету правую руку. Из рассеченной кожи на запястье сочилась еще кровь. Каждые несколько секунд падала капля, темная, почти черная в мертвом свете. Кап, кап, кап. Завтра и снова завтра, снова завтра... Ему открылись Время, Смерть, Бог»⁴⁴⁹.

Ему очень горько, что его мать ведет себя так, как принято в «цивилизованном» мире: беспорядочные половые связи вызывают у «дикарей» гнев и презрение, а ее попытка заменить сому алкоголем, к преждевременному старению и деградации. И даже у постели умирающей матери, вернувшейся в цивилизованный мир лишь для того, чтобы погрузиться в непрерывное наркотическое забытие, Джон не находит светлых воспоминаний, которые он мог бы в себе воскресить: «Милые воспоминания отказывались оживать; воскресало в памяти лишь ненавистное, мерзкое, горестное. Линда в безобразно-пьяном сне, и мухи жужжат над мескалем, расплесканным на полу у постели; мальчишки, орущие ей вслед позорные слова...»⁴⁵⁰

⁴⁴⁹ Хаксли О. Указ. соч. С. 153

⁴⁵⁰ Хаксли О. Указ. соч. С. 224

А между тем ему необходима идеальная женщина, не такая как его мать. Неразделенная первая любовь лишь укрепляет эти чувства:

«Встали над обрывом – лицом к утреннему солнцу. Котлу раскрыл ладонь. На ладони лежала горстка кукурузной муки; ондохнул на нее, прошептал несколько слов и бросил эту щепоть белой пыли навстречу встающему солнцу. То же сделала и Кьякима. Выступил вперед отец ее и, держа над собой оперенную молитвенную палочку, произнес длинную молитву, затем бросил и палочку навстречу солнцу.

– Кончено, – возгласил старый Митсима. – Они вступили в брак.

– Одного я не понимаю, – сказала Линда, возвращаясь в пуэбло вместе с Джоном, – зачем столько шума и возни по пустякам. В цивилизованных краях, когда парень хочет девушку, он просто... Ну куда же ты, Джон?

Но Джон бежал, не останавливаясь, не желая слушать, – прочь, прочь куда-нибудь, где нету никого.

Кончено. В ушах раздавался голос старого Митсимы. Кончено, кончено... Издали, молча, но страстно, отчаянно и безнадежно он любил Кьякима. А теперь кончено. Ему было шестнадцать лет»⁴⁵¹.

⁴⁵¹ Хаксли О. Указ. соч. С. 151-152

И когда Джон встречает Линайну, то он жаждет на нее излить эту любовь, но так, как это видится ему, чье мировоззрение сложилось под влиянием случайно сохранившегося в резервации сборника произведений Шекспира:

«Муха, жужжа, закружилась над ней; взмахом руки он отогнал муху. И вспомнил:

Мухе – и той доступно сесть
На мраморное чудо рук Джульетты,
Мухе – и той позволено похитить
Бессмертное благословенье с губ,
Что разалелись от стыда, считая
Грехом невольный этот поцелуй;
О чистая и девственная скромность!

Медленно-медленно, неуверенным движением человека, желающего погладить пугливую дикую птицу, которая и клюнуть может, он протянул руку. Дрожа, она остановилась в сантиметре от сонного локтя – почти касаясь. Посметь ли? Посметь ли осквернить прикосновением нижней руки... Нет, нельзя. Слишком опасна птица и опаслива. Он убрал руку. Как прекрасна Линайна! Как прекрасна!»⁴⁵².

И Линайне он нравится; но ее чувства – те, которые возможны в том мире, где она живет, ко-

⁴⁵² Хаксли О. Указ. соч. С. 161

торые в ней смоделировали; ее реакции вполне схожи с тем, как вела бы себя мать Джона.

«– Но это абсурд – так себя изводить, – возмущалась Фанни в раздевалке час спустя. – Просто абсурд, – повторила она. – И притом из-за чего? Из-за мужчины – одного какого-то мужчины.

– Но я именно его хочу.

– Как будто не существуют на свете миллионы других.

– Но их я не хочу.

– А ты прежде попробуй, потом говори.

– Я пробовала.

– Ну, скольких ты перепробовала? – Фанни пожала насмешливо плечиком. – Одного, двух?

– Несколько десятков. Но эффекта никакого»⁴⁵³.

Джон ничего этого не знает, он рисует в своем воображении идеальный образ своей возлюбленной:

«Дикарь внезапно поднялся с колен. – Вот почему, – сказал он, отворачивая лицо, – я хотел сперва совершить что-нибудь... Показать то есть, что я достоин вас. То есть я всегда останусь недостойн. Но хоть показать, что не совсем уж... Свершить что-нибудь.

– А зачем это необходимо... – начала и не кончила Линайна. В голосе ее прозвучала раздраженная нотка. Когда наклоняешься, тянешься

⁴⁵³ Хаксли О. Указ. соч. С. 207

губами ближе, ближе, и вдруг дуралей-партнер вскакивает, и ты как бы проваливаешься в пустоту, то поневоле возьмет досада, хоть в крови твоей и циркулирует полграмма сомы»⁴⁵⁴. «Джон, говори по-человечески. Я не понимаю ни слова. Сперва пылесосы, теперь узлы. Ты с ума меня хочешь свести. – Она рывком встала и – словно опасаясь, что и сам Джон от нее ускользнет, как ускользает смысл его слов, – схватила Джона за руку. – Отвечай мне прямо: нравлюсь я тебе или не нравлюсь?

Пауза; чуть слышно он произнес:

– Я люблю вас сильнее всего на свете»⁴⁵⁵.

Но он любит не Линайну, а свою фантазию о том, какой она должна быть. Когда же реальная женщина оказалась не похожа на его мечту, «...он схватил ее за плечи и затряс:

– Блудница! Шлюха! Наглая блудница!

<...> Беги, – крикнул он, грозно высясь над нею. – Прочь с глаз моих, не то убью»⁴⁵⁶.

Дикарь пытается бежать от окружающего мира, но мир догоняет его; попытка умерщвлять плоть оборачивается садомазохистской оргией, в которой он принимает самое активное участие; а наутро, не выдержав тяжести совершенного им, вешается...

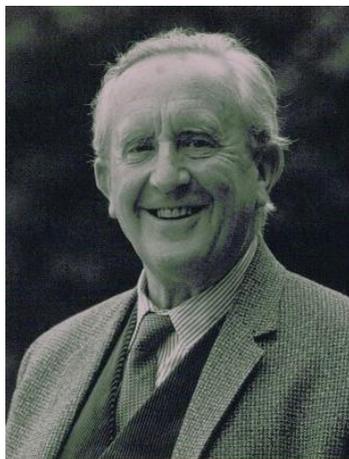
⁴⁵⁴ Хаксли О. Указ. соч. С. 209-210

⁴⁵⁵ Хаксли О. Указ. соч. С. 211-212

⁴⁵⁶ Хаксли О. Указ. соч. С. 214-215

Но есть еще Гельмгольц с Бернардом, они «из пробирки», но «не такие как все», их Главноуправитель Мустафа Монд ссылает на острова, где, по его словам они окажутся «...в среде самых интересных мужчин и женщин на свете. Это те, в ком почему-либо развилось самосознание до такой степени, что они стали непригодны для жизни в нашем обществе. Все те, кого не удовлетворяет правоверность, у кого есть свои, самостоятельные взгляды. Словом, все те, кто собой что-то представляет»⁴⁵⁷. Но их судьбу на островах писатель не описывает; именно на поражении Джона, личности раздавленной глобальным миром, заканчивает он свой роман, словно пытаясь сказать, что будущее этого мира, мира, отвергнувшего Бога и традицию, безнадежно...

⁴⁵⁷ Хаксли О. Указ. соч. С. 250



Д.Р.Р. Толкин

Значение личного выбора для глобального мира во «Властелине колец» Джона Рональда Руэла Толкина

Джон Рональд Руэл Толкин (1892-1973) создал силой своей фантазии удивительный мир, английский литературный эпос, населенный необычными существами – гномами, эльфами, хоббитами и другими персонажами мифов, соседствующими с обычными людьми. Этот мир, его устройство, история, воззрения живущих в нем проработаны автором до мельчайших деталей. Сюжет трилогии «Властелин Колец», работа над которой началась в 1930-е годы, а к массовому читателю она попала лишь в 1950-е, строится вокруг мощнейшего магического артефакта – Кольца

Всевластия. Пересказывать полностью это произведение, настолько объемное, что первые издатели даже требовали от автора разделить его на части, вряд ли стоит. Это не раз было сделано. Здесь же, опираясь на авторский текст, хотелось бы проследить, как личный выбор героя, по художественной логике Толкина, влияет на судьбу глобального мира.

Кольцо – символ вечности, не имеющей ни конца, ни начала; в эпическом произведении Д.Р.Р. Толкина «Властелин Колец» – это и символ силы, и власти, и выбора, реализуемого перед лицом вечности. Но каким бы мощным ни был артефакт – необходимо проявление свободной воли того, кто им владеет для того, чтобы он обрел полную силу.

Волшебник Гэндальф рассказывает: «Враг накопил огромную силу и знания. Теперь не хватает только одного, чтобы сломить всякое сопротивление, смять последнюю оборону и залить мир тьмою, – не хватает Кольца Всевластия. Три эльфийских Кольца, прекраснейшие из всех, повелители эльфов скрыли, и рука врага не коснулась их. Из семи, принадлежавших вождям гномов, три он отобрал, а остальные истребили драконы. Девять он роздал людям, гордым и сильным, и тем заманил их в ловушку. Давным-давно подпали они под господство Кольца Всевластия и превратились в Призраков Кольца, став теньми

под покровом великой Тени, ее самыми ужасными слугами»⁴⁵⁸. Ставший одним из хранителей Кольца Боромир рассказывает об их возвращении: «А в этом году в июне, из Мордора на нас снова напали – и мы снова отступили. Нас было мало, а Мордор заключил союз с восточными племенами и жестокими харадримцами; но не численным перевесом одолели они нас. Мы столкнулись с силой, нам прежде неведомой. Говорят, будто исходила она от всадника на большом черном коне, подобного тени в лунную ночь. Где бы он ни появлялся, вражье воинство проникалось безумной яростью, а у нас даже отважнейших охватывал страх, и кони и люди пятились и обращались в бегство»⁴⁵⁹. Враг – не собирательный образ, он вполне персонифицирован: «Кое-кто из вас припомнит, как много лет назад я рискнул проникнуть в жилище Чародея-некроманта в Дол-Гулдоре, тайно исследовал его, и оказалось, что мы страшились не напрасно: то был не кто иной, как Саурон, наш давний недруг, вновь воплотившийся и обретший силу», – рассказывает Гэндальф⁴⁶⁰.

⁴⁵⁸ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 67.

⁴⁵⁹ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 287.

⁴⁶⁰ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 293.

И вот это Кольцо Всевластия обладает таким разрушающим воздействием на того, кто им владеет, что перспектива стать его хозяйкой напугала даже эльфийскую владычицу Галадриэль:

«– Ты мудра, справедлива и бесстрашна, госпожа, – сказал Фродо, – я отдам тебе Кольцо, если захочешь. Эта тяжесть не по плечу мне.

Галариэль вдруг звонко рассмеялась:

– <...> Долгие годы я раздумывала, сколько всего могла бы сделать, имея Великое Кольцо. И вот его принесли мне. Зло, измышленное в древние времена, действует разными путями, и даже не так уж важно, устоит ли сам Саурон или падет. Если бы я силой или угрозами отняла Кольцо у гостя, разве не сочли бы это благородным поступком, разве не поставили бы этого в заслугу Сауронову Кольцу?

И вот наконец Кольцо здесь. Ты готов отдать его добровольно! Вместо Черного Властелина ты создашь Владычицу, не Черную, но прекрасную и страшную, словно утро и ночь! Прекрасной стану я как море, и солнце, и снег на горах! И ужасной, как буря и молнии. Власть моя будет прочнее оснований земли. Мир исполнится отчаяния и любви ко мне!

Она подняла руку, и от кольца брызнул яркий свет, озарив ее лицо среди мрака ночи. Она стояла теперь перед Фродо неизмеримо высокая, грозная и достойная поклонения. Потом рука ее

упала, свет угас, она вдруг засмеялась снова – и, о диво! Фродо снова увидел прежнюю Галадриэль, по-эльфийски гибкую, в простом белом платье, и голос ее стал нежен и печален:

– Я прошла испытание. Я готова все покинуть, уйти на запад и остаться Галадриэлью»⁴⁶¹.

Впрочем, есть один, на кого Кольцо всевластия не действует – Том Бомбадил, который на вопрос, кто же он такой, рассказывает о себе так: «Я – Старейшина, вот кто я. Запомните, друзья: Том старше реки и леса, Том помнит первый дождь и первый желудь. Он проложил тропы раньше, чем явился Рослый Народ, и видел, как прибыл маленький народец. Он был здесь до королей и до умертвий. Когда эльфы, вняв призыву, ушли на Запад, Том уже был здесь, задолго до того, как моря, опоясывающие мир, сомкнулись в кольцо. Том помнит сумеречный подзвездный мир, не ведавший страха, мир до пришествия Черного Властелина...»⁴⁶². А вот как говорит о нем хоббитам его жена: «– Он таков, каким вы видите его, – пояснила Золотинка. – Хозяин холмов, лесов и вод.

– Так значит, весь этот диковинный край принадлежит ему?

⁴⁶¹ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 427-428.

⁴⁶² Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 159.

– Нет-нет! – чуть нахмурясь, ответила она и добавила тихо, словно про себя: – Это было бы тяжкое бремя. Деревья и травы, все, что растет на земле, не принадлежит никому. Но Том хозяин. Никто еще не осмеливался тронуть его, когда он гуляет по лесу, плещется в воде или прыгает по холмам под солнцем и луною. Он ничего не боится. Том Бомбадил – хозяин»⁴⁶³.

Но он и не тот, на кого возложена миссия уничтожить Кольцо. Как говорит Гэндальф «он может не подчиниться Кольцу. Но ни изменить свойства Кольца, ни снять его бремя с других он не может. <...> Получив Кольцо, он быстро о нем забудет, а то и выбросит. Одним словом, из него не выйдет надежного хранителя»⁴⁶⁴.

Пройти путь, полный опасностей и уничтожить Кольцо Всевластия должен тот, кто внешне вовсе не похож на героя, – хоббит Фродо.

Толкин ярко показывает насколько хоббиты далеки от мечтаний о подвигах: «На самом деле очень немногие из хоббитов видели море и плавали по нему, а еще меньше таких, кто возвращался, чтобы рассказать об этом. Большинство хоббитов относились с недоверием даже к не-

⁴⁶³ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 151.

⁴⁶⁴ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 312.

большим речкам и мало кто из них умел плавать»⁴⁶⁵.

Показателен разговор Фродо с эльфом, отражающий наивную веру в то, что где-где, а в Хоббитании не может произойти ничего плохого: «– Знаешь, полная правда вряд ли испугала бы меня больше, чем твои недомолвки! – воскликнул Фродо. – Я, конечно, готовился к опасностям; однако не здесь же, не дома! Неужели хоббиту уже нельзя спокойно пройти от Прудов к Реке?

– Да ведь это земля не только ваша, – сказал Гилдур. – Жили здесь другие, до хоббитов, и будут жить, когда вас не станет. Мир широк; вы можете отгородиться от него, но нельзя же навек оставить его за оградой!»⁴⁶⁶.

И глобальные беды не обходят стороной и край, жителям которого казалось, что они могут спрятаться от них, как страус, зарыв голову в песок: «По Краю ходили слухи о странных событиях в дальних странах. <...> Эльфы прежде редко посещавшие Хоббитанию, теперь то и дело появлялись в лесах по вечерам, они уходили на запад, уходили и не возвращались. Они покидали Средиземье навек, и тревоги и заботы этой земли мало заботили их. Правда, на дорогах встречались и гномы – их тоже стало больше, чем преж-

⁴⁶⁵ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 16.

⁴⁶⁶ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 105.

де, – древний Западный Тракт вел через Край к Серебристой Гавани, и гномы всегда ходили по нему в свои рудники в Голубых горах. От них-то главным образом хоббиты и узнавали при желании, что творится в мире; но гномы были скупы на слова, а хоббиты не особенно настойчивы. Но теперь Фродо все чаще попадались незнакомые гномы из отдаленных поселений, и кое-кто из них шепотом рассказывал о страшном Враге из Мордорской земли»⁴⁶⁷.

И именно Фродо в решающий момент делает свободный выбор посвятить себя уничтожению Кольца Всевластия: «Ужас охватил Фродо, словно сейчас должны были произнести приговор, которого он давно ожидал, напрасно надеясь, что сия чаша минет его. Страстное желание жить мирно и спокойно рядом с Бильбо в Раздоле захлестнуло его. Наконец, сделав усилие, он заговорил, с изумлением прислушиваясь к собственным словам, как будто кто-то другой говорил его слабым голосом:

– Я возьму Кольцо – хотя путь мне не известен»⁴⁶⁸.

Хоббит осознает всю тяжесть этого выбора еще в самом начале пути:

⁴⁶⁷ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 57-58.

⁴⁶⁸ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 318.

«– Хотелось бы мне, чтобы это случилось в другое время – не в мое, – сказал Фродо.

– И мне бы тоже, – сказал Гэндальф, – да и всем, кто дожил до таких времен. Но выбирать нам не дано. Мы можем только решить, как распорядиться своим временем»⁴⁶⁹.

С Фродо идут маг Гэндальф, два человека, три хоббита, гном и эльф. Эльфийская владычица Галадриэль говорит хранителям Кольца: «Я сразу могу сказать: ваш поход – по острию ножа. Отклонитесь лишь немного – и всеобщая гибель неизбежна. Но пока Хранители соблюдают верность, надежда жива»⁴⁷⁰.

От того, насколько успешна будет эта миссия, зависит судьба глобального мира толкиновского эпоса. По словам Гэндальфа «судьбы мира держатся на тонком волоске. Но чем дольше мы выстоим, тем жарче разгорится надежда»⁴⁷¹.

Толкин показывает, как может вырасти хоббит, прошедший путь до конца и, справившись с испытаниями, превышавшими его силы, исполнивший возложенную на него миссию, и он показывает падение некогда великого мага Сарумана, на закате своей жизни измывавшегося над

⁴⁶⁹ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 67.

⁴⁷⁰ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 417.

⁴⁷¹ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 2. Две твердыни. М., 2004. С. 122.

Хоббитанией. Хоббиты требуют казнить его, но Фродо запрещает. «Саруман, не оглядываясь, двинулся прочь. Драконий язык поплелся за ним. Но когда они проходили мимо Фродо, в руке Сарумана вдруг сверкнул нож. Яростный удар обрушился на Фродо, но клинок скользнул по кольчуге, скрытой плащом и сломался. Сэм первый бросился на Сарумана, за ним другие; негодяя повалили на землю, Сэм вытащил меч.

– Стой, Сэм! – крикнул Фродо. – Даже сейчас – не убивай! Он не ранил меня. Не должен кончать так тот, кто был магом, членом великого братства. Он пал, и не в наших силах поднять его. Но мы должны сохранить ему жизнь: быть может, кто-то иной сумеет возродить его душу...

Хоббиты расступились. Саруман поднялся на колени и внимательно посмотрел на Фродо. В глазах его промелькнули удивление, уважение и ненависть – все сразу.

– Э, да ты вырос, невысоклик, – сказал он. – Да-да, сильно вырос. Ты мудр и жесток. Ты лишил меня сладости мести, теперь я должен унести с собой горькую мысль, что обязан тебе жизнью. Ненавижу тебя!»⁴⁷²

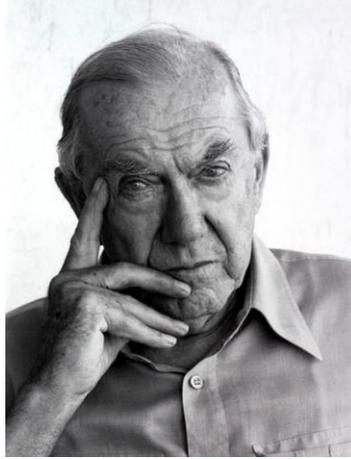
Впрочем, смерть к Саруману и его слуге приходит очень быстро: колдун «ткнул ногою своего злосчастного невольника, скорчившегося

⁴⁷² Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 3. Возвращение короля. М., 2004. С. 304.

на земле, и повернулся, чтобы идти; вдруг Драконий Язык распрявился как пружина и, выхватив спрятанный за пазухой нож, прыгнул на спину Сарумана. Мгновение – и бывший маг рухнул с перерезанным горлом, а Драконий Язык, вопя, помчался по тропинке вниз. Не успел Фродо опомниться, как три тетивы одновременно натянулись, три хоббитских стрелы пропели – и Грим Драконий Язык замертво повалился наземь»⁴⁷³.

Толкин показывает, как выбор хоббита Фродо меняет не только его самого, но и судьбу мира, в котором он живет, а выбор некогда великого мага безвозвратно губит его, делая жалким и беспомощным, но губит лишь его лично и тех, кто ему поверил. Невольно вспоминаются слова апостола Павла: «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых; и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом» (1 Кор. 1, 28).

⁴⁷³ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 3. Возвращение короля. М., 2004. С. 305.



Грэм Грин

Один из кругов земного ада: «Сила и слава» Грэма Грина

В написанном в 1940 году романе «Сила и слава» знаменитый английский писатель Грэм Грин (1904-1991) описывает события периода антикатолических репрессий в Мексике 1920-х годов, которые в чем-то схожи с антицерковными гонениями в России в этого времени.

Для того, чтобы лучше понять вопросы, ответы на которые ищет в этом произведении писатель, приведем несколько цитат из подготовленной В.М. Толмачевым биографии Грэма Грина, переход которого из протестантизма в католичество был связан с личными переживаниями: «Употребив в одной из статей неточное слово о почитании Девы Марии, он получил письмо от чита-

тельницы с указанием на свою ошибку. Завязавшая переписка с 19-летней Вивьен (урожденная Вивиенн) Дейрелл-Браунинг, сотрудницей издательства «Блэкуэлл» и, как и ее корреспондент, автором поэтического сборника, стремительно переросла в настойчивое искание Грином руки девушки, только что приобщившейся к Католической Церкви. Вивьен не спешила с ответом. Она не скрывала, что не ищет ни брака, ни близости с мужчиной. Тем не менее в сентябре 1925 года состоялась тайная помолвка. Грину пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить невесту в необходимости следующего шага. Он не только часто встречался с ней, написал за время ухаживания около двух тысяч писем и даже грозил в случае отказа покончить с собой. Но главное, Грин на пути к браку прошел катехизацию и, уже работая в Ноттингеме в течение 1926 г. (помощник редактора в газете «Ноттинген джернал»), крестился в конце февраля с именем Томас (русский эквивалент Фома, имя апостола Фомы «неверующего»), тем самым противопоставив себя и семье, и национальной духовной традиции»⁴⁷⁴. «Венчание Грина с Вивьен 15 октября 1927 г., с одной стороны, окончательно сделало его католиком, но с другой – активизировало в нем то, что

⁴⁷⁴ Толмачев В.М. Грэм Грин и его роман «Сила и слава» <http://www.pravoslavie.ru/sm/29417.htm> (дата обращения 08 мая 2016 года)

делало его слабым католиком (свойствами «плохого» католика, как мы увидим, будут наделены самые известные герои романов Грина), – он, увы, изменял жене, посещал публичные дома, курил опий. Грин не был создан для брака (не умел готовить, никогда не водил машину), не очень заботился о своих детях – дочери Люси Каролин (р.1933), сыне Френсису (р.1936). Житейски всему остальному он, к примеру, не любя изысканную еду, предпочитал романы с замужними женщинами (хотя никогда не делил с ними дом), путешествия по миру. У Грина, вне всякого сомнения, было особое чувство вины по этому поводу. Не помогая ему духовно, оно являлось творческим раздражителем. Католичество, безусловно, пробило брешь в гриновских одиночестве и культивируемых с детства психологических комплексах, но, выведя его на новый уровень самосознания, самооценки, не сделало счастливым и расщепило. В 1950-е годы писатель с некоторой долей иронии высказался по поводу своего крещения так: «Мне нужно было обрести религию... которая померялась бы силами со злом во мне»⁴⁷⁵.

Роман «Сила и слава», наполненный внутренними конфликтами персонажей – на первый взгляд, роман без положительных героев и, кажется, что и без надежды.

⁴⁷⁵ Там же

Главный герой, «пьющий падре», – человек, сотканный из противоречий. «Детство у него было счастливым, только он всегда боялся и ненавидел нищету не меньше чем преступление. Он верил: стану священником и буду богатый и гордый – это называлось иметь призвание. Какой длинный путь проходит человек по жизни – от первого волчка и вот до этой кровати, на которой он лежит, сжимая в руке бутылочку с бренди! А для Бога это лишь мгновение»⁴⁷⁶. Он говорит, оказавшись в тюрьме, в ожидании возможно близкой смерти: «– Все мы здесь собратья по плену. Вот мне сейчас хочется пить больше всего на свете, больше, чем почувствовать Бога. Это тоже грех»⁴⁷⁷.

Смерть его страшит, что показывает беседа в той же тюрьме:

«– Вас расстреляют, отец, – сказал женский голос.

– Да.

– Вы боитесь?

– Да, конечно.

Из угла до него донесся новый голос — грубый, настойчивый:

– Мужчины этого не боятся.

– Правда? – сказал священник.

⁴⁷⁶ Грин Г. Сила и слава. / Г. Грин. Брайтонский леденец. Сила и слава. Суть дела. Романы. М., 2009. С. 319

⁴⁷⁷ Грин Г. Указ. соч. С. 377

– Будет немного больно. Чего же вы хотите?
Так и должно быть.

– И все-таки, – сказал священник, – я боюсь.

– Зубная боль и то хуже.

– Не каждый такой храбрец.

Голос презрительно проговорил:

– Вы, верующие, все на один лад. Христианство сделало из вас трусов.

– Да, может ты и прав. Видишь ли в чем суть, – я плохой священник и плохой человек. Кончатъ жизнь не покаившись... – Он смущенно хмыкнул. – Тут невольно призадумашься.

– Вот-вот. Об этом и речь. Вера в Бога делает человека трусом. – Голос звучал торжествующе, словно говорившему удалось доказать какую-то истину.

– Как же быть тогда? – сказал священник.

– Лучше не верить – и не будешь трусом.

– Так, понимаю. Значит, если мы поверим, что губернатора не существует и хефе тоже нет, если мы прикинемся, будто тюрьма не тюрьма, а сад, какие из нас выйдут храбрецы!

– Чепуха!

– Но когда мы поймем, что тюрьма – это все-таки тюрьма и что губернатор там, на площади, действительно существует, будет ли иметь значение, если час-два мы были храбрецами?

– Никто не скажет, что эта тюрьма не тюрьма.

– Да? Тебе так кажется? Я вижу, ты мало слушаешь, что говорят политики»⁴⁷⁸.

«Он не заснул больше; у него опять шел торг с Богом. Если он вырвется из тюрьмы, на сей раз это будет окончательно. Он пойдет на север, через границу. Но спасение настолько невероятно, что в случае удачи в нем можно будет усмотреть знак, указание: вред, который он приносит своим примером, больше добра, которое он творит изредка, принимая исповеди»⁴⁷⁹.

А вред этот вполне реален, он даже не в том, что «одна бедная женщина понесла к нему сына крестить. Она хотела назвать его Педро, но священник был так пьян, что будто и не слышал и дал ребенку имя Бригитта»⁴⁸⁰. Он в том, в чем обвинил его лейтенант: «По твоей милости я расстрелял троих заложников. Бедняков. Я возненавидел тебя из-за них»⁴⁸¹.

И ведь священник видит живых заложников в тюрьме, когда, как ему только что казалось, готов к смерти, он сказал о своем сане заключенным, но не решается признаться властям. Особая насмешка в том, что арестованные не сдают падре, в полиции не узнают, что он священник; в итоге задержанный всего лишь выливает ведра с испражнениями из камер в выгребную яму в ка-

⁴⁷⁸ Грин Г. Указ. соч. С. 372-373

⁴⁷⁹ Грин Г. Указ. соч. С. 379

⁴⁸⁰ Грин Г. Указ. соч. С. 281

⁴⁸¹ Грин Г. Указ. соч. С. 435

честве наказания за то, что попался пьяный, а лейтенант дает ему на прощание монету в пять песо. «Священник удивленно зажал монету в кулаке – столько стоит заказная месса»⁴⁸².

Отношения католических священников с женщинами – отдельная тема в романе; автор рисует их как проклятие. Мария, с которой у «пьющего падре» была короткая связь, в результате которой появилась Бригитта, говорит ему: «– Когда у нас с вами было то самое, я гордилась. Ждала – вот вернутся прежние времена... Не каждая женщина может стать любовницей священника. А ребенок... Я надеялась, что вы много чего сделаете для нее. Но пользы от вас как от вора...»⁴⁸³.

С дочерью еще сложнее:

«Он робко проговорил:

– А Бригитта... Как она... Здорова?

– Ведь вы ее только что видели.

– Не может быть. – Ему не верилось, что он мог не узнать ее. Это превращало в насмешку его смертный грех: разве можно совершить такое, а потом даже не узнать...

– Да она была там. – Мария подошла к двери и крикнула: – Бригитта, Бригитта! – А священник повернулся на бок и увидел, как из внешнего мира, мира страха и похоти, в хижину вошла та ма-

⁴⁸² Грин Г. Указ. соч. С. 385

⁴⁸³ Грин Г. Указ. соч. С. 330

ленькая злобная девочка, которая смеялась над ним

<...> Девочка стояла, меряя его острым, презрительным взглядом. Ее зачатие не осветилось любовью; только страх, отчаяние и полбутылки бренди, и чувство одиночества толкнули его на шаг, казавшийся ему теперь ужасным»⁴⁸⁴.

Но эти нравственные мучения главного героя намного меньше тех, которые переживает падре Хосе – единственный священник, который в соответствии с приказом губернатора женился, чем не только сохранил себе жизнь, но и получил за это государственную пенсию:

«Когда-то он любил заниматься астрономией и сейчас, глядя в ночное небо, выискивал там знакомые созвездия. На нем были только рубашка и штаны, ноги босые, и все-таки в его облике чувствовалась явная принадлежность к духовному сану. Сорок лет служения церкви наложили на него неизгладимую печать. <...> Из единственной принадлежащей ему комнаты его окликнула женщина:

– Хосе, Хосе! – Он съежился как галерный раб, услышав звук ее голоса; опустил глаза, смотревшие в небо, и созвездия улетели ввысь, по двору ползли жуки. – Хосе, Хосе! – Он позавидовал тем, кто был уже мертв: конец наступает так быстро. Приговоренных к смерти увели наверх, к

⁴⁸⁴ Грин Г. Указ. соч. С. 317

кладбищу, и расстреляли у стены – через две минуты их жизнь угасла. И это называют мученичеством. Здесь жизнь тянется и тянется – ему только шестьдесят два года. Он может прожить до девяноста. Двадцать восемь лет – необъятный отрезок времени между его рождением и первым приходом: там все его детство, и юность, и семинария.

– Хосе! Иди спать. – Его охватила дрожь. Он знал, что превратился в посмешище. Человек, женившийся на старости лет, – это само по себе уже нелепо, но старый священник... Он взглянул на себя со стороны и подумал: а нужны ли такие в аду?»⁴⁸⁵

Старик стал предметом насмешек для детей:
«Кто-то где-то засмеялся.

Он поднял глаза – маленькие, красноватые, точно у свиньи, почувствовавшей близость бойни. Тонкий детский голосок позвал:

–Хосе! – Он ошалело осмотрел дворик. Трое ребятишек с глубочайшей серьезностью смотрели на него из зарешеченного окна напротив. Он повернулся к ним спиной и сделал два-три шага к дому, ступая очень медленно из-за своей толщины. – Хосе! – снова пискнул кто-то. – Хосе! – Он оглянулся через плечо и поймал выражение буйного веселья на детских лицах. Злобы в его красноватых глазках не было – он не имел права озлобляться. Губы дернулись в кривой, дрожащей,

⁴⁸⁵ Грин Г. Указ. соч. С. 282

растерянной улыбке, и это свидетельство безволия освободило детей от необходимости сдерживаться, они завизжали, уже не таясь: – Хосе! Хосе! Иди спать, Хосе! – Их тонкие бесстыжие голоса пронзительно зазвучали во дворе, а он смиренно улыбался, делал слабые жесты рукой, умиряя их, и знал, что нигде к нему не осталось уважения – ни дома, ни в городе, ни на всей этой заброшенной планете»⁴⁸⁶. Несмотря на все это, падре Хосе, также как и главный герой, страшится смерти, хотя она могла бы стать для него освобождением, отказывается молиться за тех, кто просит, отказывается даже встретиться с «пьющим падре» накануне его расстрела.

И в то же время и в падре Хосе есть светлые стороны, об этом свидетельствуют воспоминания главного героя: «Весь мир изменился – Церкви нет нигде; ни одного собрата-священника, кроме всеми отверженного падре Хосе в столице. Он лежал, прислушиваясь к тяжелому дыханию метиса, и думал: почему я не пошел путем падре Хосе, почему не подчинился закону? Всею виной мое честолюбие, думал он, вот в чем все дело. Падре Хосе, наверно, лучше его – он такой смиренный, что готов стерпеть любую насмешку; он и в те, в добрые времена, всегда считал себя недостойным своего сана. Однажды в столицу съехались на совет приходские священники – это было еще при

⁴⁸⁶ Грин Г. Указ. соч. С. 283-284

старом губернаторе – и, насколько он помнил, падре Хосе только в конце каждого заседания, крадучись, входил в зал, забивался в последний ряд, чтобы никому не попадаться на глаза, и сидел, словно воды в рот набрав. И дело тут было не в какой-то сознательной скромности, как у других, более образованных священников, – нет, он и в самом деле ощущал присутствие Бога. Когда падре Хосе возносил святые дары, у него дрожали руки. Да, он не апостол Фома, которому понадобилось вложить персты в раны Христа, чтобы поверить. Для падре Хосе из них каждый раз лилась кровь над алтарем. Как-то в минуту откровенности он признался: “Каждый раз... мне так страшно”. Его отец был крестьянин»⁴⁸⁷. И «пьющий падре» думает иногда, что, может быть, падре Хосе, а не он, сделал правильный выбор? «Да, если б он был таким же смиренным, как падре Хосе, то жил бы сейчас с Марией в столице, получал бы пенсию. <...> Даже в попытках побега ему не хватало решительности, а все его гордыня – грех, из-за которого пали ангелы. Когда он остался единственным священником в штате, как взыграла его гордыня! Какой он храбрец, служащий Господу с риском для жизни! Когда-нибудь ему воздадут по заслугам... <...> Как скучно питалась его гордыня – за весь год он отслужил только четыре мессы и принял не больше ста исповедей. То же самое мог бы сделать

⁴⁸⁷ Грин Г. Указ. соч. С. 344

любой семинарский тупица, и сделал бы лучше»⁴⁸⁸.

Особое значение имеет образ лейтенанта – человека, для которого революция стала его религией, искренне убежденного, что весь вред от священников. Он говорит начальнику полиции, сравнивая опасного уголовного преступника и священника: «Такой человек, – сказал лейтенант, – особого вреда не принесет. Ну, убил одного-двоих. Что ж, все мы умрем. Деньги – кто-то должен их потратить. А вот когда мы вылавливаем этих священников, то приносим пользу. – В начищенных до блеска башмаках он стоял посреди маленькой комнаты, пылая благородным негодованием и всем своим видом выражая величие идеи. В цели, поставленной им перед собой, корысти не чувствовалось»⁴⁸⁹.

«Лейтенанта приводила в бешенство мысль, что остались еще в штате люди, верующие в милосердного и любящего Бога. Есть мистики, которые, как утверждают, непосредственно познают Господа Бога. Лейтенант тоже был мистик, но он познал пустоту – он был убежден в том, что мир угасает, погружается в холод, что люди зачем-то произошли от животных, но никакого особого смысла в этом не было. Это он знал твердо. <...> Он вспомнил священника, которого “красные ру-

⁴⁸⁸ Грин Г. Указ. соч. С. 345

⁴⁸⁹ Грин Г. Указ. соч. С. 277

башки” расстреляли у кладбищенской стены на холме. <...> Всего они расстреляли, пожалуй, человек пять; двое-трое скрылись, епископ благополучно проживает в Мехико, а один священник подчинился губернаторскому приказу, чтобы все духовные лица вступили в брак. Он жил теперь у реки со своей экономкой. Вот наилучшее решение вопроса – пусть остается живым свидетельством слабости их веры. Это разоблачает обман, которым священники прикрывались долгие годы. Поэтому что если б они действительно верили в рай или в ад, им ничего не стоило бы потерпеть немного муки в обмен на такую безмерность, о которой... Лейтенант, лежавший на своем жестком ложе в горячем, влажном мраке, не питал ни малейшего сочувствия к слабости человеческой плоти»⁴⁹⁰.

Но, когда он, наконец, поймал последнего священника в штате, лейтенант понял, что сделал совсем не то, что ему хотелось; тот за кем он охотился, оказался совсем иным, чем рисовало воображение. «Лейтенант хмуро сказал:

– Ты неплохой человек. Если я могу что-нибудь сделать для тебя...»⁴⁹¹. Когда он пытается улыбнуться, получается «странная, хмурая грима-

⁴⁹⁰ Грин Г. Указ. соч. С. 278-279

⁴⁹¹ Грин Г. Указ. соч. С. 438

са, в которой не было ни торжества, ни надежды. Их приходилось искать заново»⁴⁹².

Весь уровень внутреннего уродства человеческой природы Грэм Грин наглядно передает через образ метиса, многократно пытавшегося предать «пьющего падре» властям за награду, когда же ему это удалось, просящего у него благословение... «Священник помахал ему: у него не осталось враждебного чувства к метису, потому что ничего другого он уже не ждал от природы человеческой – впрочем, одно приносило ему утешение: он не увидит этой желтой предательской физиономии в свой последний час»⁴⁹³.

Но конец романа, когда главный герой пойман, приговорен к расстрелу, проводит накануне его ночь в мучительных терзаниях, показывает, что священнику удалось все-таки победить в себе страх смерти, столь долго его терзавший: «Какой я нелепый человек, – подумал он, – нелепый и никому не нужный. Я ничего не сделал для других. Мог бы и вовсе не появляться на свет». Его родители умерли – скоро о нем даже памяти не останется. Может быть, он и адских мук не стоит. Слезы лились у него по щекам; в эту минуту не проклятие было ему страшно, даже страх перед болью отступил куда-то. Осталось только чувство безмерной тоски, ибо он предстанет перед Богом

⁴⁹² Грин Г. Указ. соч. С. 439

⁴⁹³ Грин Г. Указ. соч. С. 435

с пустыми руками, так ничего и не свершив. В эту минуту ему казалось, что стать святым легче легкого. Для этого требовалось только немного воли и мужества. Он словно упустил свое счастье, опоздав на секунду к условленному месту встречи. Теперь он знал, что в конечном счете важно только одно – быть святым»⁴⁹⁴.

Его смерть стала началом веры для мальчика, который демонстрировал свое отторжение от нее в протест религиозной матери, не умевшей найти к нему подхода. Мальчик спрашивает мать:

«– Он крикнул: “Viva el Cristo Rey”?

– Да. Он был мучеником Церкви»⁴⁹⁵.

Большое значение имеет описание встречи мальчика и лейтенанта, которым он раньше восхищался, после расстрела священника: «Лейтенант шел по улице, и в его походке было что-то напористое и упрямое, точно каждым своим шагом он говорил: “Что я сделал, то сделал”. Он посмотрел на мальчика со свечой, не уверенный, тот ли это, и сказал себе: “Я хочу дать ему и всем остальным больше, гораздо больше. Их жизнь будет совсем другая, не похожая на мою”. Но действительная любовь, заставлявшая его палец нажимать на курок, выдохлась и умерла. Любовь вернется, сказал он себе. Она, как любовь к женщине, проходит разные стадии: утром он насы-

⁴⁹⁴ Грин Г. Указ. соч. С. 446

⁴⁹⁵ Грин Г. Указ. соч. С. 454

тился ею, только и всего. Это пресыщенность. Он страдальчески улыбнулся мальчику в окне и сказал: “Спокойной ночи”. Мальчик смотрел на его кобуру, и лейтенант вспомнил тот день на площади и как он дал кому-то из ребят потрогать его револьвер – может быть, даже этому. Он снова улыбнулся и снова тронул револьвер в знак того, что помнит, а мальчик сморщился и плюнул сквозь оконную решетку – плюнул точно, так что плевков попал прямо на револьверную рукоятку»⁴⁹⁶.

Со смертью последнего священника что-то ушло из этих мест; писатель передает это через ощущения мальчика: «Он чувствовал себя обманутым и разочарованным, как будто что-то потерял. Лежа на спине в душной комнате, он смотрел на потолок и думал: ничего больше нет на свете, только их лавка, книжки, которые им читает мать, и глупые игры на площади»⁴⁹⁷.

И в этой связи интересна последняя сцена романа, в которой появляется новый священник. Неизвестно какой он, что он принесет, но его появление в этих местах, где само наличие сана является основанием для расстрела, как бы дает жителям штата новую надежду.

Проснувшийся от ночного стука в дверь мальчик идет ее открывать. «Он медленно пере-

⁴⁹⁶ Грин Г. Указ. соч. С. 455

⁴⁹⁷ Там же

сек двор и подошел к наружной двери. А вдруг это лейтенант пришел рассчитаться за плевки?.. Он отпер тяжелую железную дверь и распахнул ее. На улице стоял какой-то незнакомец – высокий, худой, бледный, с горькой складкой у рта; в руке у него был чемоданчик. Он назвал мать мальчика и спросил, здесь ли она живет. Да, сказал мальчик, но она спит. Он потянул на себя дверь, но узконосый ботинок не дал ему затворить ее. Незнакомец сказал:

– Я только что с парохода. Нельзя ли... Меня направила к сеньоре одна ее хорошая знакомая.

– она спит, – повторил мальчик.

– Может ты вступишь меня? – сказал незнакомец со странной, испуганной улыбкой и, понизив голос, шепнул: – Я священник.

– Священник?! – воскликнул мальчик.

– Да, -- тихо ответил он. – Меня зовут отец...

Но мальчик широко раскрыл дверь и припал к его руке, не дав ему назвать себя по имени»⁴⁹⁸.

⁴⁹⁸ Грин Г. Указ. соч. С. 456



Арнольд Джозеф Тойнби

**Арнольд Тойнби:
«Цивилизация перед судом истории»**

Нельзя не вспомнить еще одного известного английского автора, становление которого происходило на рубеже XIX – XX веков – Арнольда Джозефа Тойнби (1889–1975), историка и социолога, в 1919–1924 гг. профессора Лондонского университета, в 1925–1955 гг. – Лондонской школы экономических наук. В 1925–1955 гг. он был одним из руководителей Королевского института международных отношений; составлял (совместно с В. М. Баултером) ежегодные обзоры политических событий в мире.

В своей знаменитой работе «Цивилизация перед судом истории» он писал: «В каком же со-

стоянии находится человечество в 1947 году христианской эры? Этот вопрос относится, без сомнения, ко всему поколению, живущему на Земле; однако, если бы мы провели всемирный опрос по системе Гэллапа, в ответах не было бы единодушия. На эту тему, как ни на какую другую (*quot homines, tot sententiae* – сколько людей, столько и мнений); поэтому мы должны прежде всего спросить самих себя: кому именно мы адресуем этот вопрос? Например, автор данного очерка – англичанин пятидесяти восьми лет, представитель среднего класса. Очевидно, что его национальность, социальная среда, возраст – все вместе существенно повлияет на то, с какой точки зрения он рассматривает панораму мира. Собственно, как все и каждый из нас, он в большей или меньшей степени является невольником исторического релятивизма. Единственное его личное преимущество состоит в том, что он к тому же еще и историк и оттого по крайней мере сознает, что сам он лишь живой обломок кораблекрушения в бурном потоке времени, отдавая себе отчет в том, что его неустойчивое и фрагментарное видение происходящих событий не более чем карикатура на историко-топографическую карту. Лишь Бог знает истинную картину. Наши индивидуальные человеческие суждения – это стрельба наугад»⁴⁹⁹.

⁴⁹⁹ Тойнби Дж. А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад.

В этой же книге он писал, давая оценку современному ему миру: «проблемы, всегда ухудшавшие жизнь и досаждавшие и прежним цивилизациям, вышли в сегодняшнем мире на первый план. Мы изобрели атомное оружие в мире, расколотом и разделенном между двумя супердержавами; и Соединенные Штаты, и Советский Союз придерживаются столь полярно противоположных идеологий, что они кажутся абсолютно непримиримыми. К кому же нам обратиться за спасением в этом опаснейшем положении, когда в наших руках не только собственные жизнь и смерть, но и участь всей человеческой расы? Спасение, вероятно, лежит – как это чаще всего и бывает – в поисках среднего пути. В политике эта золотая середина не будет означать ни неограниченного суверенитета отдельных государств, ни полнейшего деспотизма центрального мирового правительства; в экономике это также будет нечто, отличное от неконтролируемой частной инициативы или, напротив, явного социализма. На взгляд одного западноевропейского наблюдателя, человека среднего класса и среднего возраста, Спасение да приидет ни с Востока, ни с Запада.

В 1947 году христианской эры Соединенные Штаты и Советский Союз представляют собой

альтернативное воплощение огромной материальной силы современного человечества; “граница между ними прошла через всю Землю, и голос их достиг края света”, но среди этих громких голосов не услышать голоса, пока еще тихого. Ключ к пониманию нам может быть передан через христианское послание <...>, а спасительные слова и дела могут прийти с неожиданной стороны»⁵⁰⁰.

Почти семьдесят лет спустя после их написания эти слова, несмотря на поражение СССР в холодной войне и те сложности, которые испытывает на пути своего возрождения Россия, не потеряли своей актуальности; проблемы же, на которые обращал внимание А.Д. Тойнби, еще более заострены.

⁵⁰⁰ Там же.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА



Джоан Роулинг

«Случайная вакансия» в постхристианском английском городке: «другая» книга Джоан Роулинг

После завоевавшей огромную популярность серии книг о Гарри Поттере Джоан Роулинг пишет «другую» книгу, книгу «для взрослых». Это роман «Случайная вакансия».

Мир волшебников, нарисованный автором в ее «детских» книгах, несмотря на обилие в нем зла, вовсе не выглядит богооставленным: в нем есть те, кто готов пожертвовать собой ради дру-

гих. Попытавшись убить Гарри через год после его рождения, самый могущественный волшебник Волан-де-Морт, теряет всю свою силу, потому что мать Гарри предпочитает погибнуть (хотя и могла остаться в живых), лишь бы спасти сына.

Наставник Гарри, Альбус Дамблдор говорит ему: «Твоя мать пожертвовала собой ради твоего спасения. Она дала тебе такую надежную защиту, какой он и представить себе не мог, и она по сей день тебя оберегает». Часть души темного мага в этот момент оказывается в мальчике; и получается, что Волан-де-Морт, который хочет погубить всех, кто дорог Поттеру, будет жив, пока жив Гарри.

Гарри Поттер, совершивший столько подвигов, что серию книг о нем можно назвать своего рода «эпосом», в семнадцатилетнем возрасте принимает свободное решение умереть, чтобы спасти тех, кого он любит. Дж. Роулинг подробно описывает его внутренние терзания: «Он больше не мог удерживать дрожь. Это все же не просто – умереть. Каждый вздох, запах травы, прохладный воздух, овевающий лицо – какие сокровища! Подумать только, что у людей в запасе годы и годы, время, которое некуда девать, так много времени, что оно порой тянется слишком медленно, а он цепляется за каждую секунду. Он чувствовал,

что не в силах идти дальше, и в то же время знал, что должен»⁵⁰¹.

Но Гарри не погибает; вместо этого погибает та часть души темного мага Волан-де-Морта, которая была в нем. Джоан Роулинг описывает разговор находящегося между жизнью и смертью Поттера с погибшим профессором Дамблдором, которого он видит как живого:

«– Но ведь я должен был умереть – я не защищался! Я хотел, чтобы он меня убил.

– Вот это-то, – сказал Дамблдор, – видимо, все и изменило.

Дамблдор лучился счастьем, как светом, как огнем. Гарри никогда не видел человека так явно, так ощутимо счастливого.

– Объясните, – попросил Гарри.

– Но ведь ты уже понял, – сказал Дамблдор, складывая ладони с вытянутыми пальцами.

– Я дал ему убить себя, – сказал Гарри. – Так ведь?

– Да. – Дамблдор утвердительно кивнул. – Дальше!

– Значит, та часть его души, что была во мне...

Дамблдор кивнул с еще большей горячностью, ободряюще улыбаясь.

– ...погибла?

⁵⁰¹ Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и дары смерти. М., 2007. С. 588

– Несомненно! – сказал Дамблдор. – Да, он ее уничтожил. Твоя душа теперь полностью и безраздельно принадлежит тебе, Гарри»⁵⁰².

И после победы над Волан-де-Мортом Гарри решает отказаться и от самого сильного волшебного оружия – Бужинной палочки:

«–Я положу Бужинную палочку, – сказал он Дамблдору, наблюдавшему за ним с безграничной любовью и восхищением, – туда, где она была взята. Пусть она останется там. Если я умру своей смертью, как Игнотус, то она лишится своей силы, правда? Ее предыдущий хозяин не потерпит поражения. И ее могуществу придет конец»⁵⁰³.

Продолжая традиции Д.Р.Р. Толкина и К.С. Льюиса, Д.К. Роулинг, через мифологический мир сказочных существ, показывает в нем реальную борьбу добра и зла, борьбу за самое ценное, что есть в человеке – его совесть и его душу. Ее положительные герои-волшебники (нужно отметить, что большинство из них еще фактически дети) не знают другого света, другой правды и потому не могут сделать иного выбора.

Например Рон Уизли родился и был воспитан в семье волшебников (которые старались творить лишь добро); сам Гарри Поттер, в

⁵⁰² Там же. С. 597-598

⁵⁰³ Там же. С. 632

младенчестве потеряв родителей, воспитывался в семье родственников матери, которые хотя и ненавидели магию, но по поступкам и жизни своей были намного хуже большинства из тех, кого маленький Гарри встретил в школе волшебства «Хогвартс». Можно найти много неприглядных моментов в книгах о Гарри Поттере. Но разве не столько же их в жизни любого человека? Но каждый ли человек решится рисковать своей жизнью не только ради своих друзей (что Гарри Поттер делал неоднократно), но и ради чужих для него людей (в книге «Гарри Поттер и Кубок огня»). «Поттериана» Дж. Роулинг привлекательна как раз не тем, что показывает колдунов, она показывает Человека, который в силу своей свободной воли выше любого волшебства.

В «Случайной вакансии» Джоан Роулинг рисует реальный мир; мир, который заставляет вспомнить одних из наиболее страшных персонажей ее «Поттерианы» – дементоров, встреча с которыми дает ощущение, что «как будто никакой радости никогда в жизни больше не будет»⁵⁰⁴. При чтении романа про внешне благополучный английский городок возникает ощущение, что его жители видят таких дементоров постоянно... И некоторые из героев, пы-

⁵⁰⁴ Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и узник Азкабана. М., 2005. С. 101

таются лечиться от окружающей их безысходности шоколадом, точно так же как рекомендовали волшебники в сказочных романах Роулинг делать тем, кто встретил дементора: «Тесса расценила такой десерт как намек на свой диабет, но успокоилась, вспомнив о припасенной дома плитке шоколада»⁵⁰⁵. В этом городке вроде бы есть христианский храм, но ощущение богооставленности пронизывает книгу. Большие и малые беды героев, ни один ими не обделен, каждый получает их с избытком; кто-то ломается, кто-то нет. Реальные жизненные драмы и пустые интриги вокруг малозначимой освободившейся вакансии члена городского совета, – все это так тесно перемешано в книге, что создает ощущение проникновения в реальный мир этих людей, почти каждый из которых несчастен по-своему.

Внутреннее неблагополучие инспектора социальной службы Кей Боден наглядно иллюстрирует ее впечатление после встречи с Терри, которую Кей видит так: «женщина – не то девочка, не то старуха, в линялой голубой майке и мужских пижамных штанах. Одного роста с Кей, она вся как-то усохла. Ключицы и скулы выпирали из-под тонкой бледной кожи. Клочковатые волосы, крашенные, причем явно своими руками, в ярко-рыжий цвет, выглядели как парик, нахло-

⁵⁰⁵ Роулинг Дж.К. Случайная вакансия. Спб., 2015. С. 355.

бученный на голый череп; зрачки были сужены до предела, груди практически отсутствовали»⁵⁰⁶. «Перед этим посещением Кей прочла досье от корки до корки. Она уже поняла: если в жизни Терри некогда и было что-то стоящее, это все ушло в черную дыру наркомании; она потеряла двоих детей и теперь из последних сил цеплялась за двоих оставшихся; занималась проституцией, чтобы заработать на дозу; была замешана во множестве мелких правонарушений и в сотый раз пыталась пройти реабилитацию... Но ничего не чувствовала и ни о чем не тревожилась... «В данный момент, – подумала Кей, – она куда счастливей меня»⁵⁰⁷.

Кей в связи со своей профессиональной деятельностью видела очень много людской боли, страдания у людей, только начинающих жизнь и в силу своего рождения в первые же дни жизни оказавшихся «на дне»: «рубцы и язвы, порезы и ожоги, черные синяки, чесотку, вшивость, грудничков, валявшихся на полу в собачьем дерьме, малышей с переломанными конечностями; был даже мальчик, пятеро суток просидевший в запертом кухонном шкафу по милости психотчима (этот кошмар до сих пор преследовал ее по ночам»⁵⁰⁸. Ее личная жизнь не сложилась; она

⁵⁰⁶ Там же. С. 82-83

⁵⁰⁷ Там же. С. 90

⁵⁰⁸ Там же. С. 100

отчаянно пытается строить отношения с тем, кто не умеет нести ответственность не только за других, но и за свои поступки; естественно, безуспешно.

Терри сама выросла в таких жутких условиях, анализ которых был работой Кей: «...майка <...> открывала узловые, складчатые шрамы на руке, шее и зашивке, похожие на ручки подтаявшего мороженого. В возрасте одиннадцати лет она полтора месяца провела в ожоговом центре Юго-Западной клинической больницы. <...> Отец запустил в нее сковородкой с загоревшимся жиром. Футболка с эмблемой группы “Хьюман лиг” тут же вспыхнула»⁵⁰⁹. Бабушка, о переезде к которой она мечтала в детстве, не смогла забрать ее от отца, который что ни вечер возникал у кровати Терри «глухой к ее мольбам, уже с рукой на ширинке»⁵¹⁰. Когда бабушка попробовала забрать Терри к себе «...он ударил ее в глаз. Поташил Терри в машину. А дома избил руками и ногами да так, что на ней живого места не осталось.» <...> (Когда Майкл не бил Терри, он вытворял с ней такое, о чем она и говорить не могла. Бабушка Кэт больше не появлялась. В тринадцать лет Терри сбежала, но не к бабуле – там бы отец ее сразу

⁵⁰⁹ Там же. с. 318

⁵¹⁰ Там же. С. 319-320

нашел. Правда, ее все равно поймали и отправили в приют»⁵¹¹.

Дочь Терри, Кристал рассказывала школьному психологу Тессе о знакомстве с «внезапной смертью»: «Люди в кругу матери Кристал преждевременно умирали один за другим, как будто гибли на тайной войне, скрытой от остального человечества. Кристал рассказывала Тессе, как в возрасте шести лет нашла у матери в ванной труп неизвестного»⁵¹². В чем-то она повторяет материнскую судьбу: ее насилует приятель матери, Кристал пробует наркотики...

Сама смерть в этом городке воспринимается трояко: и как нечто, с одной стороны, обыденное, с другой – внушающее ужас, с третьей – отвратительное, но перерастающее в восприятии окружающих в какой-то фарс. Роман начинается со смерти Барри Фейрбразера: «Боль пушечным ядром взорвала мозг. Колени ударились о холодный асфальт, но Барри этого не почувствовал; череп захлестнуло волной огня и крови; агония была столь мучительной, что терпеть ее не было сил, но он терпел, потому что от вечности его отделяла ровно минута. <...> “Скорая” двадцать пять минут ехала из Ярвила – это был ближайший крупный город. Когда мигалка осветила пульсирую-

⁵¹¹ Там же. С. 322

⁵¹² Там же. С. 57

щее синевой место действия, Барри лежал в луже рвоты, без движения и без признаков жизни»⁵¹³.

Гроб Барри был изготовлен не из полированного дерева, а из плетеных прутьев: «“На пикник, что ли?!” Возмущению Говарда не было предела. Многие не могли скрыть своего удивления, когда мимо проплывал ивовый короб, но некоторые знали его предысторию. Мэри поделилась с Тэссой (а та – с Парминдер): такой материал выбрал Фергюс, старший сын Барри, потому что ивняк экологически рационален, быстро возобновляется и безопасен для природы человека. Фергюс был страстным борцом за сохранение окружающей среды»⁵¹⁴.

Есть в этом городке и та, которая мечтает о смерти как избавлении, и именно она оказывается в итоге ближе всех других к подлинной жизни. Школьница Сухвиндер, переживающая ужасные внутренние терзания из-за оскорблений одноклассников, непонимания близких: «...все прозвища, все издевки застревают в голове Сухвиндер прочнее любой науки. Заставь ее сдавать экзамен по этим гадостям, она бы впервые в жизни заработала пятерку с плюсом»⁵¹⁵; «...смерть недавно забрала мистера Фейербазера, а почему не ее? А лучше всего было бы поменяться с ним ме-

⁵¹³ Там же. С. 11

⁵¹⁴ Там же. С. 192

⁵¹⁵ Там же. С. 178

стами: у Нив и Шивон по-прежнему был бы отец, а она, Сухвиндер, просто ушла бы в небытие, растворилась, пропала без следа. Ненависть к себе, как рубашка из крапивы, жгла каждую клеточку ее тела»⁵¹⁶. Она втайне от всех режет себе руки изо дня в день, стараясь через физическую боль уйти от внутренних терзаний: «...лезвие отсекало боль от ее горячечных мыслей и переносило на поверхность, к животным нервным окончаниям; каждый следующий надрез был ступенькой у избавлению и легкости. <...> Вместе с кровью из нее понемногу вытекала и ненависть к себе»⁵¹⁷. В минуты отчаяния Сухвиндер даже думает о самоубийстве: «...можно броситься под машину. Сухвиндер представила как от удара бампера трещат ее кости. Быстро ли наступит смерть после наезда машины? Или лучше утопиться? Она представила, как чистая прохладная вода увлекает ее в вечный сон – сон без сновидений»⁵¹⁸. А ей всего лишь нужно немного любви, сострадания: «если мама поймет, до какой крайности доведена Сухвиндер, может быть, она в конце концов смягчит свое суровое осуждение, разочарование, бесконечные ледяные упреки?»⁵¹⁹.

И именно Сухвиндер в условно заданный автором «час ч» оказывается единственной, кто

⁵¹⁶ Там же. С. 177

⁵¹⁷ Там же. С. 182

⁵¹⁸ Там же. С. 368

⁵¹⁹ Там же. С. 381

рискуя собой пытается спасти из реки ребенка Терри, брата Кристал, которого та оставила без присмотра: «Плохо соображая, что делает, она вцепилась в горячий каменный парапет и подтянулась.

– Крис, он в реке! – выкрикнула Сухвиндер и нырнула солдатиком.

Ногу ей рассек острый край разбитого монитора, и Сухвиндер течением затянуло под воду»⁵²⁰. Ее попытка спасти ребенка оказалась безуспешной, сама девочка чуть не погибла: «...на лужайке под ивой Сухвиндер Джаванду рвало речной водой, а незнакомая старушка укутывала ее одеялами, которые уже можно было выжимать, как и одежду девочки. Собачник, за волосы вытащивший Сухвиндер из реки, склонялся в стороне над маленьким безжизненным тельцем. <...>

– Плохо дело, – проговорил ее спаситель, который двадцать минут колдовал над телом Робби. – Все, конец.

Сухвиндер застонала и в неудержимом ознобе сползла на мокрую холодную землю; издали раздался вой сирены, но было уже поздно»⁵²¹.

Жизнь Сухвиндер после этой попытки спасти ребенка круто изменяется; она становится героиней в глазах окружающих, больше не режет

⁵²⁰ Там же. С. 357

⁵²¹ Там же. С. 359

себе руки: «...видимо, заглянув в глаза собственной смерти, она избавилась от этой потребности»⁵²². А вот Кристал не выдерживает груза вины, которая пронзила ее после смерти брата. Она вводит себе смертельную дозу наркотика. «К тому моменту <...> как полицейские все же решились вынести дверь, Кристал Уидон уже воплотила в жизнь свое единственное желание – воссоединиться с братом там, где их ничто не может разлучить»⁵²³, (так как она это понимала).

Сухвиндер берется за организацию похорон. Самопожертвование девочки и смерть детей заставляет задуматься многих из обитателей городка; психолог Тесса рядом с их гробами думает: «вот бы архистратиг Михаил сошел со сверкающего витража и рассудил их всех, решил бы по справедливости, какова мера ее ответственности за эти смерти, за сломанные жизни, за все беды...»⁵²⁴. И начинает казаться, что и в этот унылый постхристианский мир, жители которого жаждут любви, но ищут ее не у Того, Кто может ее дать, входит Христос...

⁵²² Там же. С. 595

⁵²³ Там же. С. 578

⁵²⁴ Там же. С. 598

Заключение

Авторы, ряд аспектов творчества которых был показан в монографии, возможно и не думали, что их художественные произведения можно рассматривать в качестве источника по историко-культурологическому отражению процессов империализма и глобализации сквозь призму сознания личности, вовлеченной в эти процессы и передающих их общий фон через свое творчество.

Неизбежность смещения центров влияния в мире, происходившем в течение XX века, остро ощущалась и в начале этого столетия. Ощущение краха старого мира было повсеместным; в своем, написанном в 1942 году стихотворении «На Смоленском кладбище» А.А. Ахматова спустя годы так сформулировала воспоминание о том времени:

Восток еще лежал непознанным пространством
И громыхал вдали, как грозный вражий стан,
А с Запада несло Викторианским чванством,
Летели конфетти, и подвывал канкан...⁵²⁵

Впрочем, наверное, на что бы мы не смотрели, мы видим это через наши стереотипы и особенности восприятия, видим себя в других. И в

⁵²⁵ Ахматова А. Избранное. М., 2006. С. 387

этой связи и сегодня особенно актуален опыт английских писателей рубежа XIX – XX веков, готовых, говоря словами Гилберта Честертона «пройти сквозь огонь, чтобы добыть первоцвет» в поиске себя настоящих в мире, в котором, как писал Романо Гвардини «постепенно исчезает чувство собственного бытия человека и неприкосновенной сферы “личного”, составлявшее прежде основу социального поведения». Сегодня, когда процессы глобализации предельно заострены, когда англосаксонский мир распространяет свое влияние и через культурный империализм, этот опыт ценен, как показатель точек соприкосновения и разрыва глобализма и традиции, которые могут стать основой для понимания происходящих в начале третьего тысячелетия процессов.

Еще в XVII веке Томас Гоббс пишет в «Левиафане» о государстве, как рукотворном «смертном боге», который не создает, но сам создается «искусством» человека, объединяемого в нем с другими людьми в единое целое, но не во Христе, а в земном суверене, прообразе Антихриста. Наверное, не случайно до настоящего времени книга Гоббса пользуется интересом философов, политологов, юристов. Попытка создания всемирного государства, о главе и судьбе которого красноречиво повествует последняя книга Библии, многократно предпринималась в человеческой истории. Но именно в XX веке она была

наиболее близка к осуществлению. Британская империя рубежа XIX – XX веков была в зените своего расцвета, но уже тогда было понятно, что «страна, в которой не заходит солнце», в рамках которой сосуществуют различные государственные образования слишком «мягкая» форма для всемирной империи.

Для того, чтобы провести в XX веке серию таких масштабных кровопролитных войн и революций, каких человечество еще не знало, нужно было изменить сам взгляд на человека, ценность человеческой жизни. И целый ряд мыслителей XIX века над этим работали. Зигмунд Фрейд заявил, что человеком движут только страх, секс и голод, а все остальное - просто «надстройка» над этим «базисом». Чарльз Дарвин, а особенно примитивизировавшие его теорию политически ангажированные популяризаторы, заявил, что человек это фактически высокоразвитое животное, жизнь - это борьба за существование, но все равно все движется от плохого к лучшему, потому что в результате естественного отбора выживают наиболее приспособленные. Фридрих Ратцель, учитель основателя нацистской геополитики Карла Хаусхофера писал, что антропогеография это часть биогеографии, а человек биогеографическое явление; а В.И. Вернадский прямо назвал человечество мыслящим геологическим образованием. И вот в этих условиях, когда христианство

в мире постарались свести к обряду, к чему-то несуразному, когда в восприятии масс церковь превращалась во что-то, как писал Л.Д. Троцкий «за восковую свечу обещающее вечное блаженство на всем готовом», а сошедший в итоге своих философских исканий с ума Фридрих Ницше заявил, что «Бог умер», а человек, трудами вышеперечисленных идеологов антихристианской эпохи в общественном сознании все более уверенно «превращался» в «разумное животное», которым движут страх, секс и голод, да и не животное даже, а просто мыслящее геологическое образование, то возникал вопрос – а в чем смысл жизни этого существа, есть ли он вообще?

Империализм рубежа XIX-XX веков на пути к созданию единого всемирного государства или на первом этапе единого мирового экономико-политического пространства, привел к двум мировым войнам и серии революций, разрушившим прежний общественный уклад, унесшим десятки миллионов человеческих жизней. Причем необходимо отметить, что согласно диалектическому закону о единстве и борьбе противоположностей, кажущиеся антиподы разными путями шли к единой цели – созданию всемирного глобального тоталитарного государства. И основа этого глобального государства – олигархия. Больше ста лет назад Джон Гобсон писал: «Станет ли кто-нибудь утверждать серьезно, что европейские державы

могут предпринимать большие войны или размещать крупные государственные займы без согласия банкирского дома Ротшильда или его союзников? <...> Империализм нужен мистеру Рокфеллеру, Пирпонту Моргану, Ганна и Швабу и их союзникам, и они взваливают его на плечи великой республики Запада. Им нужен империализм потому, что они хотят использовать народные средства для выгодного помещения своих капиталов, которые при других условиях оказались бы праздным избытком». Больше ста лет прошло со времени написания книги, но этот тезис по-прежнему актуален.

Еще Джонатан Свифт писал, что «развращенный разум пожалуй хуже какой угодно звериной тупости»; нацистские, да и не только нацистские концентрационные лагеря со всей убедительностью подтвердили правоту этого утверждения. Казалось, что все большее количество людей в мире стремятся «освободиться» от себя настоящего и превратиться в созданного воображением Роберта Стивенсона «мистера Хайда», духовного родственника созданного фантазией М.А. Булгакова товарища Шарикова.

Процесс дегуманизации, как кажется многим, приобретает необратимые формы. В финале «Скотного двора» Джорджа Оруэлла персонажи «переводили взгляд со свиньи на человека, с человека на свинью и снова со свиньи на человека,

но угадать, кто из них кто, было невозможно». Вообще, его антиутопии – пророческое предостережение о том, что несет с собой глобализация – дегуманизацию, безнадежность и вечное царство зла, вне зависимости от того, кто бы не пришел к власти. И в этом ему вторит Олдос Хаксли, герой романа которого «Дикарь» Джон в конце покончил с собой, словно пытаясь сказать, что будущее этого мира, мира, отвергнувшего Бога и традицию, безнадежно... Мир без Христа становится миром антихриста, вне зависимости от того, какова его олигархия.

Даже право в этом мире становится правом буквы, а не духа, приобретая абсурдные черты. В своей книге «Путешествия Гулливера», впервые вышедшей в 1726 году, Джонатан Свифт дал оценку англосаксонской системе права, не потерявшую актуальность и сегодня: «Я сказал, что у нас есть целая корпорация людей смолоду обученных искусству доказывать при помощи пространных речей, что белое черно, а черное бело, соответственно деньгам, которые им за это платят. Эта корпорация держит в рабстве весь народ.

... В этом судейском сословии установилось правило, что однажды вынесенное решение может, по аналогичному поводу, применяться вновь; на этом основании они с великой заботливостью сохраняют все старые решения, попирающие справедливость и здравый смысл. Эти решения

известны у них под именем прецедентов; на них ссылаются как на авторитет, для оправдания самых несправедливых мнений, и судьи никогда не упускают случая руководствоваться этими прецедентами. При разборе тяжб они тщательно избегают касаться сути дела; зато горячатся и кричат до хрипоты, пространно излагая обстоятельства, не имеющие к делу никакого отношения. ...они никогда не выразят желание узнать, какое право имеет мой противник на мою корову и какие доказательства этого права он может представить, но проявят величайший интерес к тому, рыжая корова или черная; длинные у нее рога или короткие; круглое ли поле, на котором она паслась, или четырехугольное; дома ли ее доят или на пастбище; каким болезням она подвержена и т. п.; после этого они начнут справляться с прецедентами, будут откладывать дело с одного срока на другой и через десять, двадцать или тридцать лет придут наконец к какому-то решению.

Следует также принять во внимание, что это судейское сословие имеет свой собственный жаргон, недоступный пониманию обыкновенных смертных, на котором пишутся все их законы. Эти законы умножаются с таким усердием, что ими совершенно затемнена подлинная сущность истины и лжи, справедливости и несправедливости; поэтому потребовалось бы не менее тридцати лет, чтобы разрешить вопрос мне ли принад-

лежит поле, доставшееся мне от моих предков, владевших им в шести поколениях, или какому либо чужеземцу, жившему за триста миль от меня.

...во всем, не имеющем отношения к их профессии, они являются обыкновенно самыми невежественными и глупыми из всех нас, неспособными вести самый простой разговор, заклятыми врагами всякого знания и всякой науки, так же склонными извращать здравый человеческий смысл во всех других областях, как они извращают его в своей профессии»⁵²⁶.

Даже те, кто внешне благополучны, не могут быть счастливы в мире, забывшем Бога. В этом смысле показательна «Миссис Дэллоуэй» Вирджинии Вулф – картина респектабельного ада; послевоенного мира, где герои страдают в большей степени от внутренних, чем от внешних проблем. Интересно, что все события в романе, как и в «Улиссе» Д. Джойса происходят в течение одного дня; несмотря на то, что у Вирджинии Вулф знаменитые лондонские часы являются чуть ли не самостоятельным персонажем, возникает ощущение, что некоторые герои вышли за пределы времени, и их муки уже вечны...

Куда же можно деться от этого полного ужаса и безнадежности мира?

⁵²⁶ Свифт Д. Путешествия Гулливера. Академия. Москва-Ленинград, 1932. С. 517, 519-522.

Уильям Моэм наглядно показывает в своих произведениях плоды греха, к которому стремится большинство людей – болезнь и смерть; показывает с удивительной художественной достоверностью, хотя, естественно, не ставил перед собой такой задачи. И он же наглядно показал, как самые красивые слова о Боге и спасении могут нести за собой совсем иной смысл, разрушая жизнь людей, в первую очередь, того, кто так бездумно их использует. А в то же время простые человеческие решения, если они движимы любовью, могут менять жизнь не только тех, кто их принял, но и тех, кто рядом с ними.

Грэм Грин пишет роман «Сила и слава», наполненный внутренними конфликтами персонажей – на первый взгляд роман без положительных героев и, кажется, что и без надежды. Но конец романа, когда главный герой пойман, приговорен к расстрелу, проводит накануне его ночь в мучительных терзаниях, показывает, что священнику удалось все-таки победить в себе страх смерти, столь долго его терзавший. А его смерть стала началом веры для мальчика, который демонстрировал свое отторжение от нее в протест религиозной матери, не умевшей найти к нему подхода.

Оскар Уайльд пытался построить в своих произведениях выдуманный мир красоты, в который можно было бы уйти от ужасной реальности

сформировавшегося империализма. Но торжество правды на этой поврежденной грехом земле не может быть постоянным, и в финале сказки «Мальчик звезда» Уайльд пишет о том, что правление этого мальчика, ставшего справедливым королем, было непродолжительно: «Но правил он недолго. Слишком велики были его муки, слишком тяжкому подвергся он испытанию – и спустя три года он умер. А преемник его был тираном». А у Герберта Уэллса герой, желающий выйти за границы реальной повседневности в волшебный мир, с детства его манивший, падает в яму и сворачивает себе шею. Но странным образом кажется, что автор сочувствует его поступку: «Но кто знает, что ему открылось?»

И многие английские писатели утверждали, что подлинная цель бытия человека – за границами этого мира. Льюис Кэрролл утверждал, что кошмар этого мира, его абсурд – всего лишь сон; мы способны проснуться от него, проснуться, чтобы стать причастными любви. Клайв Льюис устами своих героев прямо заявляет: «Может, мы и дети, играющие в глупую игру. Но четверо детей создали игрушечный мир, который лучше вашей реальной ямы. Я не предам игрушечного мира. Я останусь с Асланом, даже если Аслана нет. Я буду жить как нарниец, даже если нет Нарнии». А тех, кто считает, что любовь и вера – глупые выдумки можно только пожалеть: «Они не

дадут себе помочь. Они выбрали выдумку вместо веры. Их тюрьма – в их воображении, но они – в тюрьме. Я не могу вывести их наружу, потому что они слишком много думают о том, чтоб не дать себя провести». В этом с ним полностью созвучен Гилберт Честертон: «Люди отвергают догму не потому, что догма плоха, а потому что она слишком хороша. Она дарует слишком большую свободу, чтобы оказаться правдой. Она дарует немислимую свободу, ибо человек может пасть. Она дает небывалую свободу – сам Бог может умереть. Вот что должны были бы сказать просвещенные скептики, и я ни в малейшей степени не собираюсь возражать им. Для них – мироздание – тюрьма, жизнь – сплошные ограничения; не случайно, говоря о причинной связи, они вспоминают цепь. Им кажется, что поверить в нашу свободу – все равно, что поверить в страну фей. Мы вправе вполне буквально сказать, что истина сделала нас свободными».

Что же может сделать «простой человек» перед лицом глобального мира? Джон Толкин показывает, как выбор хоббита Фродо меняет не только его самого, но и судьбу мира, в котором он живет, а выбор некогда великого мага Сарумана безвозвратно губит его, делая жалким и беспомощным, но губит лишь его лично и тех, кто ему поверил. Невольно вспоминаются слова апостола Павла: «Бог избрал немудрое мира, чтобы посра-

мать мудрых; и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и униженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, - для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом» (1 Кор. 1, 28).

И нельзя не отметить, что духовный поиск английских писателей продолжается и сегодня. В конце, казалось бы, исполненной безнадежностью книги нашей современницы Джоан Роулинг «Последняя вакансия», книги без прикрас рисующей обитателей постхристианского английского городка, самопожертвование девочки Сухвиндер и смерть детей – Кристал и ее брата – заставляет задуматься многих из обитателей городка; психолог Тесса рядом с их гробами думает: «вот бы архистратиг Михаил сошел со сверкающего витража и рассудил их всех, решил бы по справедливости, какова мера ее ответственности за эти смерти, за сломанные жизни, за все беды...» И начинает казаться, что и в этот унылый постхристианский мир, жители которого жаждут любви, но ищут ее не у Того, Кто может ее дать, входит Христос...

Мы не знаем будущего мира, даже собственного будущего; Арнольд Тойнби хорошо написал об этом, что «он лишь живой обломок кораблекрушения в бурном потоке времени, отдавая себе отчет в том, что его неустойчивое и фрагментарное видение происходящих событий не более чем

карикатура на историко-топографическую карту. Лишь Бог знает истинную картину. Наши индивидуальные человеческие суждения – это стрельба наугад». Но здесь и сейчас каждый из нас делает свой выбор, который определяет не только нашу судьбу, но и судьбу всего мира.

Клайв Льюис прямо пишет о том, что даже в антихристианском мире, и особенно в нем, подлинного себя человек может обрести только во Христе: «Отдайте себя – и вы обретете себя. Будете искать “себя” – и вашим уделом станут лишь ненависть, одиночество, отчаяние, гнев и гибель. Но если вы будете искать Христа, то найдете Его, и “все остальное приложится вам”». Его слова также актуальны и сегодня.

Интересно отметить, как мысли английских христианских писателей начала и первой половины XX века перекликаются на глубинном уровне с рассуждениями одного из наиболее харизматичных деятелей движения «Анонимных Алкоголиков» второй половины этого столетия Чарльза Чемберлейна, самого о себе говорившего, что его вряд ли можно назвать христианином и вряд ли имевшим представление об английской литературе, но жившим последние 30 лет своей жизни так, как будто он всегда предстоит перед Богом. Название его получившей известность книги – «Новые очки» – дали слова одного католического священника-иезуита, о котором Чарльз

Чемберлейн вспоминал так: «Он сказал мне однажды: “Чак, твоим крестом был алкоголизм, а моим слабость веры. Я выучил всё, что было нужно, и был посвящён в духовный сан, но при этом ни во что не верил”. Восемнадцать лет он изучал все эти дела, в духовный сан его посветили, а он ни во что не верит. И он сказал мне: “Я стал верить, когда увидел, что происходит со всеми вами в сообществе Анонимных Алкоголиков”. И он сказал: “Иногда я верю, что Рай – это всего лишь новые очки”. Я думаю, что это одно из самых мудрых высказываний, которое мне когда-либо довелось услышать»⁵²⁷. Ч. Чемберлейн убедительно показывает, что большинство проблем находится внутри человека: «...сегодня я сижу в том же кресле, в котором я просидел десять лет, как в Аду. В этом же кресле я уже двадцать девять лет сижу, как в Раю. С креслом ничего не произошло. Ничего не произошло с моей женой. Ничего не произошло с моими детьми. Но что-то произошло со мной, доказывая, что Рай всегда был в этом кресле. С креслом ничего не случилось, я по-прежнему сижу в нём, и я в Раю. Вот почему в словах Большой Книги так много позитива. Полностью освободиться от себя – там ска-

⁵²⁷ Чак Ч. Новые очки <http://www.google.ru/url?d.Yms&cad=rjt>
(дата обращения 5.09.2013)

зано, отринув всё. И препоручить нашу волю и нашу жизнь Богу»⁵²⁸.

Такое сходство на онтологическом уровне совсем разных людей показывает общность их базовых ценностей. Смелому поиску Истины, отринув все, они посвятили свою жизнь, давая новую надежду все дальше отходящему от Христа и от христианского взгляда на жизнь англосаксонскому миру, пытаясь донести старые истины на новом языке тем, кто перестал их понимать и воспринимать.

⁵²⁸ Там же.

Библиографический список

Источники

1. Бронте Ш. Джен Эйр litmir.co>br/?b=4778&p=8 (дата обращения 28.05.2016)
2. Вулф В. Миссис Дэллоуэй // В. Вулф. Малое собрание сочинений. Спб., 2014. С. 5-178.
3. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001. 478 с.
4. Грин Г. Сила и слава. / Г. Грин. Брайтонский леденец. Сила и слава. Суть дела. Романы. М., 2009. С. 257-456.
5. Джойс Д. Улисс. Том 1. СПб., 2014. 608 с.
6. Джойс Д. Уисс. Том 2. СПб., 2014. 608 с.
7. Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. // Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. Петрозаводск, 1979. С. 7-115.
8. Кэрролл Л. Алиса в Зазеркалье. // Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. Петрозаводск, 1979. С. 117-235.
9. Кэрролл Л. Сильвия и Бруно. М., 2011. 489 с.
10. Льюис К. С. Космическая трилогия. М.-СПб., 2011. 672 с.
11. Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф // Собр. соч. в 8 т. Т. 5. СПб., 1999.

12. Льюис К. С. Мерзейшая мощь // Собр. соч. в 8 т. Т. 4. СПб., 2003. С. 7-306.
13. Льюис К. С. Настигнут радостью // Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 2000. С. 273-436.
14. Льюис К. С. О старинных книгах // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. СПб., 2004. С. 296-298.
15. Льюис К. С. Письма к Малькольму // Собр. соч. в 8 т. Т. 8. СПб., 2000. С. 337-423.
16. Льюис К. С. Последняя битва // Собр. соч. в 8 т. Т. 6. СПб., 2000. С. 215-325.
17. Льюис К.С. Похороны Великого Мифа / Собр. соч. в 8 томах. Том 8. М., 2000. С. 424-437.
18. Льюис К. С. Просто христианство // Собр. соч. в 8 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 11-201.
19. Льюис К.С. Серебряное кресло / Собр. соч. в 8 томах. Том 6. М., 2000. С. 9-123.
20. Льюис К. С. Чудо // Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 2000. С. 145-271.
21. Моэм У.С. Бремя страстей человеческих. Л., 1984. 671 с.
22. Моэм У.С. Дождь // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 315-352.
23. Моэм У.С. Луна и грош // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 29-208.

24. Моэм У.С. Острие бритвы // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 7-284.
25. Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 377-556.
26. Моэм У.С. Санаторий // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 681-702.
27. Моэм У.С. Узорный покров // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 209-376.
28. Оруэлл Д. 1984. Скотный двор. М., 2011. 349 с.
29. Свифт Д. Путешествия Гулливера. Академия. Москва-Ленинград, 1932.
30. Стивенсон Р.Л. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда // Повести. М., 2010. С. 393-508.
31. Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и дары смерти. М., 2007. 640 с.
32. Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и узник Азкабана. М., 2005. 511 с.
33. Роулинг Дж.К. Случайная вакансия. Спб., 2015. 608 с.
34. Тойнби Дж. А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад <http://romanbook.ru/book/txt/9360095/?key=f5c448uct69fua73usjtav8873> (дата обращения 03.01.2015 года)

35. Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004.
36. Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 2. Две твердыни. М., 2004.
37. Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 3. Возвращение короля. М., 2004.
38. Уайльд О. Баллада Рэдингской тюрьмы // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 379-398.
39. Уайльд О. Мальчик-звезда // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 362-378.
40. Уайльд О. Портрет Дориана Грея // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 29-235.
41. Уайльд О. Рыбак и его Душа // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 328-361.
42. Уайльд О. Счастливый принц // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 264-273.
43. Уэллс Г. Бэлпингтон Блэпский // Г. Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 13. М., 1964.
44. Уэллс Г. Война миров // Г. Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 2. М., 1964.
45. Уэллс Г. Дверь в стене // Собр. соч. в 15 томах. Т. 6. М., 1964. С. 353-373.

46. Уэллс Г. Игрок в крокет // Г. Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 12. М., 1964. С. 481-526.
47. Уэллс Г. Машина времени // Г. Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964. С. 53-142.
48. Уэллс Г. Облик грядущего // Г. Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 13. М., 1964. С. 5-400.
49. Уэллс Г. Остров доктора Моро // Г. Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964. С. 143-262.
50. Уэллс Г. Россия во мгле // Г. Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 15. М., 1964. С. 315-378.
51. Уэллс Г. Человек — невидимка // Г. Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964. С. 263-407.
52. Хаксли О. О дивный новый мир. М., 2011. 288 с.
53. Честертон Г.К. Бог с золотым ключом (из «Автобиография») // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 486-492.
54. Честертон Г.К. Возвращение Дон Кихота // Г. К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. СПб., 1992. С. 239-410.

55. Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 92-264.
56. Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 357-478.
57. Честертон Г.К. Шар и крест. М., 2008. 240 с.

Литература

58. Аникст А. Оскар Уайльд. // О. Уайльд Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961.
59. Антоний, митрополит. Беседы о вере и Церкви. М., 1991. 318 с.
60. Аргументы и факты. Список досье. Персоны. <http://www.aif.ru/dossier/1399> (дата обращения 13 мая 2016 года)
61. Аствацатуров А. Романы Вирджинии Вулф 1920-х годов // В. Вулф. Малое собрание сочинений. Спб., 2014
62. Ахматова А. Избранное. М., 2006. 640 с.
63. Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков./ Сост. Г.П. Аксенов. М., 1993
64. Гауф В. Молодой англичанин // Романтические фантазии. Том I. М., 1993. 616 с.
65. Гвардини Р. Конец Нового времени www.krotov.info/libr_min/04_g/gva/rdini.htm (дата обращения 03 октября 2013 года)

66. Гобсон Д. А. Империализм. Ленинград, 1927. 286 с.
67. Гофман Э.Т.А. Крошка Цахес по прозвию Циннобер // Романтические фантазии. Том I. М., 1993. 616 с.
68. Делёз Ж. Критика и клиника / Пер с франц. О.Е. Волчек и С.Л. Фокина. Послесл. и примеч. С.Л. Фокина. - СПб.: Machina, 2002
69. Демурова Н. Льюис Кэрролл и его сказки про Алису // Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. Петрозаводск, 1979. С. 236-245.
70. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Роман в четырех частях с эпилогом. Ч. 1-2. М., 1991. 416 с.
71. Дьяконова Н. Я. «Роман, автобиография или биография» // Моэм У.С. Бремя страстей человеческих. Л., 1984. С. 666-671.
72. Игры разума рождают Льюиса Кэрролла <http://refdb.ru/look/2012026.html> (дата обращения 28.05.2016)
73. Каутский К. Империализм // К. Каутский. Демократия и социализм. Фрагменты работ разных лет. М., 1991.
74. Каутский К. Национальное государство, империалистское государство и союз государств. М., 1917. 94 с.
75. Кригер И.Б. Философия Герберта Уэллса. Автореферат дисс. ... канд. философ. наук. М., 2005

- <http://cheloveknauka.com/filosofiya-gerberta-uellsa#ixzz3JFm6hHEh>
76. Кураев А., диак. Ответы молодым *lib.eparhia-saratov.ru*›*Books*›*1ok/kuraev/answer/70.htm* (дата обращения 14.12.12)
77. Кураев А., диак. Протестантам о Православии. М.,1997. 272 с.
78. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 27. М., 1962. С. 219-426.
79. Ленин В.И. Империализм и раскол социализма. // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 30. М., 1962. С. 163-179.
80. Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце: Прибавление (полностью) // Полное собрание сочинений. Том 4. Труды по физике, астрономии и приборостроению 1744-1765гг. М.-Л.: Академия наук СССР, 1955
81. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2008. 304 с.
82. Льюис Кэрролл – Биография *romnipro.ru*›*meto*›*page3865/biography* (дата обращения 28.05.2016)
83. Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. 507 с.

84. Михаил (Чепель), иеромонах. С точностью наоборот. Записки на полях. М., 2015. 488 с.
85. Недошивин В. Оруэлл 2013. <http://www.rg.ru/2013/06/25/oruell.html> (дата обращения 25.06.2016 года)
86. Океанская Ж.Л. Пособие по культурологии для студентов-негуманитариев (хрестоматия). Шуя, 2012. 392 с.
87. Океанский В.П. Средние века продолжают // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2013. № 3-4(11-12). С. 74-77
88. Падни Д. Льюис Кэрролл и его мир. М., 1982. 143 с.
89. Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле. М., 2011. 58 с.
90. Скороденко В. Предисловие // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 7-25.
91. Толмачев В.М. Грэм Грин и его роман «Сила и слава» <http://www.pravoslavie.ru/sm/29417.htm> (дата обращения 08 мая 2016 года)
92. Трауберг Н. Гилберт Кийт Честертон и его трактаты // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 4-12.
93. Трауберг Н. Космическая трилогия / К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. М., 2003.

94. Трауберг Н. Книга справедливости // Г.К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. СПб., 1992. С. 5-8.
95. Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М.: Изд-во «Наука», 1990.
96. Федотов А.А. Духовные поиски английских писателей на рубеже XIX-XX веков в контексте формирования глобального мира. Монография. Иваново, 2015. 160 с.
97. Федотов А.А. Формирование учения об империализме в начале XX века. Иваново, 2011. 106 с.
98. Федотов А.А. Проблемы империализма в книге Розы Люксембург «Накопление капитала» // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2012. № 1-2(5-6). С. 11-16
99. Федотов А.А. Учение об империализме в работах В.И. Ленина // Актуальные вопросы образования и науки. Научный журнал. Москва - Архангельск. 2010. № 5-6. Ноябрь. С. 72-77
100. Федотов А.А. Учение об империализме в одноименной книге Д. А. Гобсона // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2011. № 1-2. С. 4-10
101. Федотов А.А. Империализм начала XX века в формировании геополитики начала XXI

- века // Философия хозяйства. 2013. № 6(90).
С. 214-224
102. Федотов А.А. Февральская буржуазная революция 1917 года в контексте формирования новой государственности в мире // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2013. № 1-2(9-10). С. 77-83
103. Царев А.Р. Закат Европы и его литературное отражение (на примере творчества Артура Конан Дойля и Клайва Стейплза Льюиса) // На пути к гражданскому обществу. 2014. № 4(16). С. 15-19.
104. Чак Ч. Новые очки
<http://www.google.ru/url?d.Yms&cad=rjt> (дата обращения 5.09.2013)
105. Честертон Г.К. Льюис Кэрролл
http://krotov.info/library/n_k/er/rol_00.html
(дата обращения 28.05.2016)
106. Шмеман А., прот. Водю и Духом. М., 1993. 223 с.
107. Шмеман А., прот. Литургическое богословие. СПб., 2006. 440 с.
108. Шпенглер О. Закат Западного мира. М., 2010. 1088 с.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*Куёт бессильные крамолы,
Дрожь над бездной, Альбион!
А. С. Хомяков*

Грёзы об Англии охватывали русского человека, пожалуй, с тех пор как Россия становится в XVIII веке морской державой, хотя, например, дочь Петра Первого императрица Елизавета так до конца жизни и не смогла поверить в то, что Англия находится на острове... Англomанами были столь разные знаменитые личности XIX столетия (собираательные и реальные) как пушкинский индивидуалист Евгений Онегин (вспомним хотя бы его своеобразный, в существенной части – масонский, круг чтения, открывающийся нам в романе при посещении Татьяной Лариной его «пустынного замка»), или же его реальный антипод – первый русский культуролог, теоретик соборности и пламенный славянофил Алексей Степанович Хомяков, написавший в статье об Англии, что её жители происходят из древнего племени угличан, а также успешно демонстрирующий свою паровую машину на всемирной выставке в Лондоне; нельзя здесь не вспомнить и пашущего в начале XX века родовое крестьянское поле (ещё не ведающее тракторов!)

графа Льва Николаевича Толстого, одетого в дорогое платье из английского сукна... Поэтому обращение к Англии в связи личности с глобализацией совершенно закономерно и для современного учёного россиянина.

Монография Алексея Александровича Федотова «Личность и развитие глобализации сквозь призму творчества английских писателей конца XIX – первой половины XX вв.» посвящена одной из актуальнейших культурологических проблем, связанных с поиском личностью своего экзистенциального места в глобальном мире. В этой работе с опорой на интуиции английских авторов показывается как общие тенденции формирующегося империализма нового типа преломлялись через сознание знаменитых писателей, как строительство антихристианской глобальной реальности заставило их обратиться к ценностям христианства, при этом не все они смогли их воспринять.

Сам выбор этих авторов, творчество которых было проанализировано в книге, хотя и носит субъективный характер, как отмечает и сам Алексей Федотов, но всё же позволяет ему раскрыть тему своего заявленного в названии фундаментального замысла. Некоторых рассмотренных здесь английских авторов вроде бы и нельзя в полной мере назвать писателями (например, Д. А. Гобсона и А. Дж. Тойнби), однако само обращение к ним всё же представля-

ется оправданным в силу того, что их научные произведения дополняют художественные труды других. Кроме того, можно здесь предположить, что в данном контексте допустимо и расширительное понимание самого термина «писатель»: как известно, В. И. Ленин в анкетах указывал свою профессию как «литератор», Н. А. Бердяев в годы революции возглавлял союз писателей, а Томас Манн называл «Закат Европы» Освальда Шпенглера «интеллектуальным романом».

Более того, упомянутый нами Хомяков утверждал, что «в науке есть уже поэзия, потому что наука сдружилась с истиной» – а французский виталист Анри Бергсон подчёркивал, что «в науке часто образный язык лучше передаёт существо дела, в то время как язык отвлечённых понятий остаётся прилепленным к поверхностной видимости вещей».

Представляется, что и избранная А. А. Федотовым форма подачи материала – преимущественно через цитирование исследуемых им источников – обусловлена общей репрезентативной логикой исходного замысла его исследования и тем вполне оправдана. Такой путь подачи приближает её к жанру своеобразной хрестоматии и делает особо ценной, сообщает ей энциклопедические черты, напоминая о старых барочных книгах, интерпретированных замечательным филологом и музыковедом Алексан-

дром Викторовичем Михайловым в качестве «сводов-объёмов, репрезентирующих мир в его полноте и обширности».

Сам же материал, использованный в этой монографии, ещё раз показывает, что Новое время вообще – духовный упадок во всех отношениях, триумф чувственности (торжествующего сенсуализма и эмпиризма), рационалистического иллюзионизма; даже на Афоне Имя Божие перестали почитать, а такой яркий деятель синодальной церкви как архиепископ Никон (Рождественский), преследуя монахов-имяславцев, топтал бумажку, на которой оно было написано... Но всё это вроде бы, по крайней мере, на первый взгляд – о другом. Новая же работа профессора Федотова что-то существенное (специфически английское!) передаёт во всей этой линии деградации прогрессивного человечества...

Книга достаточно репрезентативна, в чём её читатель смог убедиться сам – завершим же это небольшое послесловие строками знаменитого хомяковского стихотворения «Остров», написанного за год до смерти Пушкина и переведённого на английский язык англиканским пастором и богословом, едва не перешедшим в Православие – Уильямом Пальмером:

*Для тебя, морей царица,
День придёт – и близок он –*

*Блеск твой, злато, багряница –
Всё пройдёт, минёт как сон...*

*И другой стране смиренной,
Полной веры и чудес,
Бог отдаст судьбу вселенной,
Гром земли и глас небес.*

Вячеслав Петрович ОКЕАНСКИЙ

*Доктор филологических наук, профессор по
кафедре культурологии (ВАК РФ); заведующий
кафедрой культурологии и литературы,
научный руководитель Центра
кризисологических исследований Шуйского
филиала Ивановского государственного
университета*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д.Л. Шукуров</i> ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Введение.....	10
ВМЕСТО ПРОЛОГА. Моделирование антицеркви в книге Томаса Гоббса «Левиафан».....	21
Страна, в которой не заходит солнце.....	38
Учение об империализме Д.А. Гобсона	67
Когда красота становится уродством. Перечитывая Оскара Уайльда.....	87
Темная сторона человека: доктор Джекил и мистер Хайд Роберта Стивенсона.....	102
Абсурдный кошмар бытия всего лишь сон: анализируя творчество Льюиса Кэролла.....	111
Научно-фантастический ад. Некоторые аспекты творчества Герберта Уэллса.....	128
Клайв Стейплз Льюис о Боге, о вере и о человеке.....	141
Космическая трилогия К.С. Льюиса.....	158
«Пройти через огонь, чтобы добыть первоцвет» Гилберт Кийт Честертон – христианский рыцарь XX века.....	172
Уильям Сомерсет Моэм – «исповедь» писателя.....	191
Плоды греха в романах У.С. Моэма «Луна и грош» и «Время страстей человеческих».....	202

Становление личности в романе У.С. Моэма «Узорный покров».....	216
Строительство ада и рая жизнью человека в рассказах У.С. Моэма.....	231
Респектабельный ад миссис Дэллоуэй.....	249
«Улисс» Джеймса Джойса как зеркало постхристианского мира.....	270
Мир, отвернувшийся от Бога: антиутопии Джорджа Оруэлла.....	277
«Дивный новый мир» Олдоса Хаксли.....	300
Значение личного выбора для глобального мира во «Властелине колец» Джона Рональда Руэла Толкина.....	320
Один из кругов земного ада: «Сила и слава» Грэма Грина.....	331
Арнольд Тойнби: «Цивилизация перед судом истории».....	348
ВМЕСТО ЭПИЛОГА. «Случайная вакансия» в постхристианском английском городке: «другая» книга Джоан Роулинг.....	352
Заключение.....	365
Библиографический список.....	380
В.П. Океанский ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	391

Научное издание

Федотов Алексей Александрович

**ЛИЧНОСТЬ И РАЗВИТИЕ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ТВОРЧЕСТВА АНГЛИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ КОНЦА XIX- ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВВ.**

Монография

Литературный редактор Шукуров Дмитрий Леонидович

ISBN 978-5-9908353-3-7



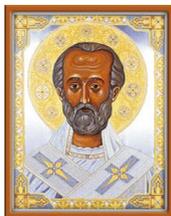
Отпечатано ОАО «Информатика»

Формат 60x84/16

Бумага писчая. Гарнитура «Constantia». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 25,0 Уч.-изд.л. 11,58.

Тираж 1000 экз. (первый завод 500 экз.).



**Издание выпущено при поддержке
Благотворительного Фонда Святителя
Николая Чудотворца**

www.nacxa.ru

Дорогие читатели!

Благотворительный Фонд Святителя Николая Чудотворца действует уже свыше 15 лет. Только за первые десять лет своей работы выполнил 880 соглашений о благотворительной помощи по 615 проектам на территории 50 субъектов Российской Федерации и 37 проектам за рубежом. Фонд участвовал в строительстве и восстановлении свыше 100 монастырей и храмов, воздвижении 26 памятников святым покровителям России и видным общественным деятелям, бесплатно распространил свыше миллиона единиц печатной продукции, организовал десятки паломнических поездок по России и за рубеж, множество благотворительных концертов с участием известных на всю страну исполнителей. Организовывалась помощь детским садам, общеобразовательным и шахматным школам, центрам детского творчества, православным семинариям и миссионерским центрам. Фонд Святителя Николая Чудотворца оказывал благотворительную помощь военным летчикам, морякам, пограничникам и десантникам. Естественно, что такая деятельность не могла пройти незамеченной; силы тьмы не любят тех, кто идет за Христом

Спасителем. Поэтому Фонд столкнулся с множеством сложностей, нападок со стороны самых разных людей, причем некоторые из них ранее сами принимали помощь Фонда. Но, несмотря на все трудности и испытания, наша работа продолжается во славу Бога, молитвенным предстательством Святителя Николая Чудотворца.

Мы просим и Вас о молитвенной поддержке, которая необходима нам для преодоления возникающих на пути развития Фонда преград и реализации новых проектов, а также о молитвах за наших ушедших в путь всей земли родственниках и дорогих нашему сердцу людях, духовное единство с которыми мы ощущаем в Церкви Христовой, в которой соединяются ныне живущие с теми, кто перешагнул порог вечности.

Просим Ваших молитв:

О здравии: иеромонаха Михаила, Андрея, Александра, Александры, Александры, Николая с сослуживцами.

О упокоении: Евфросинии со сродниками, Юрия со сродниками, Иоанна со сродниками, Надежды, Бориса, Татьяны.

И Вас да сохранит и благословит Господь!